

БАРБАРА УОРД

**ПЯТЬ ИДЕЙ,
КОТОРЫЕ
МЕНЯЮТ МИР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФРЕДЕРИК А. ПРЕГЕР
Нью-Йорк

БАРБАРА УОРД

**ПЯТЬ ИДЕЙ,
КОТОРЫЕ
МЕНЯЮТ МИР**

Перевод с английского И. Матвеева

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФРЕДЕРИК А. ПРЕГЕР
Нью-Йорк

**FIVE IDEAS
THAT CHANGE THE WORLD**

by **BARBARA WARD**

Translated by **I. MATVEIEV**

Напечатано в Соединенных Штатах Америки в 1961 г.
издательством Фредерик А. Прегер,
64 Юниверсити Плэйс, Нью Йорк 3, Н. Й.

© 1961 in the United States of America
by Frederick A. Praeger, Inc.

All rights reserved

The original English-language edition of this book
was published in the United States of America in 1959
by Frederick A. Praeger, Inc.

Manufactured in the United States of America

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первого министра Ганы

В начале 1957 академического года я сообщил ректору Ганского университета, что мой добрый друг, леди Джексон, известная миру как Барбара Уорд, примет, возможно, приглашение прочесть ряд публичных лекций в Университетском колледже по вопросам мировой политики, предмету особенно своевременному в год достижения Ганой национальной независимости. Результатом этого явилась эта книга.

Так увлекательны были лекции сами по себе и так велико было их воздействие на аудиторию, которая росла с каждой последующей лекцией, что у меня зародилась мысль, поддержанная моими коллегами — членами правительства, выделить для Университетского колледжа ежегодную сумму денег для проведения годового цикла лекций (из которых этот цикл является первым), назвав их «Лекции имени Агрея, Фрезера и Гугисберга», в память большой работы этих трех людей на поприще развития народного образования на Золотом Берегу, нынешней Гане. А. Г. Фрезер — основатель и вдохновитель великих традиций Ачимотской школы и ее первый директор. Дж. Е. К. Агрей — его талантливый, преданный и добросовестный первый заместитель, выражение которого «только самое лучшее достаточно хорошо для Африки» стало девизом школы; и сэр Гордон Гугисберг, губернатор Золотого Берега с 1919 по 1927 год, который поддерживал их уси-

лия с неослабевающим энтузиазмом. Без них Гана не могла бы теперь с полным правом ощущать себя на одном уровне в области образования со всеми другими территориями африканского континента.

Часто говорят, что понимание настоящего зиждется на понимании прошлого; в настоящее время верность этого утверждения менее очевидна, чем раньше. Никогда еще мир не был так разделен враждующими идеологиями, никогда мир так не зависел от того, будет ли найдена возможность если не примирения идеологий, то хотя бы сосуществования. Само продолжение человеческого рода, кажется, упирается в разрешение этой проблемы.

Барбара Уорд не делает общей для многих экономистов и политических теоретиков ошибки пытаться истолковать настоящее, — а еще менее — предсказать будущее, — в категориях, исключительно принадлежащих прошлому. Каждую из своих лекций она посвящает избранной ею области, тщательно прослеживая развитие политической мысли с древнейших времен. Но особенно важное значение этих циклов лекций заключается в анализе настоящего и в синтезе составных элементов, создающих широкую панораму, которая в одно и то же время и разъясняет, и обогащает сведениями.

В отношении малых не примкнувших к силовым группировкам стран у Барбары Уорд есть своя особая точка зрения: она считает, что они, освободившись от оков враждующих политических идеологий, могут играть значительную роль, следя за главными участниками состязания, чтобы предотвратить потерю контроля, которая может означать конец человечества. Она цитирует африканскую поговорку: «Слоны дерутся — трава полегла», и обращается к малым и неопределившим свою политическую принадлежность нациям с призывом сделать так, чтобы их голос был услышан и конструктивно осмыслен, пока еще есть время, потому что в этот

век тотального оружия слоны исчезнут вместе с травой.

Через все эти лекции проходит основная мысль о неизбежности человеческой свободы, даже если эта свобода — свобода самоуничтожения. Вся история свидетельствует, что господство человека над человеком должно в конце концов вызвать бунт, пассивный или активный, и тогда право индивидуума или группы восторжествует над угнетением. Я заметил раньше, что прошлое больше уже может быть не является надежным руководством для будущего; будем надеяться, что хотя бы в этом отношении история сыграет роль путеводного маяка и что нетерпимость, эксплуатация и жестокость человека по отношению к человеку когда-нибудь исчезнут с лица земли.

Резиденция правительства

Кваме Нкрума

*Осу
Гана*

Глава первая

НАЦИОНАЛИЗМ

I

Разбор проблем современности следует, полагаю, начать с той области, где находится подлинное средоточие сил. Вряд ли нужно доказывать, что подоплекой большинства вопросов в области национальных и международных отношений является проблема власти: власти в самом буквальном смысле, когда одни люди в состоянии категорически диктовать свою волю другим. В современном мире эта конечная власть принадлежит государству. Деспотические правительства осуществляют эту власть силой, демократические, — преимущественно, с общего согласия. Но, в конечном счете, шансы любого правительства удержаться у власти зависят от степени его способности проводить свою политику и осуществлять свою волю. Этот абсолютный суверенитет есть только у государства.

Таким образом государство является узловым пунктом всех наших проблем. Поскольку нас интересуют вопросы международной политики, при изучении государства нас главным образом должны интересовать его взаимоотношения с другими государствами. Именно эта область является источником трений, потенциальных возможностей и общих перспектив международной политики. Однако можно начать и с рассмотрения государства как такового, в отдельности от других государств. Когда мы говорим о государстве, нам кажется, что мы

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

знаем, что именно мы подразумеваем под этим понятием. На самом же деле, концепция государства на протяжении столетий изменилась до полной неузнаваемости. Наши сегодняшние представления о государстве никак не соответствуют тем представлениям, которые были о государстве у наших предков. Наш собственный подход очевиден из таких фраз, как «национальное государство» или «Организация Объединенных Наций». Для нас понятия «государство» и «нация» представляются равнозначущими. Но на самом деле это совершенно новая концепция. Если бы мы обсуждали этот вопрос в шестнадцатом веке, мы не употребили бы выражения «национальное государство». Разумеется мы говорили бы о «государстве», но под этим мы подразумевали бы только центр политической власти, а определить это понятие даже и не пытались бы. Власть могла бы принадлежать династии, завоевателю, вольному городу или самому римскому папе. Никто бы произвольно не отождествил понятие государства с понятием нации.

Разумеется нет, ибо национальное государство как главная составная часть современной нам международной системы образовалась только в течение последних трехсот лет. Представление о том, что существует органическая связь между национализмом и государством, или о том, что осознание себя данной национальной группой дает право на создание государства — возникло только в наше время.

Но в таком случае, как возникли эти идеи? Несмотря на всю их современность, некоторые их корни на самом деле очень древни. Они уходят в глубь веков, в те времена, когда в течение сотен тысяч лет основной социальной структурой было племя. Эта социальная система, уцелевшая в наше время только в Африке и кое-где в Азии, когда-то

НАЦИОНАЛИЗМ

охватывала весь мир. Все наши общественные системы в какой-то степени развились из первичных племенных форм, что, вне всякого сомнения, определило некоторые черты махрового национализма недавнего времени. Первым и сильнейшим чувством человека было чувство родства, чувство большей близости к одной группе людей, чем к другой, чувство объединенности под одной общей властью. Это единство организации укреплялось еще и общностью традиций и обычаев, легендами и мифами и, что чрезвычайно важно, — общностью языка. Сейчас в Новой Гвинее буквально в каждой деревне язык разнится от языка соседней деревни, так как у каждой родовой группы вы встретите свои особенности языка.

Но союз и сплоченность имеют и оборотную сторону медали: чувство *неимения* тесных связей с другими и ощущение этих других чужаками, стоящими вне группы. От отчужденности до враждебности один шаг, особенно в тех случаях, когда усилия, чаяния и стремления чужого племени мешают деятельности вашего собственного племени. Предания древнейших времен отмечают не только единство, но и враждебность племенных групп. Можно с грустью констатировать, что все коренные причины напряженности в современном мире, споров, ведущих к неприязни и войне, могут быть во всей своей полноте обнаружены в родовом строе. Когда сто лет назад западные миссионеры проникли в глубь Африки характерным положением вещей была почти повсеместная племенная война, вызванная экономическими факторами — голодом и нуждой или политическими — экспансией племен.

Эти две главнейшие причины конфликтов могли принимать разную форму, но не менялись по существу на протяжении тысячи поколений. Когда одно племя отнимает у другого хорошие места

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

для охоты или рыбной ловли, побудительные причины этого мало чем отличаются от тех, которыми руководствовался Гитлер, когда он мечтал захватить для немецких нужд богатые житницы Украины. А где отсутствует давление экономических причин, на сцену зачастую являются притязания политического характера. Племя, численно более сильное и более сплоченное, в погоне за властью поддается соблазну навязать свою волю слабейшему соседу. Ашанти пробиваются к морю, фулани подчиняют себе хаузов, зулусы устремляются к югу, а яо продают своих соседей в рабство арабам. Неизвестные вожди тысячи племен были предшественниками наших Александров Македонских и Наполеонов, Тамерлана и Чингиз-хана.

Теперь почти во всем мире племенной уклад отжил свой век, и причины его исчезновения так же многообразны, как и сама история человека. Мне бы хотелось коснуться здесь трех или четырех причин изменений и развития, каждая из которых имела решающее значение для человеческих судеб. Первую, пожалуй, можно назвать первоисточником цивилизации. Эта перемена произошла тогда, когда у целого ряда семей, родовых групп и племен возникла необходимость в более организованных и более сложных методах обработки почвы, что заставило их объединиться. Примечательно, что более усовершенствованные политические, административные и технические методы впервые стали применяться в долине Нила, на побережьях двух великих рек Месопотамии и в бассейнах Инда и Желтой реки. Могучие разливы рек, периодически затоплявшие сушу, благоприятствовали земледелию, но и угрожали бедствиями, бороться с которыми было возможно только путем объединения строго организованных усилий огромного множества людей. Управление широкого масштаба стало необ-

НАЦИОНАЛИЗМ

ходимостью, и в первых очагах цивилизации, возникших в третьем и втором тысячелетиях до Р. Х., сплоченность находила опору в часто уже весьма разработанной бюрократической структуре.

Другой переменной явилось мирное заселение все больших пространств многочисленными и быстро размножавшимися племенными группами. То, что славянские племена рассеялись по восточной Европе, по Великороссии и в последние столетия продвигались на восток, в Сибирь, положило естественный фундамент современному советскому государству. Потомки хана — выносливые племена северного Китая — также множились и заселяли земли, двигаясь на юг от Желтой реки. Мы также можем отметить волну сравнительно мирного заселения Северной Америки в течение последних трехсот лет, хотя эта миграция происходила уже после того, как исчез племенной строй.

Кроме того, в большей части земного шара произошла перемена, самым решительным образом положившая конец племенному укладу. Величайшим рычагом перемен в истории человечества были завоевания. Нужно надеяться, что в наши дни этого уже не будет, но в прошлом это безусловно было. На каждой территории большие племена поглощают племена помельче и верховный вождь легко и просто учреждает королевство. Покоренные племена занимают второстепенное положение, переходят на роль вассалов, и королевство, судя по всем признакам, вступает в феодальную фазу. Верность племени уступает место верности вождю или династии. Завоеватели внедряют свой язык, или возникает новый общий язык из смеси языков завоевателей и покоренных. Таким образом ширится общность и на долгий период истории доминирующей политической формой становится династическое государство или династическая империя.

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

Теперь мне хотелось бы рассмотреть более подробно те перемены, которые вызвали подъем национализма в современном его значении. Для этого мы должны проследить развитие западного общества в его родном лоне Средиземноморья и Западной Европы. Здесь родился национализм, как мы понимаем его теперь. Особое стечение обстоятельств расового и географического порядка перевело историю человечества на новые рельсы.

Для ранней структуры Западной Европы после падения Римской империи было характерно объединение, после ряда завоеваний, племенных групп в феодальные королевства. На протяжении Средних Веков три группы стали приобретать заметную национальную окраску. Племена Галии были покорены Цезарем и стали говорить латинизированным языком. После того, как произошел феодальный раздел земли между английскими сюзеренами, династией Капетингов и бургундскими вассалами, народные массы стали говорить на уже определенном французском языке, и этот лингвистический район имел довольно четко определенные географические границы — побережье Атлантического океана, Пиренеи и Альпы.

Только один рубеж оставался неопределенным — в Эльзасе и Лотарингии, и вот почему он и остался вплоть до наших дней чуть ли не самой неустойчивой границей, имеющей незавидную летопись вторжений и контрвторжений... Но к концу Средних Веков, скажем, к концу четырнадцатого века, Франция осознала себя великим национальным целым, говорящим на французском языке, и может быть, главной причиной этого самосознания была та длительная борьба, которую французам пришлось вести с ближайшими соседями — англичанами. Ничто так не укрепляет чувство национальной

НАЦИОНАЛИЗМ

сплоченности, как столкновение с национальной сплоченностью соседей.

Англия, после завоевания ее норманнами, пошла, примерно, по тому же пути. Язык французских завоевателей смешался с местным англо-саксонским, формируя английский язык, а сам факт жизни на острове способствовал рано осознанному чувству общности и изолированности от других стран.

Счастлив и сей народ и сей клочек земли,
Как яхонт вправленный в морское серебро,
Где море — и окружная стена
И ров, который защищает дом
От зависти не столь счастливых стран.
Благословен твой край, твоя земля,
Твоя корона, Англия.

Пламенный национализм, которым Шекспир пропитал свой панегирик, немалую толику своего тепла получил от внедрившегося в сознание чувства долгой борьбы против этих «не столь счастливых стран». Борьба с Францией отразилась в исторических драмах Шекспира; борьба с Испанией еще длилась в его время. Сплоченность каждой национальной группы всегда крепнет, если эта группа отдает себе отчет в национализме своих соседей.

Испания последняя в этом трио. Ее чувство общей национальной судьбы выковалось в усилиях вытеснить арабских завоевателей с Пиренейского полуострова и было усилено латинизацией языка и морскими и горными границами, отрезавшими ее и клин Португалии от европейского материка.

Эти три страны подошли к порогу современного мира, обладая редким соответствием языковых и территориальных границ. К чувству исторической преемственности, общности разделенной судьбы, общего и памятного всем прошлого, добавился

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

крепчайший цемент — общий язык. Идея того, что общий язык является сильнейшим элементом единства внутри государства, начала проникать в сознание человечества.

II

Одним языковым фактором, разумеется, еще нельзя объяснить подъем современного национализма. Одинаковость языка служит как бы стенографическим шифром, фиксирующим чувство взаимопринадлежности, общей памяти о прошлом, общего исторического опыта, общего культурного и творческого наследия. Когда в восемнадцатом веке национализм стал принимать форму нового движения того времени, его предвестниками во многих частях Европы были не государственные деятели и полководцы, а ученые и поэты, которые искали в старинных сказаниях и полузабытых народных песнях «душу» народа. Но хранилищем воспоминаний, общих испытаний и исторических событий был язык.

Однако чувство общности языка и культуры не превратилось бы в политический таран, каким оно является в наше время, если бы это чувство не было неразрывно связано с современными коренными политическими и экономическими переменами на Западе — с политическим стремлением к демократии и с экономической революцией в научной и промышленной областях.

Три тысячи лет тому назад на одном из небольших участков Средиземноморья произошел разрыв с прежней традицией государственности, имевшей повсеместно деспотический характер. Главенство сильнейшего местного племени или победа пришлых за-

воевателей превратили старые раздробленные племенные группы в централизованные династические имперские государства, жители которых подпали под абсолютную власть своих правителей. Но идея о том, что люди должны подчиняться законам и должны быть не подданными, а свободными гражданами, впервые была сформулирована в греческом городе-государстве.

После падения Римской империи эта идея всплыла вновь, обогатив дальнейшее развитие европейской истории. Даже в Средние века, до того, как появилось что-либо похожее на демократическую систему, уже возникли две или три главнейших основы демократии: опирающаяся на законы власть, право совещательного голоса за отдельным человеком, приведшее к созданию парламентов и «сословия» четырнадцатого столетия. Условия, способствовавшие совместительству власти, которую дробили между собой государство, церковь, королевские сеньораты и вольные городские общины смягчали правительственные тенденции к централизации. Именно за восстановление этих прав, после междуцарствия Тюдоров, и возгорелась первая политическая революция нового времени, — английская гражданская война.

Если человек имеет право принимать участие в правительственной жизни своей страны, то из этого логически следует, что его правительство не может произвольно контролироваться откуда бы то ни было. Народное представительство оказалось бы бесполезным, если бы оно не влияло на подлинный центр власти. Американская революция явилась символом той связи, которая существует между правами гражданина и правами государства. Свободный гражданин имеет право собою распоряжаться, следовательно вся совокупность свободных граждан имеет право на самоуправление. Это еще не было

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

современным национализмом. Американский народ не рассматривал себя как национальную группу, а как сообщество свободных людей, «посвятивших себя общему делу». Но за два последовавшие десятилетия люди поняли, что это одно и то же.

Французская революция, провозгласив Права Человека, создала новый тип нации. Та «levée-en-masse», которая одержала победу над старыми династическими армиями Европы, была первым проявлением общего национального единства, как основы суверенного государства. И отдельные люди, и нации в равной мере имели право на самоопределение. Люди не могли быть свободными, если не было свободным их национальное сообщество.

Та же революция быстро доказала, что обратное тоже возможно. Национальное государство может стать совершенно независимым в своих отношениях с другими государствами и в то же время закабалить своих собственных граждан. Именно чрезмерное превозношение нации неизбежно приводит к умалению прав индивидуума. Гражданин может превратиться в простое орудие национальной воли, — так называемой «общей воли». Но в первом порыве революционного рвения понятие о правах человека и понятие о правах нации были неразделимы. И формально так это осталось и поныне. В конце Первой мировой войны ни кто иной, как вождь мировой демократии, Вудро Вильсон, вписал в мирный договор принцип самоопределения наций, — право национальных групп создавать собственные суверенные правительства, и еще никогда в истории человечества не создавалось так много независимых национальных государств, как по окончании Второй мировой войны.

Теперь мы перейдем к экономическим аспектам современного национализма. Когда промышленная

НАЦИОНАЛИЗМ

революция в Англии только начинала приобретать полную силу, еще нельзя было с уверенностью предсказать, что новые экономические силы будут благоприятствовать наступлению национализма по всему политическому и общественному фронту. Многие англичане держались противоположного мнения. Они разделяли точку зрения Теннисона, считавшего, что торговля связывает народы сетью общих интересов и ведет к «общечеловеческому парламенту, к всемирной федерации». Свободная торговля даст каждой области возможность производить то, что ей более всего подходит и свободно обмениваться продуктами со всеми странами мира.

Но эта точка зрения удержалась немногим более середины девятнадцатого века. Создание таможенного союза предшествовало объединению говорящих на немецком языке княжеств в единый Райх. Тарифы препятствовали проникновению конкурирующих британских товаров и давали возможность немецкой промышленности догнать и перегнать английскую. Таким образом в Германии произошло полное совпадение национальных и экономических границ в то время, когда национализм был вновь, но отдавал себе отчет в выпавшей на его долю роли. В то же время индустриализация страны поставила все классы в зависимость от новой объединенной системы народного хозяйства. В деле защиты национальной хозяйственной системы на карту ставились уже не интересы кучки коммерсантов. От этой системы теперь зависели средства к существованию каждого человека. Если она находилась под угрозой, то под угрозой находились и они. В прошлом войны велись за то, чтобы сохранить минимальные торговые преимущества. Чего бы не сделали теперь для того, чтобы защитить экономические интересы тотального значения? Ответ на этот вопрос был дан в 1914 и вновь в 1939 году.

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

Одно из наиболее ярких описаний роста сил и притязаний национализма в девятнадцатом веке дано у профессора Тойнби. Описывая старую политическую форму династических государств, создававшихся на основе королевского рода (например немецкие княжества или империя Габсбургов), Тойнби указал, что в девятнадцатом и двадцатом веках произошли перемены, вызванные появлением новых сил. С одной стороны созрела сила демократии, т. е. пламенное убеждение в том, что каждый имеет право на свою долю участия в жизни общества и что общество поэтому должно представлять интересы граждан. С другой стороны, — добавился крепкий настой экономического национализма — вера в то, что вместе с индустриализацией поставлено на карту благополучие каждого, связанное с сохранением национальной хозяйственной системы.

Это внезапное и страстное повышение интереса со стороны каждого члена нации повело, как мы увидим, к огромному усилению ее энергии, производительности и способности выполнять большие начинания общими усилиями всего народа. Но это также привело к громадному и устрашающему усилению враждебности. Стоило только зародиться мысли, что каким-либо групповым интересам угрожает опасность извне, как уже казалось, что вся жизнь общества находится под ударом. На фундаменте этого страха можно было построить такую устрашающую батарею ненависти, на нем можно было развести такое полчище демонов недоверия и вражды, что все это помогло национализму девятнадцатого века привести к полной бессмыслице национал-социализма нашего времени — и у нас все еще нет уверенности в том, что демоны изгнаны.

III

Отсюда ясно, что развитие национализма является четко отличимым историческим процессом. Он возник в определенных странах и определенным образом; он создал определенное умонастроение, воплотившееся затем в национальной идее. Благодаря открывшимся для современного мира средствам сообщения, идея, получившая свое развитие в одном месте, может быстро стать достоянием всего человечества. Можно сказать с уверенностью, что в двадцатом веке национализм — исторический продукт определенных политических институтов, географических условий и экономического развития Западной Европы — разлился по всему миру и стал в наши дни величайшим рычагом перемен.

Мы можем судить об этом по Организации Объединенных Наций, где за одиннадцать коротких лет число суверенных государств, созданных на национальной основе, возросло до числа свыше шестидесяти. Как я уже указала, возникновение такого числа отдельных, автономных, суверенных государств в такой короткий промежуток времени не имеет прецедента в мировой истории.

Силу национализма, может быть, лучше оценивать по его влиянию на уже сформировавшиеся государства, чем по его стимулу к созданию новых государств. Когда Американская революция создала в Соединенных Штатах правительство, то это не было националистическое правительство. Мы уже видели, что это было правительство, посвятившее себя служению той идее, что все люди равны. Не национализм, а свобода должна была лечь в основу его организации. Люди ехали в Америку не для того, чтобы стать американцами, а для того, чтобы стать свободными. И все же теперь, через сто пятьдесят лет, мы не можем, мне кажется, не прийти

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

к выводу о том, что если Америка и сохранила приверженность к своим первоначальным великим конституционным принципам, она также выработала в себе и ярко выраженный национализм. Америка превратилась в общество, в котором огромное множество разных народов и рас по настоящему обрели новое ощущение общности; но из плавильного котла выходит тип человека, который можно назвать американским уже в национальном значении этого слова.

Русская революция также пыталась установить государство только на идеологической основе. Новое общество не было русским. Это был боевой авангард мирового пролетариата. В те дни ни Ленин, ни Троцкий не верили, что революция может восторжествовать в России, если одновременно она не распространится по всей Европе и вероятно также и по всему миру. В начале революции порядок, который был установлен в России, был форпостом новой революционной системы.

Но в течение последних сорока лет и, в особенности, с той поры, как в 1928 г. Сталин провозгласил «социализм в одной стране», мы стали свидетелями того, как в революционную струю, тщательно процеживаемую в Советском Союзе, влился огромный патриотический пыл старого русского национализма. Подогретое героической народной обороной страны во время последней мировой войны чувство защиты русских интересов, русской мощи и величия теперь также сильно, как какой-нибудь сохранившийся революционный принцип. Фактически коммунизм стал почти таким же орудием русской государственной власти, каким был панславизм царей.

Это торжество национализма над двумя величайшими в мировой истории идеологическими сдвига-

ми наводит меня на мысль, что национализм все еще является самой мощной и всепроникающей силой наших дней. Однако существуют некоторые признаки того, что национализм начинает понемногу истощать запас своих сил и уступать место другим идеям. И знаменательно то, что эти перемены можно заметить именно в Западной Европе, в первом очаге современного, индустриализованного демократического национализма, на той арене, на которой разыгрались наихудшие последствия этого типа национализма.

Страшная европейская вражда, которую с полным правом можно назвать племенными войнами современного человека, вызвала отращивание к крайним формам национализма. Новая, захватывающая борьба ведется сейчас между старой идеей, согласно которой Франция, Германия, Италия, Голландия и Бельгия суть отдельные, суверенные абсолютно автономные государства — и новым понятием сверхнациональных сообществ; новым сознанием, что они должны сотрудничать друг с другом, если хотят уцелеть. За разговорами о политическом и экономическом объединении современной Европы, в сердцах многих кроется чувство разочарования, отталкивание от последствий не в меру пылкого национализма. Надежда на то, что это является признаком новой тенденции, новой плодотворной идеи подкрепляется самим местом возникновения этих идей — Западной Европой, где национальные сообщества существовали дольше, чем где бы то ни было и вели друг с другом более длительную, чем где-либо, и разрушительную борьбу.

Но это не более чем одна из возможностей. Сейчас я бы сказала, что, оглядываясь вокруг на современный мир с его меняющимися установлениями, с его социальным и экономическим развитием и его новыми формами роста, мы совершенно правы,

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

говоря, что национализм безусловно самая мощная политическая сила, с которой нам приходится считаться.

IV

В таком случае, что же нам делать с этой силой? Как мы должны судить о ней? Каковы дебет и кредит, внесенные в бухгалтерскую книгу национализма? Может быть следует прежде всего сказать, что мы относимся к национализму с почтением, которое, согласно мудрому правилу, всегда следует оказывать фактам. Представляется очевидным, что национальное общество является одним из средств, при помощи которых люди естественно формируют свои политические институты, после того, как они отходят от ранних образцов племенного строя.

Может быть так судить преждевременно. Двести или триста лет существования национального государства — слишком короткий период по сравнению с тысячелетиями человеческой жизни на земле, чтобы, основываясь на нем, делать утверждения общего характера. Однако корни большинства национальных государств уходят гораздо глубже, чем современный национализм, и если взять последние 2 000 лет относительно цивилизованных форм развития истории, я полагаю, что можно говорить о появляющихся признаках определенных национальных единиц, возникающих как постоянные группировки внутри человеческой расы. Может быть, если мы скажем «перманентные личности» — эта мысль будет лучше выражена. Дух французской и дух немецкой культуры имеют резко различимые черты.

Эта мысль, мне кажется, может быть подкреплена примером, взятым не из европейской и не из современной истории. Вскоре после рождения Христа

— в Китае во времена Ханьской династии — народ Аннама был присоединен к Китайской империи и остался в ней на тысячу лет. С начала христианской эры до конца девятого столетия Аннам был частью Китая и вряд ли нужно упоминать о том, что китайцы из всех завоевателей, вероятно, наиболее способны всосать чужеродные группы в свою культуру, которая славится тем, что все поглощает и впитывает в себя, как губка. Неуклонное расширение китайской стихии осуществлялось путем ряда аннексий, которые сопровождались поглощением чужестранцев китайским государством и превращением их в китайцев.

Но в конце концов, по истечении почти тысячи лет аннамиты освободились от вассальной зависимости, ушли из империи и вернулись в прежнее состояние аннамитов, коими они с тех пор и остались. Иными словами, самая сплоченная, самая всепроникающая, самая засасывающая государственная система в истории человечества оказалась неспособна поглотить маленький соседний народ даже после тысячи лет имперской власти. Они ушли такими же как и пришли — отличимой национальной единицей.

Нация, таким образом, является нормальным, может быть единственно нормальным, обличем для отдельных человеческих групп в послеплеменной период, и этот основной факт, без уточнений, я думаю, можно занести на странице баланса в рубрику кредита. Действительно было бы ужасно вообразить себе мир без национальных различий, без многообразия культур или темпераментов, без игры противоположностей и гармонии в международной жизни. Картина однотипного человечества, находящегося в ведении одинаковых учреждений, напряженного, возможно, в одинаковые синие китайские штаны, представляется кошмаром, о котором можно получить некое представление, совершая в наши

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

дни воздушное путешествие. Вы можете путешествовать с аэродрома на аэродром по всему миру и не знать, где вы находитесь. Они все выглядят совершенно одинаково. Эта тенденция к стандартизации в нашей современной индустриальной системе вынуждает человека тем более жадно хвататься за всякое ощущение отдельной личности, культуры, традиций. Национальные различия — вот что позволяет питать надежду на разнообразие и разнородность, и тем самым воспитывает вкус и творческую инициативу среди нашего индустриального однообразия.

Другая положительная ценность национализма в том, что его мощь может быть мобилизована для осуществления великих общественных задач. Я думаю, что эта мысль блестяще подтверждается противоположными историями двух великих держав Дальнего Востока — Китая и Японии. Обе эти страны в разное время страшно пострадали от рук европейских коммерсантов, которые искали путей открыть в этих странах рынки сбыта для западной торговли. В шестнадцатом веке японцы ответили на это тем, что оборвали все контакты с внешним миром и в течение более 200 лет держались политики строгого недопущения какого бы то ни было иностранного влияния.

Когда в течение последнего столетия европейское давление на Китай усилилось, эта страна не могла дать такого же твердого отпора. Внутривнутриполитическая слабость страны возрастала. Династия Манчу распадалась, и в девятнадцатом столетии чужеземцы воспользовались этой слабостью для собственной коммерческой выгоды. В результате большая часть первых современных нововведений, равно как и развитие промышленности в Китае, были делом рук иностранцев и создавались под иностранным влиянием.

НАЦИОНАЛИЗМ

Позднейшее развитие этих двух стран обуславливалось этими начальными различиями. В середине девятнадцатого века японцам стало ясно, что изоляция больше не спасет их от опасности. Единственный способ, которым они могли контролировать проникновение Запада в их все еще феодальную экономику, — это перестроиться самим на современный лад. После 1870 года японские реформаторы и модернизаторы взяли в свои руки всю экономическую и политическую систему страны и перестроили ее по современному индустриальному западному образцу. Эта задача могла быть выполнена только потому, что годы ухода в затворничество способствовали сохранению чувства единого национального целого. Вожди могли мобилизовать народную энергию, не расстроенную иностранной оккупацией или вызванной оккупацией внутренним распадом.

Китайцы же, наоборот, походили на одну из своих огромных джонок, без мачт и руля, гонимую ураганом. Внутри нации существовал раскол. Части китайской нарождающейся экономики находились под полным иностранным контролем. Нельзя было мобилизовать народную энергию, ибо не было чувства единства и не было руководства. Начиная с Тайпинского восстания вплоть до коммунистической революции Китай потратил почти сто лет на поиски политического единства и народной воли, которые сделали бы возможным огромное усилие в сторону модернизации, необходимое для того, чтобы полумиллиардное население страны перевести на современные рельсы.

Прежде чем мы оставим Азию, я хотела бы привести еще один пример. В одном отношении Индия оказалась счастливее Китая. В Индии чужеземное владычество создало рамки административного порядка и единства. Страна не растратила себя по

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

мелочам и не металась между иностранным и отечественным влиянием. Под британским владычеством она получила хороший фундамент порядка и внутреннего мира. Но несмотря на значительное экономическое развитие, особенно в области транспорта и ирригационных работ, британское управление в двадцатом веке не было и не могло быть динамичным. Невозможно было бы провести в жизнь таких перспективных и энергичных программ, как индийские первая и вторая пятилетки, если бы не было самобытного местного национального руководства. Чужеземное управление страной будет всегда притуплять и отвлекать народную энергию. Оно не может направить ее на великие конструктивные и общие цели.

Чужеземное владычество, каким бы просвещенным оно ни было, не может заменить энергичного национального руководства. Однако, следует также признать, что чужеземное управление является одним из главных средств воспитания сильного национального самосознания. Так было всегда. Ничто так не укрепляет верность своему племени, как необходимость противостоять угрозе чужого племени. Но современный национализм западного образца заключает в себе гораздо больше, чем инстинктивную готовность группы защищать свою неприкосновенность. Он является, как мы уже видели, отчетливой философией международных отношений. Народы всегда противились чужеземному владычеству. Теперь это право народов признано неотъемлемым. Мирровая общественность обязана уважать это право, точно так же, как правительства отдельных государств обязаны уважать личные права граждан.

В этом смысле национализм есть проявление западного стремления к свободе, в рамках закона, в качестве организующего принципа человеческого

общества. Такой национализм — самый сильный расчлениватель империй из всех существовавших в мире. Я в данном случае имею в виду не только ту энергию, которую он дает тем, кто стремится к свободе. Я имею в виду также то действие, которое он оказывает на правящих.

Вплоть до наших дней распад империй сопровождался смутой и бедствиями. Эти узы рвались только под аккомпанемент насилия, разрушений и человеческих мук. Часто происходило то, что Маркс предвидел под «общей гибелью борющихся друг с другом партий». Но с понятием самоуправляемого национализма новый принцип вошел в атмосферу традиций взаимного уважения прав и обычаев между нациями, став частью общего политического наследия человечества. Колониальные вожди ухватились за этот принцип, но (с точки зрения дружественных отношений и безболезненного перехода власти) еще более важно признание его имперскими державами. Подобно тому, как одно из начал идеи самоуправляемого национализма можно найти у древних греков, — готовность западного империализма идти на уступки может быть связана с классическими основоположниками человеческой свободы.

Среди деятельных, энергичных торговых народов Средиземноморья, за тысячелетие до Р. Х., одни только греческие города-государства не использовали своего превосходства для создания империи. Когда сфера деятельности греков начала расширяться и их торговля стала охватывать большие территории, греки не образовали ни одной колонии: они основали новые независимые самоуправляемые греческие города-государства. И когда в разные времена, под давлением обширной персидской империи, высказывались мнения, что для греческих городов лучше было бы растворить свой суверенитет

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

во власти централизованного руководства, решающим возражением было то, что хотя мощная централизованная система может быть и лучше и эффективнее, но она нисколько не похожа на ту политическую систему, которую знали и любили греки — «полис» — город, в котором каждый гражданин пользовался всеми правами. Поэтому они предпочитали иметь систему независимых городов, связанных свободной конфедерацией, как, например, Делосский союз, всему, что напоминало бы организованную, централизованную греческую империю. Только тогда, когда пала свобода в отечестве и исчезло самоуправление в свободных городах-государствах, — только тогда появился вождь в лице Александра (по нашей странной привычке называть всех завоевателей великими, мы зовем его «Александром Великим»), который создал огромную империю, в основе которой лежало греческое владычество и распространение греческой культуры. Но в славные дни греческих городов-государств греки не создали централизованную империю, главным образом потому, что не признавали преимущества деспотической власти у себя на родине.

В наши дни одним из факторов быстрого подъема и такого же быстрого исчезновения европейских империй 18-го и 19-го веков было то, что они контролировались государствами-метрополиями — находящимися в процессе возрастающей демократизации. Диктаторские принципы, на которых неизбежно утверждались эти империи, не могли сохраняться наряду с ростом самоуправления в метрополиях. Нелегко быть абсолютно демократичным на родине и в то же время отнюдь не демократически управлять колониями за морем. Это противоречие изжило самое себя так быстро, что за последние пятнадцать лет мы были свидетелями того, как повсеместно в старых колониальных владениях — за исключением

НАЦИОНАЛИЗМ

одного или двух злополучных мест — происходило или преобразование или фактическое исчезновение тех империй, которые управлялись народами, имевшими демократические принципы у себя дома.

Таково, по моему убеждению, соотношение причины и следствия. Те, кто верят в национальное самоопределение для своей страны, принуждены, — нравится это или не нравится некоторым общественным группировкам — признать это право за другими. Не случайным совпадением является то, что одна из величайших держав мира, история которой протекала исключительно под свободно избранным правительством — Соединенные Штаты — удивительным образом (при ее мощи и масштабах) избежала захватнической политики и военных авантур. Попытки завоеваний чужих земель — например, Карибских островов или Филиппин — вызывали всегда такую оппозицию в самих Штатах, что не хватало духу их продолжать, и рано или поздно их бросали. От этой упорной тенденции нельзя отмахнуться, объяснив ее попросту тем, что Америка владеет на материке обширным пространством, и что людям там есть где разместиться; в прошлом большое пространство обычно таило в себе соблазн еще большего расширения. Это явление надо приписать американской приверженности принципу, что народы, так же как и индивидуумы, наделены неотъемлемым правом быть свободными.

Это наводит нас на любопытные размышления о том, что две последние огромные империи, управляемые деспотическими правительствами — Русская и Китайская империи — подвергнутся, вероятно, разлагающему действию современного национализма. Имеют ли их диктаторские системы достаточно силы для сопротивления этому разъеданию изнутри? Является ли современный коммунизм, с его стремлением создать прочно скрепленный инду-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

стриальный коллектив, достаточной силой противодействия? Тут мы вступаем в область догадок, и я могу высказать только свои личные предположения. Китайская империя, которая создавалась тысячами медленного роста, путем впитывания мелкими племенными группами культуры, исходящей от высокой просвещенности и развитого языка сынов Ханя, в наше время является государством, а не империей. Консолидация Китайской империи совершилась настолько раньше развития современных идей о национализме и самоуправлении, что внутренние группы теперь уже совершенно впитались в общую массу и рассосались в ней. Конечно, еще существуют пограничные районы, где этот процесс поглощения пока не закончился. Коммунисты пошли на уступки в Тибете и Синьцзяне. Недавно на юге были предприняты местные перегруппировки населения с целью собрать в одной провинции мужчин и женщин родственных кланов. Но это все происходит в пограничных районах. Китай в своей основе — огромная единая нация.

Русская империя гораздо более разнородна. На своих южных границах она держит под надзором целый ряд народов, говорящих на тюркских языках, и стремится укрепить завоевания царей, совершавшиеся еще недавно в 18-м и 19-м столетиях. Советская колониальная политика совмещает сильно централизованный великорусский политический и экономический контроль с поощрением местного образования, местного языка и местной культуры. В Европе повышение уровня жизни и расширение возможностей привели, как мы видели, к повышенному национальному чувству. Произойдет ли то же самое в таких районах как Киргизия, Казахстан, или даже Украина? Могут ли этому процессу способствовать те меры экономической децентрализации, которые были введены недавно Хрущевым?

НАЦИОНАЛИЗМ

Мне бы не хотелось впасть в догматичность. Возможно, что в тех районах, где современное образование и современная индустриализация насаждались и продвигались вперед на строго коммунистических началах, чувство принадлежности к большому идеологическому коллективу окажется достаточно сильным, чтобы возобладать над сознанием того, что этот коллектив до сих пор в большей своей части управляется великороссами. Возможно, еще на несколько столетий русским суждено быть римлянами этой огромной современной империи, строить, расширять границы, создавать закон и порядок под властью деспотического правительства, предоставлять меньшим народам равные возможности и равные права гражданства и создавать ложность, превозмогающую местный сепаратизм. Этому следует противопоставить непрочность местных правительств в окраинных республиках и то, как часто коммунисты поносят «буржуазный национализм». Короче говоря, мы не знаем (хотя я лично склонна этому поверить), способны ли русские создать сплоченный культурный и экономический коллектив в Советской Азии, так же, как это сделали китайцы в своей огромной стране.

Но я думаю, что все согласятся со мной, что в одном районе вряд ли удастся укрепиться русской империи. В Восточной Европе русское правление распространилось на страны, имеющие за собой века самостоятельного национального сознания. Некоторые из них обязаны своим освобождением из-под власти старых империй идее национального самоопределения, восторжествовавшей в Европе после 1918 года. Такие страны, как Чехословакия и Польша — страны, сохранившие чувство национальной обособленности и пронесшие его через все прежние эпохи имперского владычества — это мало подходящий строительный материал для соору-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

жения или поддержания здания какой бы то ни было империи. Волнения и сдвиги в Восточной Европе в последние годы являются признаком того, что, независимо от формы империи, стремление к национальному самоопределению всегда расторгает внешние оковы. За всеми декларациями о «пролетарской солидарности» стоят факты, с которыми нельзя примириться: подавление сателлитов и русское владычество.

V

До сих пор мы говорили о преимуществах и благах, которые несет с собой дух современного национализма. Отрицательных сторон национализма я касаюсь пока только мимоходом, потому что они составляют суть многих международных проблем, которые мы будем рассматривать.

В аспекте внутригосударственном — недостатком национализма европейского образца является то, что он, как неперемное условие, предполагает существование общего языка и более или менее однородного общества. Но на земном шаре есть места, где эти условия трудно осуществимы. Например, в Восточной Европе принцип самоопределения раздробил империю Австро-Венгрии на составные части отдельных национальностей, но никакие политические разграничения не могут удерживать членов групп всех народностей в четко обозначенных географических границах. Невозможно создать румынское государство, не включив в него мадьярское меньшинство. Карпаторосские группы оказались в трех государствах. Немецкие вклинения были повсюду. Таким образом возникла проблема меньшинств; проблема их прав, их спорной лояль-

НАЦИОНАЛИЗМ

ности в отношении государственного большинства и откровенно-пренебрежительного отношения к ним со стороны этого большинства. И приходится признать, что во многих районах мира наблюдается уклон в сторону смешения национальностей по восточно-европейскому образцу, а не в сторону четких границ и делений Западной Европы.

Другим, внесшим путаницу фактором, является возникновение целого ряда государств, которые образовались в течение последнего десятка лет, по собственному почину выделившись из состава чужой империи. Но зачастую, перед тем как выделиться, несколько таких государств сливались в одну государственную единицу, исключительно в результате случайности империалистического захвата. Современные границы юго-восточной Азии, — области, где моны, кахины, камбоджианцы, аннамиты и дюжина других небольших национальных и племенных групп живут бок-о-бок — были определены скорее в результате взаимодействия британских и французских колониальных интересов, чем вследствие естественного деления по национальностям.

Достаточно взглянуть на карту Западной Африки, чтобы нам стало ясно, как в начале века, колонизаторская активность англичан, французов и немцев полностью определила границы новых государств. Временами границы областей племен и географические границы совпадали, но чаще случилось, так, как с племенем Эве, которое оказалось надолго разделено тремя разными «национальными» границами, причем все три были «внешнеколониального» происхождения. Созданные таким образом коллективы были «националистическими» в том смысле, что их объединяло желание избавиться от имперского надзора. Они не составляли «националистическое» целое, так как их не связывали общие

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

воспоминания, верность общим идеалам и общий язык.

Я не хочу сказать, что если этот фундамент отсутствует, то национальное самосознание не может быть обретоно. Швейцария является разительным примером сосуществования в одном государстве трех лингвистических групп. Но гораздо чаще случается, что атмосфера напряженности, подозрений и недоверия подрывает сплоченность коллектива.

Эта опасность, к несчастью, увеличивается из-за современных демократических методов. Из-за принципа «один человек — один голос» и признания воли большинства, меньшинство находится под страхом того, что при голосовании оно всегда будет побеждено большинством, принадлежащим к другой расе или говорящим на другом языке. Вспомним, например, Цейлон. Многие сотни лет Цейлон, худо ли, хорошо ли, делили между собой тамилы, говорящие на одном языке, и сингалезы, говорящие на другом языке. Кое-какие трения бывали, но в общем в стране не было разлада среди населения, особенно пока обе группы были одного мнения о желательности покончить с британским имперским управлением. Но со времени достижения независимости и введения избирательного права для совершеннолетних, тамилы боятся быть забаллотированными. Они осознали себя как меньшинство, и их страхи и лихорадочное стремление к самосохранению в конце концов пробудили коллективное самосознание у сингалезов. В последние годы мы видим возрастающую напряженность в коллективе, где когда-то царила спокойная и дружеская атмосфера.

Или возьмем Индийский Союз. Идея индийского национального государства, питающая чувство индийской гордости и индийского национализма, чер-

НАЦИОНАЛИЗМ

пала немалую долю своей силы в борьбе за избавление от англичан. Но в самой Индии есть две основных языковых группы и что-то около двадцати шести главных языков. Кроме того, там примерно 600 или больше местных наречий. Может ли это столпотворение языков быть переплавлено в единство, достаточное для сохранения Союза в целом, особенно, когда целый ряд штатов в федерации — таких штатов как Пенджаб или Бенгалия — базируются, насколько это возможно, на совпадении языковых и территориальных границ? Распри религиозных общин Гуджарати и Махарати в Бомбее были предостережением того, как бешено могут разыгаться страсти из-за местных спорных вопросов национального характера. При отсутствии общего языка, с помощью которого можно было укрепить широкие культурные и религиозные традиции Хинду, Индийский Союз может потонуть в неразберихе соревнующихся между собой разноязычных штатов. В этом кроется опасность, которую никак не уменьшает ни современный национализм, ни современная система выборов. Наоборот, чем сильнее национализм, тем больше опасность.

Но самая большая опасность национализма в современном мире заключается в том, что диапазон признаваемых им обязательств слишком узок. Он не признает обязательств вне своих собственных границ; не признает прав и обязанностей, выходящих за пределы государства. Однако в мире, где завоевано пространство, где спутники вращаются вокруг нас и мы можем двигаться со скоростью превышающей скорость звука, мы не можем сузить наши интересы и наше чувство ответственности до пределов наших территориальных границ. Этот путь ведет к самоубийству всех государств, великих и малых. Эта мысль будет повторяться так часто, что нет надобности развивать ее сейчас.

VI

Может быть для того, чтобы охватить все грани национализма, полезнее всего будет проследить развитие одного из самых сильных движений современности, — арабского национализма, — которое в настоящий момент находится в центре мирового политического водоворота.

Когда арабские племена двенадцать столетий тому назад ворвались в мир Средиземноморья и Леванта, они принесли с собой язык и веру. Этот язык и эту веру арабы насаждали всюду, от берегов Атлантического океана до гор Индии. По прошествии первого героического периода стремительных завоеваний арабы распались на отдельные королевства — в Кордове, Тунисе, Египте и Багдаде. Но арабское языковое единство сохранилось, а мусульманская вера распространилась за пределы арабских государств — в Индию и в более отдаленные области Азии. Затем наступил закат, и в течение столетий — столетий оцепенения — арабские страны находились под властью Турецкой империи.

Первое пробуждение современного арабского национализма началось тогда, когда Наполеон принес в Египет идеи Французской революции. Египет предпринял первые попытки стать на путь модернизации. Затем наступила пора, как бы символизирующая пути центральной и восточной Европы, — когда арабские ученые и поэты, главным образом в христианском Ливане, вновь открыли красоты арабской литературы и арабского языка. Они были предтечами арабских политических деятелей, которые в начале этого века начали подготавливать свержение турецкого ига.

Первая задержка в ходе развития этого раннего национализма наступила после 1918 года, когда, оказав помощь Англии и Франции в одержании по-

НАЦИОНАЛИЗМ

беды над турками, арабы взамен получили не ожидаемую независимость, а включение в британскую и французскую колониальную системы и вклинение еврейской полосы в территорию Палестины. Между двумя мировыми войнами арабский национализм все больше и больше проникался сознанием единой всепоглощающей цели — отделаться от западного вторжения. Наступило перемирие после Второй мировой войны. После него опять сгустилось напряжение, и невозможно понять беспокойный Средний Восток, если недооценивать все возрастающий пыл арабской националистической идеи или ее тенденцию сплотиться в борьбе против Западных держав. Этот пламенный национализм вырос из общего языка. Он вызывает к жизни далекие, но героические воспоминания. Он должен был сбросить внешний контроль Запада. Он все еще страдает от укулов и укусов Израиля. Этих фактов достаточно, чтобы довести арабский мир до белого каления.

Это демонстрирует в одинаковой степени силу и слабость национализма. Для того, чтобы пробудить целую область земного шара от векового сна, требуются усилия и энергия. Если огромные доходы от продажи нефти нужно использовать на подлинную модернизацию, если ужасная египетская проблема перенаселения должна быть разрешена, если этот район нужно вытащить из почти что самого низкого в мире жизненного уровня, то трудно представить себе какую-либо другую силу, кроме подлинного национализма, которая бы дала народу веру, силу и мужество предпринять такие гигантские задачи.

Но выявляется также и темный лик национализма. Что «арабизм» как таковой может скрепить коллективы со столь противоположными интересами, как богатые нефтью — и испытывающие нефтяной голод арабские государства, — это еще тре-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

бует доказательств. В Ливане, с его весьма крупным христианским меньшинством, в Ираке с его курдами — упор на арабский национализм может подорвать само государство.

Но эти внутренние проблемы ничто по сравнению с безрассудством арабского национализма как международной силы. Никакое международное общество не может выжить и поддерживать мир, если нации концентрируют свою силу на основе такой страшной ненависти к другим группам. Вряд ли является похвальным достижением держать вселенную на волосок от войны. Никакие местные цели не могут оправдать опасность всеобщего уничтожения. В своем слепом пренебрежении к чужим правам и интересам, в своей полной поглощенности собственными честолюбивыми чаяниями, арабский национализм может привести не к возрождению Среднего Востока, а к концу всего пути испытаний и исканий человечества.

Вот каковы, в осязаемой форме, великолепие и низость идеи национализма.

Глава вторая

ИНДУСТРИАЛИЗМ

I

В настоящее время народы и человеческие коллективы всего мира заняты проблемами, связанными с индустриализмом. Издавна существующие, индустриально-развитые коллективы бьются над разрешением своих собственных проблем устойчивости, роста, равновесия между потреблением и накоплением. Однако подавляющее большинство человечества все еще живет — в большей или меньшей степени — в условиях доиндустриального общества, и перед ним стоит вопрос, как осуществить решительный переход от традиционных, главным образом статических методов ведения народного хозяйства к новым возможностям динамизма, присущего современной технике. Это и есть та решающая революция, которую мы должны рассмотреть прежде всего.

С политической точки зрения племенной строй, как мы видели, был отправной точкой в истории человечества. Этому соответствовала определенная фаза экономического развития. В какой-то момент кочующие группы людей, охотившиеся в лесах и ловившие рыбу в реках, научились выращивать злаки и приручать животных. Открылась возможность оседлого уклада жизни и ведения сельского хозяйства, и по всему свету, где только почва и осадки позволяли это, жизнь племени стала складываться на основе натурального хозяйства. При этой систе-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

ме земледельцы производили сельскохозяйственные продукты почти исключительно для себя, для удовлетворения собственных нужд, и очень мало заботились о производстве продуктов для сбыта на стороне.

В этот ранний период сельского хозяйства земля, как правило, принадлежала всему племени, клану, иногда селению. Отдельные семьи наделялись землей для пользования, но не получали ее в собственность, даже там, где была тенденция передавать участок земли по наследству членам одной и той же семьи. Этот порядок имел большие социальные преимущества. Во время главных сельских работ (посев, сбор урожая) требовались совместные усилия всей группы, и племенная или общинная сплоченность гарантировала каждому пропитание и долю участия в коллективе.

Эту систему хозяйства нельзя, за некоторыми исключениями, назвать хищнической. Многие африканские племена наделяют каждую семью количеством земли, позволяющим часть земли оставлять под паром, на длительное время, чтобы плодородность почвы восстанавливалась путем естественной регенерации. В течение тысячелетий индийские и китайские крестьяне сохраняли свою землю в хорошем состоянии, удобряя, орошая, обсаживая кустарниками, отдавая все силы уходу за почвой.

Существуют, однако, вопросы, которые не могут быть разрешены натуральным хозяйством. С ростом населения является необходимость обрабатывать новые земли. Но представим себе, что больше земли нет. Время нахождения земли под паром сокращено, земля утомлена чрезмерной обработкой; наступает эрозия почвы и ее истощение. Возрастающие нужды семьи уменьшают семейные земельные наделы; полоски пахотной земли все более суживаются, и, сколько ни вкладывай в них труда, они уже

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

слишком малы, чтобы эффективно производить. Таковы общеизвестные циклы натурального хозяйства, которые, как в малых племенных коллективах, например, в Руанда-Урунди, так и в огромных империях масштаба Китая, вызывали повторяющиеся время от времени экономические кризисы и катастрофы. И в рамках хозяйства, являющегося в большей своей части статическим, когда население превышает имеющиеся ресурсы, никакого выхода нет. Поэтому с самого начала истории человечества одной из скрытых причин завоевательных стремлений являются поиски новой, годной для обработки земли.

Всегда есть выходы из тупика и нахождение их обычно является новой фазой в истории человечества. Секрет тут в производительности (туманное слово для жизненно-важного процесса), т. е. в том, чтобы земля производила больше, при той же затрате усилий и труда. Всякое земледелие, разумеется, зависит от человеческой изобретательности, от того, как приложить знания к использованию климата и почвы. Но в натуральном хозяйстве существовали и теперь существуют помехи, препятствующие жадной погоне за новой техникой. Где земля является общим достоянием, новатор не извлекает прямой выгоды от своего нововведения. Отсутствует индивидуальный стимул. Это еще одна характерная черта, свидетельствующая о консерватизме статических аграрных коллективов.

Отчасти это плодотворный консерватизм, так как он сохраняет обычаи и традиции, обеспечивающие хорошее сельское хозяйство. Например, в Танганьике первые европейские поселенцы насмеялись над африканскими огородами, где стручковые и корнеплоды, овощи и зерновые — все росло вместе. Но пришельцам, начавшим сеять и сажать по европейскому способу, правильными полосами, вскоре

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

пришлось убедиться в том, что практикуемое в Африке смешанное насаждение растений служит существенной защитой для почвы.

Консерватизм также тормозит существенные перемены. Взять к примеру дробление семейного земельного участка на все более и более мелкие доли. Нет никакой надежды на повышение сельскохозяйственной продукции, если не создать крупных объединенных земельных участков, и это является одной из проблем, стоящих перед такими районами с племенным укладом, как туземные резерваты в Кении или в Южной Родезии. Цепкость старых обычаев видна из того факта, что объединение земельных участков является одной из задач аграрной реформы в нынешней Франции, — т. е. в современном западном индустриальном государстве. Эта задача является также важной частью земельной реформы в Индии. Таким образом проблемы, препятствующие переходу от патриархального земледелия к современной аграрной технике, одновременно и новые и старые; они носят и местный, и мировой характер. Возможно, что такая страна, как Гана, которая неминуемо должна подвергнуться такому превращению, может ободрять себя мыслью о том, что самые разные народы и страны прошли по этому пути, оставив потомству опыт, предостережения и надежды. И Гана в свою очередь будет теперь экспериментировать и вводить новшества — временами терпя поражение, временами преуспевая — и таким образом добавит свой опыт в общую кладовую человеческих знаний.

II

Теперь мы подошли к разбору различных способов, при помощи которых коренным образом менялась первоначальная структура натурального хозяй-

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

ства. В своей первоначальной, племенной форме натуральное хозяйство доставляло пропитание одной ограниченной группе людей, но не больше. Тогда не существовало сложной правительственной или социально-культурной надстройки; не было излишков, из которых власть могла бы взимать налоги для администрации, на войну, на строительство больших городов и храмов, для создания сложной городской цивилизации. Первая большая перемена наступила тогда, когда земледелие обогатилось системой орошения в бассейнах больших рек — на Ниле и Евфрате, на Инде и Желтой реке. Во всех этих районах было огромное изобилие воды. Если бы только возможно было регулировать эти воды, они повысили бы плодородность земли и пробудили бы в почве усиленную мощь произрастания. Не будучи обузданными, воды эти продолжали бы причинять новые бедствия. Как мы уже отметили, именно в этих районах, где был брошен вызов человеческой изобретательности, где от человека потребовалась смышленность, чтобы использовать свои естественные богатства по-новому, начался весь эксперимент цивилизации.

То, что мы находим — не просто аграрная революция; мы также находим широкое развитие техники и прикладных наук. Учась управлять водами своих рек, древние египтяне и шумерийцы должны были научиться и многому другому; например, они должны были уметь точно вычислить, какую площадь зальют разливающиеся воды, и связанные с этим землемерные работы вызвали, по всей вероятности, развитие геометрии и тригонометрии — всю технику измерений, на которой зиждется современная наука.

Они также должны были определять, когда именно можно ждать наступления дождей и сколько времени они будут длиться. Научное изучение кли-

мата привело к первым астрономическим опытам, к первым тщательным наблюдениям за временами года, к первым попыткам наблюдений над изменениями положения солнца. Таким образом использование в сельском хозяйстве водной энергии повлекло за собой не только аграрную, но вызвало также техническую и научную революции, и это сделало возможным создание тщательно разработанной политической структуры первых государств послеплеменного периода. Земледелие и земельный налог все еще лежали в основе их культуры, но на этой базе уже можно было построить гораздо более развитую человеческую деятельность.

Однако человечеству обычно приходится за великое достижение платить не менее великую цену. Это подтверждается историей великих цивилизаций древности. Системы водного хозяйства, охватывающие миллионы тонн воды, могли осуществляться только при очень широком планировании и требовали огромного бюрократического аппарата. И я думаю, что не случайно, что все эти ранние государства уже в самом своем устройстве таили тенденцию к диктатуре. Работа была настолько сложной и зависела в такой степени от высокоорганизованного сотрудничества людей, что она могла быть выполнена только при условии дисциплины и повиновения. Естественно, что в таких условиях на первый план выступали требования общества, а не личности; поэтому в этих ранних опытах цивилизации не было места понятию о жителях государства, как о гражданах, имеющих права свободных людей.

Этот факт, по моему мнению, представляет не только исторический интерес. Вплоть до наших дней мы можем наблюдать различие между обществами, живущими по разработанному, централизованному планированию и обществами более теку-

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

чими и гибкими. Корни этого различия задолго предшествовали коммунизму и демократии. Их можно проследить на протяжении тысячелетий, и они восходят к тем общественным формациям, которые строились на базе ирригационных работ большого масштаба и крупного административного аппарата, а также к тем общественным формациям, которые развивались в менее строгих рамках.

Греки, с которыми мы уже познакомились, как с политическими новаторами, также прошли через экономическую революцию. Система, основанная на понятии о гражданине, участвующем в управлении страной и подчиняющемся закону — была их вкладом в политику, и с этой системой об руку шел динамический рост их экономических проблем. Греки не остались в своих собственных небольших, замкнутых территориях, населению которых уже не хватало внутренних ресурсов, и не взялись за покорение других народов, — что было традиционным «выходом из положения»; вместо этого они прибегли к международной торговле. Они специализировались на культурах масличных деревьев и виноградников, и на художественном мастерстве своих ремесленников, особенно гончаров, и взамен этих вывозимых товаров они ввозили пшеницу, которую их неплодородная почва не могла производить в достаточном количестве. Одним из социальных последствий этих перемен было выдвижение на первый план свободных земледельцев и подвижного, непоседливого класса торговцев, людей, которые по своему упорно-независимому характеру, стремились к открытым, эластичным формам общественной жизни.

Греческий эксперимент длился недолго. Сперва он был задавлен деспотизмом Александра, а позже властью Рима. Широкая административная структура и планирование, присущие позднейшей эконо-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

мической организации римлян, фактически, во многом были заимствованы у восточных систем. В поисках сходного совпадения экономического разнообразия и политической независимости, мы должны перескочить на тысячу лет вперед и обратиться к истории Западной Европы конца Средневековья.

Может быть наибольшую ясность в описании этой новой фазы гибкого и разнообразного развития внесет сравнение Азии и Европы в этот критический период. В Азии все политические формации были деспотическими. Китай и Индия — два великих центра передовой цивилизации — были хорошо централизованными империями, державшимися на многочисленной и исполнительной бюрократии, главная задача которой состояла в сборе земельных налогов (или взимании податей зерном), и от этого зависело величие государства. Любопытно то, что долгое время спустя, в Индии, находившейся под британским владычеством, правительственных чиновников все еще называли «сборщиками», так как сбор земельного налога был главной заботой прежних органов власти.

Эти государства были несметно богаты предметами роскоши — золотом, серебром, драгоценными камнями, ценными маслами и благовониями, тонкими шелками и тканями, доспехами искусной выделки, породистыми лошадьми и т. д. При всем этом богатстве торговцы не были так влиятельны, как землевладельцы и чиновники. Внутренняя торговля не выдерживала сравнения с земледелием. Индийцы и китайцы, которым хватало внутренних ресурсов, почти не были заинтересованы во внешней торговле. И хотя арабские купцы плавали по всем восточным морям, их богатство не приносило им прямого политического влияния и ни в чем не изменило неограниченной власти их мусульманских владык у них на родине.

В Европе произошло дробление политической власти. Христианство, воздававшее кесарю кесарево, а Богу Божье, установило центральную множественность власти. Проистекающая отсюда борьба императора и папы за обладание верховной властью явилась тем рычагом, который поднял престиж власти папских и императорских вассалов — королей, принцев, городов и общин. Европа была покрыта множеством больших и малых суверенов. Многие из них какой-то долей своей мощи, — как некогда греки — были обязаны растущему торговому классу. В отличие от великих стран Азии, Европа была вынуждена торговать, ибо Европа не была материально независимой. Фактически, Европа была бедна, так как находилась в пределах умеренного климата и не имела в своих недрах ценных металлов. Европейцы, в поисках лучших, ценных вещей, вынуждены были обращать свои взоры на Восток и Азию. Энергичные коллективы, ведшие торговлю с Востоком, породили горожан и вольных людей итальянских городов-государств и вольных общин в Германии, Англии и Нидерландах, когда разрослась внутренняя и внешняя торговля.

Богатство городов распространялось на сельские местности, видоизменив феодальное натуральное хозяйство. Богатые горожане скупали землю у обедневших землевладельцев или женились на их дочерях. Предприимчивые крепостные, став мелкими землевладельцами, приобретали в собственность свою же землю. Шумные и живые города, открытые всему многообразию внешних влияний, оказали воздействие на традиционный консерватизм крестьянских хозяйств. Известно, что на протяжении Средних веков европейское сельское хозяйство прошло через всевозможные технологические эксперименты — например, перенесение ярма плуга с вола на лошадь или постройка ветряных мельниц, полу-

чивших широкое распространение. И тут, как и в парусных судах, была использована энергия для тяги, которая является одной из основ технического прогресса. Землевладельцы тоже вносили новшества, разнообразя ассортимент сельско-хозяйственных продуктов, как мы видим на примере появления шерсти в тринадцатом столетии в Англии. Короче говоря старая система натурального хозяйства в Европе была сломлена не каким-то одним большим поворотом к новой, высокопродуктивной и высокоцентрализованной системе хозяйства, а несметным числом новых толчков и попыток, основанных на деятельности тысячи разных центров экономической и политической власти.

В эту эпоху контраст между Европой и Азией не давал Европе преимуществ в смысле богатства. После Средних веков Азия все еще оставалась великим центром политической и экономической силы. Фактически, как ни странно вспоминать это теперь, Европа в своей тогдашней торговле с Азией никогда не могла свести концы с концами. Европейцы немного могли предложить в обмен на шелка, драгоценности и духи. В конце концов слиток золота всегда попадал обратно в Азию. В самом деле, уже в восемнадцатом веке в Англии получили распространение памфлеты, осуждающие ввоз из Азии огромных количеств шелка и тонких тканей, разоряющий Англию и выколачивающий из нее золото для уплаты азиатских долгов. Это было почти как «долларовый прорыв», но в те дни вместо него был «азиатский прорыв». Оказалось, что фактор богатства менее важен, чем фактор организованности, новаторства, энергии и жизнеспособности. В сущности именно богатство Азии подстегнуло европейцев и побудило их к работе над своим дальнейшим развитием. Стремление европейцев торговать с великими центрами Азии, не прибегая к посред-

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

ничеству арабов, побудило португальцев обогнуть мыс Доброй Надежды. Мечта о «золоте, зреющем в далеких копиях Ципангу» (Японии) увлекла Колумба в неизведанные просторы Атлантического океана. И огромные богатства, хлынувшие из Нового Света, были одним из главных источников движущей силы, толкнувшей Европу на решительный шаг в сторону промышленного типа производства.

III

Вместе с промышленной революцией начался процесс, неуклонно и неумолимо изменяющий всю жизнь человечества. Этим я не хочу сказать, что стою на позиции экономического детерминизма и верю в то, что все, что мы делаем, обусловлено тем экономическим строем, в котором мы живем. Разумеется, если в каком-либо коллективе происходят глубокие изменения в методах ведения народного хозяйства, так же как и в повседневной экономической жизни, то политические и социальные установления и даже взгляды людей на вещи будут этим затронуты. Но это не доказывает того, что экономические и производственные отношения являются первоосновой всего, а все остальное вытекает из них, как проповедуют марксисты. В самом деле, нигде так ясно не видна вся сложность причин и следствий, как в начальной фазе индустриализации Европы.

Давайте обратимся к трем примерам, когда политические условия и социальные верования не отражали экономических условий, а наоборот, помогли создать их. Первым является важнейший вопрос накопления. На протяжении всей истории существовали классы богатых купцов, и, вероятно, самы-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

ми богатыми из них были арабские купцы времен халифата. Но именно кальвинизм научил купцов тому, что сколотить состояние тяжелым трудом — благое дело, и благое дело — не тратить его на роскошь и разгульную жизнь. Состояния, которые были пущены в ход, чтобы нажить еще большие состояния посредством еще большего труда, были одним из факторов создания основных запасов капитала для промышленного развития. В обществе не столь пуританском большая часть богатств была бы растрчена на роскошь, искусства и великолепие. На Западе купцы, зачастую, бывали образцом строгой нравственной жизни. И не случайно квакеры в своем простом платье, со своей простой речью оказались родоначальниками современного банковского дела.

Политическая атмосфера Западной Европы также благоприятствовала коммерческим классам. Их успешная борьба за самоуправление в общинах и королевствах не ограничилась только политическими гарантиями. Она защищала их от экспроприаторских капризов монарха. Восточные владыки были взбалмошными и жестокими людьми, когда дело шло о налогах и конфискациях. Если закон зависел от каприза принца, то от него зависела и собственность и это было — непрочной и расхолаживающей основой для постоянного накопления.

Наиболее любопытный пример взаимодействия между культурными и экономическими условиями можно наблюдать в области науки и техники. Индустриальную революцию нельзя вообразить без прикладных наук, и поворот английских умов в семнадцатом веке от религиозных разногласий в сторону естественных наук явился одной из необходимых предпосылок индустриализма. Однако эта смена интересов не произошла ни в одной из богатых и великих стран восточной цивилизации. Почему?

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

В Индии одним из факторов, явилась религия, которая учила об иллюзорности всего земного. Понятно, что стимул к исследованию и определению точных пропорций иллюзии не был велик. В Китае изучение естественных явлений уже с незапамятных времен смешалось с черной магией и колдовством. Таоисты проповедовали метафизическую доктрину, составляли элексиры для бессмертия, и тщательно наблюдали также за естественными явлениями природы. С точки зрения последователей Конфуция осуждались одинаково и серьезные наблюдения таоистов, и их шарлатанство. Конфуцианство осталось наукой человеческих отношений, но не материальных явлений. Науку никак нельзя было отделить от колдовства. Короче говоря, наука — это не занятие для джентльмена, а рычаги власти в Китае находились в руках у джентльменов.

Я попробую выделить три элемента, сыгравшие решающую роль в переходе от сельского хозяйства к промышленности во времена первой индустриальной революции, которая произошла в Англии, и оказавшиеся также основными элементами всех последующих индустриальных революций. Этим, однако, я не хочу сказать, что эти факторы являются единственными. Существует несметное количество психологических, исторических и социальных влияний, накладывающих особый отпечаток на каждую новую промышленную форму. Но при всех этих факторах, решающими остаются три: возрастающее накопление сбережений, революция в области производительности и изменения в сельском хозяйстве.

Первые два фактора вряд ли нуждаются в пояснении. Даже самые примитивные коллективы делают небольшие сбережения. Не все зерно употребляется в пищу. Часть семян хранится для посева будущего года. А всякое сбережение является по

существо — отсрочкой потребления ради обеспечения завтрашних нужд. У большинства отсталых народных хозяйств сбережения подобного рода составляют примерно 5% дохода. Будь то семена на следующий год, засыпка канав и починка изгородей вокруг ферм или расчистка новой земли для посевов — все это является некоторой затратой работы на будущее, т. е. формой сбережения.

Но эта начальная ступень сбережений только сохраняет устойчивое равновесие народного хозяйства. Если население возрастает, то требуется больше сбережений для того, чтобы идти в ногу с повышением спроса. Коренные перемены наступают тогда, когда экономика, как таковая, как это уже бывало, начинает обгонять самое себя, когда сбережения не только обеспечивают то же самое потребление в следующем году, но обеспечивают увеличение продукции, что в свою очередь обещает еще большие возможности в последующие годы. Ученые-экономисты считают, что когда сбережения и капиталовложения страны начинают составлять от 12 до 15% ее государственного дохода, то это значит, что страна прорвалась сквозь «звуковой барьер» между статической и динамической экономикой.

Некоторые коллективы подняли этот процент даже выше — до 20% и 25% государственного дохода. Советский Союз поддерживает этот коэффициент сбережений в течение многих десятилетий. Производство было первоначально направлено не на изготовление товаров ширпотреба, а на сооружение большего числа машин, фабрик, на расширение транспорта и энергетических ресурсов, так что экономический фундамент все время расширялся и вместе с ним росла способность выпускать товары в будущем более мощным потоком. Но и не принимая подобных героических мер, коллективы могут обеспечить расширение своей производственной

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

мощности, позаботясь о том, чтобы от 12% до 15% их государственного дохода шло на средства расширения будущего потребления, а не только на предметы широкого потребления, как текстиль, продукты питания, кинофильмы или автомобили, или всего того, что составляет предмет потребления и немедленного использования населением данной страны.

Если сбережения используются для расширения народного хозяйства в целом, то это, конечно, продуктивно. Несметные капиталы были затрачены на постройку пирамид, но это строительство не превратило Египет в страну с динамическим народным хозяйством, так же как дворцы с системой охлаждения не преобразовали нынешнюю Саудовскую Аравию. Существует огромное число товаров, являющихся продуктивными в истинном значении этого слова. Новые типы болезнестойких семян, усовершенствованные методы вспахивания почвы, лучшее оборудование мастерских, лучшие дороги для доставки товаров на рынок — все это помогает людям производить больше, при той же затрате труда, в чем и заключается сущность производительности. Но промышленная революция зависит, — быть может прежде всего — от новых источников энергии. Каждой паре рабочих рук дать в подмогу еще лишней запас энергии — это так же старо, как и сама цивилизация. Сила воды, лошадиная сила, сила ветра — все они были широко использованы в ранней технологии. Полная промышленная революция привела от силы пара через электроэнергию и энергию нефтяных двигателей к чрезвычайными последствиями ядерной энергии наших дней. Без энергии не может быть индустриализации, и угольные бассейны мира, все без исключения — это колыбели современного индустриализма.

Мы достаточно говорили о масштабе и типе ка-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

питаловложений, от которых зависит индустриализм. Но остается все тот же основной вопрос — откуда взять эти капиталовложения? По существу они могут исходить только от сельского хозяйства, так как, до возникновения промышленности, сельское хозяйство является главнейшим источником основного богатства. Я не забываю значения торговли. Доходы от экспорта являлись динамическим фактором во многих народных хозяйствах; это относится и к Гане, где существующие фонды развития — а фонды эти не малы для такого небольшого населения — были созданы умелым обращением с крупными поступлениями от вывоза какао в послевоенный период. Но многие доходы от экспорта в свою очередь имеют своим источником сельское хозяйство, например, экспорт шерсти, или хлопка, или фантастические прибыли, которые, бывало, наживали западные купцы, занимавшиеся торговлей пряностями. Только разработка недр стоит на одном уровне с сельским хозяйством в качестве первичного, доиндустриального источника богатства: можно быть уверенным, что никакой африканский житель не станет недооценивать той решающей роли, которую сыграли золото, медь и алмазы в освоении этого материка. Но даже и там, где доходы от экспорта минералов являются главным источником накопления, преобразование сельского хозяйства все еще остается необходимой предпосылкой развития промышленности.

До тех пор, пока основная масса населения остается на земле и ведет натуральное хозяйство, современное индустриальное общество не может развиваться. Фермеры не производят достаточно добавочных продуктов питания, чтобы накормить рабочих, занятых в несельскохозяйственных отраслях народного хозяйства. Нельзя отпустить людей с ферм на фабрики, когда традиционные методы

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

земледелия требуют столько рабочих рук. И фермеры, которые не производят ничего для рынка, не могут сами пойти на рынок в качестве покупателей. Местный спрос на потребительские товары не возрастает. Таким образом отсутствует стимул для местного промышленного производства. Поэтому сельское хозяйство должно уступать людей и накопленные средства новому индустриализированному, урбанизированному сектору хозяйства, если страна хочет добиться современной, динамической системы народного хозяйства.

Совершенно очевидно, что переход продукции от одной части общества к другой может быть связан с мучительными жертвами. Первые годы индустриализма до сих пор обычно были связаны с передвижениями и бедствиями. Земледельцы своим трудом обеспечивают расширение хозяйственной жизни в других областях. Если в это время их собственная продукция устойчива, то их жизненный уровень неминуемо должен понизиться. Только в том случае, если сельскохозяйственная техника совершенствуется, а сельскохозяйственная продуктивность повышается, перемещение экономических ресурсов может быть до некоторой степени облегчено. Англии — первой стране, проходившей процесс индустриализации — посчастливилось, потому что у нее были кое-какие запасы, при помощи которых этот переход был облегчен. Восемнадцатый век был веком аграрных экспериментов и аграрного роста. Просвещенные землевладельцы, как «Брюква» Тауншенд или Кок из Норфолька изобрели новые методы зимнего фуража для скота и севооборота, что значительно повысило продуктивность сельского хозяйства. В итоге, по мере того, как индустриальная революция в Англии двигалась вперед, возрастали сельскохозяйственные запасы и связанные с ними сбережения, которые могли перейти к фабрикантам

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

железных изделий, а также к прядильщицам и ткачам, которые начинали создавать промышленность в Англии.

Однако нам не следует недооценивать тех безмерно-тяжелых испытаний, через которые прошло земледельческое население Англии в ту начальную пору индустриализма, когда крестьяне толпами стекались из сел в огромные, грязные, зловонные города, в которых они работали по 60 часов в неделю и умирали в нищете. По крайней мере в течение сорока лет, от 1820 до 1860 года, рабочие не выгадали ничего от своего нового индустриального образа жизни. Этот период, между прочим, был решающим для формирования мировоззрения Карла Маркса. Он увидел в Англии первую, уродливую, грубую, жестокую стадию индустриальной революции, и многое из того, что он говорит о капитализме, абсолютно верно по отношению к сороковым и пятидесятым годам прошлого столетия. В течение этого периода рабочие, в основном, производили сбережения, в буквальном смысле отказываясь от потребления, и новые богатства шли на расширение промышленности. Только после 1860 года производительность новых машин начала отражаться на общем жизненном уровне. Реальная заработная плата возросла. Рабочие начали пользоваться кое-какими плодами новой системы. Но вначале это была тяжелая, ожесточенная борьба.

Япония — еще одна страна, в которой перенесение центра тяжести сбережений из области сельского хозяйства в другие области было смягчено резким подъемом сельскохозяйственной производительности. Создание в Японии современной системы народного хозяйства, является одним из самых необычайных в мире достижений, проделанных в области индустриализации. Японцы, на своем перенаселенном острове, где почти отсутствуют полез-

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

ные ископаемые, модернизировали свое народное хозяйство в двадцать лет и создали первую в Азии полностью индустриализованную страну. И все это было создано исключительно по их собственной инициативе. Мы уже проследили, как чувство современного национализма послужило одним из толчков к этим переменам. Но для современной техники индустриализации интересен тот факт, что японцы взяли за отправную точку широкую аграрную реформу и могучее стремление к повышению производительности. И в самом деле, производительность повысилась вдвое между 1870 и 1914 гг. Работавший крестьянин был заинтересован в своем земельном наделе и его доход возрастал. Даже несмотря на то, что большой процент увеличившейся продукции путем налогообложения переходил в промышленность, у крестьянина все же оставался остаток. Крестьянин снова вкладывал этот остаток в землю и увеличивал собственное потребление. Люди могли бросать земледелие, но фермеры также являлись рынком для сбыта предметов ширпотреба. Таким образом, в Японии сельское хозяйство и промышленность развивались параллельно.

Если мы хотим увидеть плачевные результаты развития в противоположном направлении, нам достаточно взглянуть на Советский Союз. Масштабы советских сбережений колоссальны, но мы можем сейчас прийти к заключению, что из этих сбережений на промышленность было брошено слишком много, а на сельское хозяйство — слишком мало. До того, как Хрущев ввел все свои аграрные реформы — из которых наиболее значительной является отмена обязательных поставок государству — сельское хозяйство отставало от быстрого роста промышленности. Это небрежное отношение имело свои политические причины. Коммунисты не желали слишком большого процветания и независимости

крестьянства, главным чаянием которого было владеть землей, как частной собственностью. Но результат принижения роли сельского хозяйства сказался на всех. Это был один из факторов понижения уровня жизни и питания и в городе и в деревне.

Хрущевские реформы, возможно, начнут заделывать брешь; однако знаменательно то, что во всей Восточной Европе коллективизация частично приостановлена и проявляется терпимость по отношению к частному хозяйству, причем крестьян поощряют производить часть своих продуктов для свободного рынка. Таким образом земледелец опять получил стимул к работе, после десяти лет советской системы безжалостного выжимания сбережений из крестьянских хозяйств.

Однако России, так же как и Америке, повезло с естественными богатствами. Страна недонаселена. Хрущев может приказать поднять 75.000 акров целинных земель для восстановления сельскохозяйственного равновесия. Но что случается, когда нет этой возможности? Как может страна распоряжаться сбережениями сельского хозяйства, когда потребление крестьянства и так ограничено до минимума? Таково положение Индии и Китая, где настолько ощутительна нехватка земли, что образование значительных сельскохозяйственных запасов (не забывая, что запасы не идут непосредственно на потребление) могло бы привести к катастрофе. Если вы живете на грани минимального уровня потребления и вынуждены сократить это потребление, то это равносильно смерти. И это, в конце концов, не очень радостная перспектива для крестьянских масс. В этом заключается основная проблема, перед лицом которой стоят широкие слои населения Китая и Индии. Если правительства слишком много откладывают сбережений, то можно с уверенностью сказать, что этими сбережениями они уложат очень

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

много людей в могилу. И это надо понимать не в переносном, а в буквальном смысле. Существует предел, после которого нельзя понижать потребление, когда оно и без того чрезвычайно понижено. И все же единственная надежда избавиться от наследственной нищеты — в сбережении, упорном сбережении. Это самый насущный и мучительный вопрос в слабо развитых и перенаселенных странах.

Политическая проблема, — может ли выборное правительство обеспечить необходимые сбережения — является вопросом, к которому мы еще должны будем вернуться. Пока мне только хотелось бы подчеркнуть особые трудности, стоящие перед странами, земля и естественные богатства которых уже использованы до и даже свыше допустимых пределов.

IV

Когда мы рассматриваем процессы индустриализации, нас поражает их разнообразие. Они так же разнообразны, как разнообразны ресурсы, в разных странах. Они так же изменчивы, как разнящиеся друг от друга принципы и методы организации, применяемые разными государствами. Сущностью их является сосредоточение рабочих на фабриках и заводах для переработки сырья или дальнейшей обработки его при помощи энергетических установок и машин. Но это широкое обобщение охватывает все от мелкой кустарной промышленности в Японии, где отдельные семьи работают на дому над изготовлением частей для крупных фирм — и до таких чудовищ, как сталелитейный и чугунолитейный заводы в Магнитогорске, являющиеся самыми крупными в мире.

Однако, несмотря на эту неясность и сбивающее

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

с толку разнообразие, следует сделать одно или два полезных обобщения. Суть индустриальной системы должна в какой-то степени определяться местными ресурсами — местными полезными ископаемыми, доступными видами топлива, наличием водяной и электрической энергии, а также климатическими условиями. Это относится в особенности к ранним этапам развития. Действительный шаг вперед сделан тогда, когда начинают обрабатывать сырье, которое до этого времени экспортировали в необработанном виде. Англия проделала этот переход в очень раннем периоде своей индустриальной истории, когда в пятнадцатом веке она заменила экспорт необработанной шерсти экспортом шерстяных текстильных изделий. Гана уже более не экспортирует бревна, а создала деревообделочную промышленность с целью экспорта пиломатериалов. Нефтеносные районы прекращают экспорт необработанной нефти, строят свои собственные нефтеочистительные заводы и вскоре смогут приступить к созданию побочной химической промышленности.

Этот процесс облегчается, когда местное горючее не слишком дорого и когда экспортируемый фабричный продукт легче и компактнее, чем сырье, из которого он изготавливается, и перевозка этого продукта обходится дешевле. Целью проекта работ на р. Вольте в Гане является такая переработка экспортируемого Ганой в необработанном виде боксита. Дешевая электроэнергия «Вольтастроая» будет обслуживать местный плавильный завод, начнется экспорт алюминия, и со временем, несомненно, из него на месте будут выделяться кастрюли и сковороды и кровельные настилы и все те тысячи предметов, которые изготавливаются из алюминия.

Другой распространенный способ индустриализировать страну заключается в том, чтобы начать изготавливать на месте те товары, которые до того

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

импортировались. Если есть местные ресурсы и умение наладить производство, то экономия на транспортных расходах дает местной промышленности преимущество перед заграничной. Во всяком случае, большинство правительств готово предоставить своей промышленности в начальных стадиях ее развития некоторую защиту. Тарифы — совершенно законная мера предосторожности, защищающая «новорожденную промышленность». Тарифы становятся вредными только тогда, когда они поддерживают перманентно дорогостоящую промышленность или охраняют интересы гигантских и уже развившихся рынков, которые не нуждаются в такой защите. Довольно трудно представить себе таких американских гигантов, как Дженерал Электрик и Дженерал Моторс, в роли предприятий «младенческой» индустрии. Однако же некоторые участки их деятельности сильно протекционизируются.

Успешное местное производство потребительских товаров зависит, как и всякий другой способ промышленного развития, от местных источников энергии. Эта нужда в местном топливе объясняет, почему в прошлом и вплоть до нашего времени угольные бассейны были основным источником промышленности. Местные запасы угля и железной руды в стране являются самым прочным фундаментом для индустриализации страны. Однако электричество открыло двери новых возможностей. Ядерная энергия откроет их еще больше. Очень мало таких стран, которые не могут как-то преобразовать свое народное хозяйство.

Другой необходимостью является расширение рынков. Простое наличие одного крупного предприятия — например, нефтеочистительного завода — еще не толкает всю страну на путь индустриализации, если только другие секторы народного хозяйства не видоизменяются в то же самое время и если

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

не поступают новые денежные средства, которые могут удовлетворить новые предприятия. Это лишь один раз доказывает необходимость динамической системы сельского хозяйства с неустанным подъемом производительности, для повышения дохода от крестьянских хозяйств и освобождения рабочих, занятых на фермах. Во многих частях Латинской Америки, например, значительная индустриальная деятельность все еще не втянула весь коллектив в восходящий круговорот развития, потому что деревня остается в тяжелом оцепенении кабального труда.

Создание рынков и поощрение к использованию местных ресурсов, не единственные методы, полагающие начало индустриальной стадии развития. Правительства могут просто сделать решительный шаг в этом направлении, построив фабрики, силовые станции, и спланировав всю индустриальную структуру по образцу первой русской пятилетки. Мы еще вернемся к этому, когда будем рассматривать организацию промышленности. Отметим только, что если правительство, осуществляя план индустриализации хозяйства страны, уйдет слишком далеко от реальностей местных ресурсов и источников энергии, индустриальная структура может быть сопряжена с такими расходами, что в скором времени, а может быть даже и на долгое время, она приведет не к повышению, а к понижению жизненного уровня. Со времени войны многие страны, раньше экспортировавшие сырье, например Бразилия или Аргентина — не всегда здраво рассуждали, составляя свои индустриальные планы, вследствие чего дорогостоящая промышленность заменила прибыльный первоначальный экспорт. Промышленность, короче говоря, не волшебная палочка. Прекрасно можно выстроить ненужную фабрику, в ненужном месте, для ненужной цели. Большая часть восточноев-

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

ропейской насильственно насажденной коммунистами индустриализации страдает этими дефектами. Были построены фабрики, для которых не было сырья. Они остались стоять, брошенные неуклюжие груды стали и цемента — памятники рвения перепланировщиков.

При рассмотрении вопроса об организации промышленности — при помощи частной инициативы, на средства государства или путем комбинирования этих двух систем — нужно запомнить два обстоятельства: первые великие новшества были — преимущественно в Англии — результатом изобретательности отдельных техников, вкладчиков и промышленников. Основы промышленности были впервые установлены не правительственным декретом, а шумной и преуспевающей группой индивидуумов, движимых частично мыслью о наживе, но также и желанием творить.

Но как только были установлены эти методы производства, они стали доступны повсеместно как готовые формы индустриализации. Это — одно из преимуществ современного мира, в котором средства связи используются так широко, что нам нет надобности дважды изобретать то же самое. Достаточно перенять патент у изобретателя. В сущности, с тех пор, как ведется летопись исторических событий, огромные массы человечества всегда жили за счет других.

Если взять всю историю человечества, то станет ясно, что одной из причин претящих разговоров о расовом превосходстве или неполноценности является то обстоятельство, что очень мало народов прожили без усиленного заимствования просвещения у других. Например, европейцы часто забывают, что было время, когда Европа всецело была обязана всеми своими важнейшими изобретениями народам Среднего Востока. А европейцам полезно было бы

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

помнить, что алфавит изобрели не они, а финикийцы. Лучше не будем поэтому городить вздора о расовом превосходстве. Человечество обладает огромным интеллектуальным наследием, слившимся воедино из тысячи источников. В великой задаче цивилизации все мы являемся «частью друг друга».

Индустриальная революция была изобретена в Англии. После этого она распространилась по всему свету, и хотя основные процессы повторялись, а именно — переход богатства из сельского хозяйства в другую область, использование источников энергии, создание транспортной сети и развитие городов, переход все большего и большего числа производственных процессов из домашних условий на фабрики, на путь механизации — типы организации индустрии варьировались чрезвычайно широко; снова и снова, когда мы рассматриваем структуру определенного индустриального общества, мы видим, как глубоко его собственное историческое прошлое повлияло на определение формы его промышленности. Это — второе обстоятельство, которое следует запомнить: относительная преемственность исторического опыта даже при таких огромных сдвигах, как возникновение индустрии.

В западном мире традиция индустриализма — это в основном традиция независимых действий многочисленных различных центров власти; это форма общественности, корни которой лежат в истоках развития множественности власти и индивидуальной инициативы в Западной Европе. Это не значит, что должна быть только частная инициатива в чистом виде, без всякой примеси. Очень немногие последователи найдутся у Герберта Спенсера, требовавшего, чтобы правительство не вмешивалось в дела почтового ведомства и учебных заведений. Даже в Соединенных Штатах, где заповедь об ограничении правительственной деятельности до

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

максимума проповедуется с идейным фанатизмом, доля этой деятельности больше, чем в Индии, которая провозгласила «социалистический строй». Но в общем верно то, что в Западной Европе, в странах Коммонвелта европейского происхождения и в Северной Америке определяющим фактором экономики является большое разнообразие промышленных предприятий, производящих товары для сбыта на свободных рынках и руководимых в своей деятельности побуждениями наживы. И эта система, какие бы высоко изоциренные формы она ни приняла в наши дни, также преобладала в торговых странах Средневековья, откуда фактически ведут начало многие технические приемы современного делового мира — бухгалтерии, банковского дела, внешней торговли. Фуггеры и Медичи, банкиры позднего Средневековья, очутись они среди нас, почувствовали бы себя дома на Уолл-стрит или Ломбард Стрит; кстати, Ломбард Стрит получила свое название в честь этих людей.

Может быть, мне следует здесь остановиться на мотивах выгоды, ибо они являются двигателем самых продуктивных экономических систем, которые когда-либо знал мир. Это понятие приобрело столько пагубных обертонов и полутонов, оно так переплетено со всей марксистской демагогией, связано с представлением об упитанных господах с сигарамми, цилиндрами и каракулевыми воротниками, топчущих распростертые тела страдающих рабочих, что трудно теперь докопаться до экономической сути этого побудительного мотива. Я полагаю, можно просто сказать, как сказал один делец: «Самая важная сторона погони за прибылью та, что в действительности это — погоня за избеганием убытка». Другими словами, вы не можете вести дело, если вы не продаете ваши товары по цене, обеспечивающей их производство. Это является кстати, основ-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

ным положением для всех отраслей промышленности, включая государственную промышленность, потому что, в конце концов, тот факт, что вы не можете выплачивать больше, чем вы получаете, — это закон природы, которого не может обойти никакая экономика.

В частном секторе народного хозяйства побуждения выгоды являются мерилom, по которому вы можете судить, согласны ли покупатели заплатить за ваши товары примерно столько, во сколько вам обошлось их изготовление. В эти издержки производства, разумеется, входит не только стоимость труда, материала и настоящий и будущий капитал, а нечто гораздо большее. В цифру прибылей также входят помимо издержек предприятия, еще и расчеты на будущее, возможные потери, умение уловить нужный момент для накопления запасов товара, и то неопределимое качество, которое дает некоторым людям сверхестественное чутье того, что нужно публике и как разовьется рынок. Марксистская идеология была так нелепо невежественна в вопросах практического руководства коммерческими предприятиями, что Ленин искренне верил в 1917 году, что плотника, или кухарку, или водопроводчика можно взять и сразу поставить во главе фабрики. Но это — работа высококвалифицированная, и преодолеть ее трудности можно именно исходя из понимания проблемы прибылей.

Конечно, существуют незаконные прибыли — монопольные прибыли коммерсантов, скупивших запасы товара со спекулятивными целями и таким путем овладевших рынком и вымогающих у потребителя любую цену; прибыли, получаемые благодаря бессовестно-низкой оплате дезорганизованной и терроризованной рабочей силы; но в нормальных западных условиях побудительный мотив погони за прибылью является, как убеждает нас опыт, до-

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

вольно точным руководством в вопросах потребительского выбора, а ведь для удовлетворения этих вкусов потребителя в конечном итоге и существует экономика.

Но если доминирующей системой является система частно-предпринимательская, то одна вещь является необходимой: это — частные предприниматели. И здесь, конечно, мы сталкиваемся с одним из ограничений, которые нам навязывает исторический опыт. Ряд огромных областей Азии и вся племенная Африка не прошли подготовки в деле проявления инициативы, в деле муниципального управления и частной торговли, во всем том, что на Западе шло рука об руку и создало купца, банкира, и дельца раннего периода индустриализма. Начать с того, что в отсталых странах не существует групп людей, обладающих качествами предпринимателей, способных самостоятельно разрешить задачи производства. Еще менее можно рассчитывать найти там целый класс людей, жаждущих и ждущих возможности приняться за это (как это было в Англии). Тем не менее, когда уже существует образец индустриального общества, другие страны могут подражать этому образцу методами, сообразными с их собственным историческим опытом. У японцев, например, было сильное правительство, крепкие связи феодального рода и умелый торговый класс. Принятое японцами решение состояло в том, чтобы правительственным указом положить начало промышленности. Затем, когда предприятия были пущены в ход и молодые люди прошли подготовку в деловых конторах Запада, крупные предприятия были переданы в руки кланов и купцов; рост предприятий побудил в свою очередь группы и семьи мелких ремесленников трудиться на другом конце индустриальной лестницы. Решающим толчком была правительственная инициатива, но за ней после-

довала инициатива частного предпринимателя. В Турции с ее старинной традиционной деспотической формой правления также само правительство было инициатором индустриальной программы. Но неприязнь к коммунизму была одним из факторов, обеспечившим впоследствии переход некоторых отраслей промышленности, находившихся в руках правительства, к группам частных лиц.

В Индии запланирован возможный компромисс, который опять-таки отражает глубокий исторический опыт. В девятнадцатом веке, в период британского управления, идеи свободной предпринимательской инициативы и частного руководства были занесены в страну английской коммерческой средой; к середине столетия индийская промышленность начала развиваться, в особенности текстильная ее отрасль. Однако в Индии, как мы уже видели, существуют вековые бюрократические традиции. Большие предприятия опирались на государство и поддерживались чиновниками. Таким образом нет ничего удивительного в том, что смешение нового опыта со старым привело Индию к развитию смешанного хозяйства, в котором, возможно, главную роль играет государственный сектор, но где оставлено место и для развития частной инициативы.

В России и в Китае мы встречаемся с крайностями тоталитарного правительственного контроля, и это не является всецело отражением коммунистической идеологии. Корни уходят глубже в историю. Китайцы всегда имели централизованную бюрократию. Как мы уже говорили, в древности управление земледелием и водным хозяйством страны требовало централизованного контроля. Государство всегда оказывало огромное влияние на экономику, организуя ее, направляя, удерживая монополию на насущно-необходимые потребительские товары. Частное предпринимательство связано с периодом на-

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

ционального упадка в начале века, когда иностранные интересы управляли Китаем и китайцы чувствовали себя ограбленными в своем родном доме. Китайский коммунизм, таким образом, был почерпнут не только из теоретических идей, но из глубокого исторического опыта.

Даже Россия с ее более тесными связями с Западом, была всегда страной, преимущественно руководимой правительством. Петр Великий начал ее насильственную модернизацию и индустриализацию. Несмотря на крупные иностранные капиталы, притекавшие в страну в девятнадцатом веке (связывая таким образом идею иностранной интервенции с идеей «экономического закабаления»), русское государство в 1914 году было самым крупным работодателем и крупнейшим землевладельцем. И тут коммунисты использовали деспотические, бюрократические традиции, которые бесконечно старше их самих.

Таким образом, если мы посмотрим на наш современный мир, мы увидим почти полный спектр индустриализации, начиная с преобладающей на Западе частной инициативой, переходящей далее к тем хозяйственным системам, в которых в различной степени перемешаны государственная и частная деятельность, и вплоть до всеобщего планирования тоталитарных государств. И большая часть оттенков этого спектра определяется не идеологией, а конкретным историческим опытом. И в индустриализованных странах будущего будет, вероятно, наблюдаться то же самое явление.

Прежде чем мы покончим с вопросом индустриализма, я хотела бы добавить напоследок еще вот что. Различия между разнообразными формами и образцами современной индустриальной жизни, как мы видели, настолько велики, что представляют собой полный экономический спектр от свободных до

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

тотально контролируемых систем. Но это разнообразие не должно заслонять от нас тот факт, как много у этих систем общих проблем. И величайшей проблемой является проблема, призрак которой, возможно, будет всегда преследовать человечество: проблема, возникающая от того, что человек всегда хочет иметь больше, чем позволяют его материальные средства. Другими словами, экономика остается в основном наукой, пытающейся скудными средствами удовлетворить множество несовместимых друг с другом потребностей. Советский ли вы комиссар, или министр финансов Ганы, или министр финансов Великобритании, вы стоите перед той же проблемой: что мы будем делать, от чего мы должны отказаться, поскольку наши средства не позволяют нам делать всего, что нам хочется?

Например, никакое хозяйство в мире не может вполне избежать проблемы инфляции и дефляции. Но что это такое? Говоря попросту, инфляция наступает, когда вы пытаетесь производить слишком много по отношению к имеющимся ресурсам; дефляция — когда вы производите слишком мало. Коммунисты могут располагать более крутыми мерами разрешения этих проблем, — например, аннулирование сбережений всей массы населения с целью уменьшения риска инфляции. Но сами эти проблемы нельзя, как злых духов, прогнать заклинанием.

Индустриализм, конечно, невероятно повысил средства существования человека. Индустриализм в равной мере расширил его возможности выбора; он внес динамизм, он дал человеку более широкий критерий свободы, но до сих пор он не освободил человека от необходимости того элементарного экономического выбора, который всегда был уделом человека. В своем выразительном продвижении от первобытного земледелия до динамической индуст-

И Н Д У С Т Р И А Л И З М

стриализации, человек не освободился от тяготеющих с давних времен проблем. Весьма возможно, — как когда-то высказался лорд Кэйнс, — что будущие достижения промышленности и науки освободят нас от оков ограниченного выбора, и тогда искусство, красота и духовная культура, а не экономическое накопление, станут главной целью человека. Некоторые высказывают мнение, что Америка начинает приближаться к этому состоянию. Но человечество в целом еще не переступило порог чертога изобилия и благосостояния. Человеческая жизнь все еще проходит под знаком суровой необходимости и неизбежного выбора.

Глава третья

КОЛОНИАЛИЗМ

I

Когда мы изучаем колониализм, мы рассматриваем одну из самых широко-распространенных и чреватых последствиями форм человеческой деятельности. Повидимому, таково свойство человеческой природы, что когда одна группа людей становится сильнее другой, то ее инстинкт велит ей подчинить себе слабейшего соседа.

Как все инстинкты — это очень древний инстинкт. В сущности, он ведет свое начало с тех времен, когда человечество организовывалось в племенные группы. Ранний период истории племенного общества в большой мере является историей завоеваний, отвоеваний и повторных завоеваний. Возвышение и падение империй, с которыми связано столько событий последующей истории, уходят своими корнями к самым истокам политической деятельности человека. Например, когда англичане начали продвигаться дальше и дальше в Ньясаленде, они застали местных ньяса под деспотической властью яо, которые были по горло заняты продажей покоренных жителей арабским работорговцам. Или возьмем к примеру Западную Африку: уже в более поздние времена, в 1804 году, племя фулани завоевало и покорило племена хауса, населяющие Северную Нигерию. Так это было на заре организованного человеческого общества, и так это было повсюду, повсеместно и повсечасно, вплоть до наших дней.

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

Одно из самых замечательных явлений нашего столетия, это то, что колониализм, как признанный принцип политической организации, стоит на пути к полному исчезновению. Если это так, то (исключая уничтожение войны) это будет величайшей политической революцией, которую когда-либо видало человечество. Завоевание было наиболее древней и распространенной деятельностью человека. В сущности, если мы откажемся от завоеваний мы уничтожим девять десятых причин войны.

Однако, результаты завоеваний никоим образом не бывают одинаковыми. Различают много типов империализма, и существуют три обширных группы, которые мне бы хотелось здесь рассмотреть. Первая — это тот тип империализма, который влечет за собой благодетельные последствия. Для этого, я полагаю, должен быть выполнен целый ряд условий. Одно из них сводится к тому, что завоеватели должны владеть лучшей техникой и стоять на более высокой ступени цивилизации, чем покоренный ими народ. Есть исключение из этого правила, о котором я упомяну, но, говоря в общих чертах, у развитого общества больше шансов осуществлять благодетельный империализм. Второе условие состоит в том, чтобы в процессе завоевания вклады завоевателей — техника, культура, изящные искусства, бóльшая степень умелости в вопросах политической и экономической жизни — также полностью стали бы достоянием покоренного народа. И третье условие заключается в том, чтобы из завоевания (равносильного при этих обстоятельствах распространению цивилизации) возник новый синтез и появилось новое единство, которое в подлинном смысле богаче и разнообразнее прежнего.

Говоря в общих чертах, некоторые колониальные империалистические системы выполнили эти условия. Наиболее примечательным примером может

служить самая продолжительная и стойкая Китайская империя. Постепенное распространение китайского владычества от Желтой реки до границ Аннама длилось, примерно, пятнадцать столетий и китайцы имели возможность мало по малу привить разнообразным племенным группам и первобытным народам гораздо более высокий уровень культуры, как в творчески-интеллектуальном, так и в материальном смысле. Эти подвластные народы были втянуты в систему культуры Китая и стали со временем полноправными членами новой всекитайской цивилизации.

Другой исторический пример благодетельной по своим результатам империи можно отыскать на Западе. Римская империя зародилась в разрушении и насилии, в муках и отчаянии распространившейся повсюду гражданской войны, но в дни своего величия она поддерживала порядок и мир на огромной территории, сохраняла цивилизацию там, где она угасала и несла ее племенам, сохранявшим еще варварский быт. Римская империя достигла этого, потому что, как и Китайская, предоставляла покоренным народам в полной мере пользоваться преимуществами своей цивилизации. Гордое восклицание «Я — римский гражданин» могло исходить из уст людей на всем протяжении от Британии до Антиохии, независимо от их расы или культуры предков. Так велика была идея порядка, которую после себя оставила Римская империя, что даже через тысячу лет после ее падения народы Европы делали попытки — правда, попытки неудавшиеся — воссоздать хотя бы отчасти политическое единство и обмен культурных связей, которые были возможны в условиях Римской империи.

Теперь я хочу отметить исключения из правил о «благодетельном империализме», который я пыталась определить. Чаще всего бывает, что цивилизо-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

ванный и высокоразвитый завоеватель превращает свое завоевание в ценное достижение культурной и политической интеграции. Но бывают и примечательные исключения. Иногда завоеватели, несмотря на то, что они стоят на низшей ступени технического и интеллектуального развития, могут перенять от покоренного ими народа более высокий культурный уровень, а сами внести в него свежесть и силу, которых часто не хватало покоренным ими старым и порою упадочным цивилизациям. Когда сперва ионийцы, а затем дорийцы вступили в пределы старой разрушающейся Микенской империи, то их новые силы и сила древнего искусства соединились, чтобы создать то, что мы до сих пор называем величайшей и наиболее динамической цивилизацией, известной человеку.

Другой пример — и один из самых чреватых последствиями для современного мира — это возникновение ислама. Когда первобытные арабские племенные группы прорвались с аравийского полуострова под предводительством Магомета и целиком опустошили цивилизованные, но инертные империи персидских и византийских монархов, они впитали в свою молодую арабскую культуру, с ее специфическим арабским языком, сокровища античного мира — греческую мудрость, философии христианства и Заратустры; впитали науку и искусство, оплодотворив их своей новой силой и свежестью своего к ним подхода. Результатом был расцвет культурных достижений по всему Средиземноморью, расцвет, которому не было равных вплоть до европейского Возрождения.

В качестве последнего примера мы можем вернуться к Китаю. В семнадцатом веке империалистическое владычество перешло от китайцев к маньчжурам, полуцивилизованному народу, пришедшему с севера. Но маньчжуры преисполнились та-

ким уважением к китайской культуре, что они стали больше китайцами, чем сами китайцы. В восемнадцатом веке, при таком гениальном монархе, каким был Чинь Лун, китайская цивилизация достигла вершины блеска и совершенства, вызывавших изумленное восхищение тогдашних европейских философов.

В этом пункте пример чужеземных завоевателей, выигрывающих от соприкосновения с высшей, но покоренной цивилизацией, терпит провал. Приверженность маньчжуров китайской конфуцианской культуре послужила причиной падения Китая. Новые идеи и новая техника, проникающие из Европы, за которыми стояла вся мощь европейской экспансии, требовали радикального пересмотра старых конфуцианских идей. Но недавно обращенные в эту веру маньчжуры не хотели менять ни единой иоты в устройстве китайского общества, созданного по классическому конфуцианскому образцу. Этот отказ лишил Китая энергии, необходимой для того, чтобы гибко приспособиться к условиям современного мира, и в течение почти ста лет вся империя колебалась между умершими концепциями, которые она не решалась оставить, и живыми концепциями, которых она не могла принять. Этот паралич, более чем что-либо другое, объясняет, почему возрождение Китая задержалось на полпути до середины нашего столетия.

Оставим теперь эти примеры завоеваний, которые тем или иным путем создают новый синтез из завоевателей и завоеванных, и обратимся ко второму типу империализма, — то есть к империализму, при котором завоеватели, хотя и принесли с собой великие дары цивилизации, но не передали их полностью завоеванному народу. По этой причине не мог возникнуть подлинный синтез, и не образовалось никакого органического сплава для создания

новой цивилизации, благами которой могли бы в равной мере воспользоваться и завоеватели, и завоеванные.

Одним из примеров этого является, я полагаю, вторжение испанских завоевателей в Латинскую Америку. Прежде всего следует отметить, что индейское население Южной Америки все-таки выжило. Это — значительный фактор, потому что, если покоренные народы должны составить часть конечного синтеза, они не должны исчезнуть, а быть налицо! Некоторые из покоренных народов, как мы увидим, не оказались столь удачливыми. Поэтому не следует пренебрегать тем фактом, что в Латинской Америке местные индейцы выжили в условиях новых общественных форм, привитых Западом. Но вплоть до сегодняшнего дня мы не можем сказать, что республики с большим процентом индейского населения достигли подлинного синтеза более цивилизованных и образованных групп населения испанского и португальского происхождения — с широкими массами индейских крестьян и горцев.

Между старым и новым произошло существенное слияние в области культуры и религии. Достаточно взглянуть на некоторые церкви Центральной и Южной Америки, чтобы почувствовать, как изпод внешнего покрова христианства явственно проступают древние культы и остатки прошлого колдовства. Но в феодальных поместьях и на рудниках никакого синтеза не произошло. Индейцы были крепостными, батраками, рабочими — в самом низу общественной лестницы. Испанские и португальские переселенцы сидели у них на шее. Одной из причин политической неустойчивости в течение последнего столетия в большинстве латиноамериканских стран были бурные восстания индейских масс против европейского владычества; второй причиной было появление нового руководства. Поэтому, по-

жалуй, следовало бы сказать, что эта песня еще не спета. Во время собственно-колониального периода, прежде чем латино-американские республики оборвали свои прямые связи с Пиренейским полуостровом, подлинного синтеза не возникло. Но брожение продолжалось. Только в следующем столетии, возможно мы увидим окончательно отлившую форму индейско-европейской цивилизации, основанной на полном слиянии обеих культурных традиций.

Правильным, вероятно, будет утверждение, что большинство завоеваний относятся к этому типу. Завоеватели часто приносили с собой более высокую технику и более передовой жизненный уклад. Они открывали новые возможности и даже ликвидировали периоды застоя. Но они оставались для того, чтобы эксплуатировать и управлять. Им не удавалась интеграция с местным населением, и, по прошествии определенного времени, их отчужденность, их неприязнь к смешанным бракам, неумение осесть и образовать новый общий класс вождей и правителей заставляли население забыть все случайные преимущества правления и мечтать только об одном — как избавиться от покорителей. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда рассмотрим современное положение колоний.

Прежде чем мы приступим к рассмотрению третьей категории завоеваний — разрушительных завоеваний, представляющих собой абсолютное зло, темную страницу в книге человеческих деяний — мы бросим взгляд на один вид «колониализма», который очень трудно укладывается в одну из наших категорий. С одной стороны этот «колониализм» в высшей степени разрушителен. С другой стороны — он приводил к созданию цивилизованных обществ, обладавших могучей силой. Этот тип завоеваний приходится поместить где-то между наме-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

ченными нами категориями, отведя ему совершенно особое, присущее только ему место.

Бывают в истории случаи, когда цивилизацию завоевателей и социальный строй покоренных разделяет такая пропасть, что, кажется, через нее нельзя перекинуть никакого моста. Я имею в виду такие явления, как, например, поселения английских эмигрантов в Австралии. Выходцы из Англии нашли там небольшое, разбросанное местное население, жившее в условиях, в каких живут бушмены в Центральной Африке. Эти австралийские аборигены вряд ли даже достигли уровня первобытной племенной организованности или традиций племенного строя. Они не занимались никакими видами сельского хозяйства. Короче говоря, они стояли на самых нижних ступеньках той лестницы цивилизации, по которой взбирается человек. Теперь, волею судьбы, они столкнулись лицом к лицу с мужчинами и женщинами, стоящими на противоположном конце лестницы и живущими в атмосфере все возрастающей усложненности образованного, индустриализованного общества девятнадцатого и двадцатого веков.

Современная индустриальная цивилизация с ее технической эволюцией и интенсивной работой мысли является, как мы хорошо знаем, наиболее агрессивной формой цивилизации из всех, которые когда-либо видело человечество. Присущее ей наступление на двух фронтах — науки и промышленности — полностью видоизменяет все аспекты жизни — не только организационную и техническую ее стороны, но и основные привычки мышления и социальных взаимоотношений. Стоит только себе представить влияние общества такого типа на людей, еще не перешагнувших за грань примитивнейших форм жизни и труда, чтобы понять, что пришельцы-поселенцы уничтожат весь социальный ук-

лад местного отсталого населения, если только не проявят огромного терпения, чуткости и самообладания. Однако эти качества обычно не являются качествами завоевателей или пионеров.

Обычно покоренные группы не могут найти себе места в обществе новой формации и доживают, как жалкие обломки прошлого, в изолированных резерватах. Нельзя сказать, что пришельцы хладнокровно и намеренно-методично стремились к этому результату. Однако их поведение порой приводило к самым душераздирающим человеческим трагедиям, ибо никто так не беззащитен, как первобытный человек, вырванный из своего укромого дикого безопасного приюта и брошенный в безжалостный водоворот общества современного Запада.

Тот же процесс происходил в поселениях Соединенных Штатов. Коренные племена краснокожих индейцев были охотниками. Они еще не дошли до состояния оседлого сельского хозяйства. Из всех образов жизни, кочевое существование меньше всего располагает к усвоению передовых форм современного сельского хозяйства и индустриализации. Мужчины и женщины европейского происхождения, переселившиеся на североамериканский континент, неуклонно увеличивали диапазон, мощь и сложность своего общества. Индейцы вели долгие арьергардные бои против этого прогресса, и никак не могли к нему приспособиться. Пропасть между культурами была слишком велика, чтобы мог получиться синтез, и местное население было обречено влачить жалкое существование.

Все же нельзя огульно назвать плоды деятельности переселенцев отрицательными и разрушительными. Они построили общество, которое с тех пор открыло свои двери миллионам мужчин и женщин различного происхождения и национальности и создало коллектив, у членов которого — больше, чем

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

у любого народа, в любую эпоху, в любых широтах — есть возможность прожить жизнь, построенную на началах свободного выбора и взаимного уважения.

Не следует также полагать, что проблемы, созданные пропастью между культурами, существуют только в районах европейских поселений. Вся Азия полна свидетельствами о том, как целые племена исчезали с лица земли после прихода людей более высокой культуры. Эти проблемы надо приписать не цвету нашей кожи, а свойствам нашей человеческой природы. Достаточно одного примера: первые жители Японии были людьми белой расы, или, как некоторые любят выражаться, людьми арийского происхождения. Их образ жизни был слишком примитивен для того, чтобы противостоять более высокой технике и культуре японцев, и в наши дни «волосатые Айну» представляют собой жалкие остатки вымирающего народа, ютящиеся на одном из северных островов. Факт этот, может служить хорошим уроком теоретикам превосходства белой расы, и еще одним трагическим примером того, что может произойти в результате столкновения местного первобытного населения с захватнической силой завоевателей, обладающих более высокой цивилизацией и техникой.

Следует отметить еще один, последний вид империализма — чрезвычайно злоторные и разрушительные державы; к несчастью, в летописи человечества можно найти одну или две таких державы. Об ассирийцах мы в общем знаем только то, что «Ассирияне шли как на стадо волки»*. Но, в отличие от многих обрывков фольклора, это определение никак не может быть названо не относящимся

---

* Байрон, в переводе А. К. Толстого.

(Примечание переводчика).

к делу, потому что это именно то, чем занимались ассирийцы. В свидетельствах древней письменности всякое упоминание об ассирийцах звучит, как похоронный звон. Они обрушивались с севера на юг, в долины великих рек Месопотамии и к «плодородному полумесяцу» Леванта — в наиболее цивилизованные области Среднего Востока — и там разрушали королевства и княжества, вырезали население и стирали с лица земли города, и наконец обрекли себя на самоуничтожение в непрерывном круге агрессивных войн.

Этот факт следует отметить. Мне сдается, что одним из главных доводов высшей морали в управлении вселенной (надежда на светлое будущее для человечества), является бесплодность прямой агрессии и бессмысленных разрушений. Иногда, когда мы всматриваемся в длинную летопись истории и «думаем о совершаемой под солнцем несправедливости», о поруганных надеждах, о неутешном горе, нам может показаться, что вся история — это бессмысленный узел насилия, преступлений и отчаяния. Однако зло не выживает, если оно абсолютное зло. Конец такого чудовища, как Гитлер, служит нам напоминанием, что, дойдя до какого-то предела, насилие и зло уничтожают себя. В самом деле, нигде с такой очевидностью не обнаружилась полная бесплодность грубого насилия, как в период существования этой самой разрушительной империи в истории человечества.

С начала тринадцатого века, в течение, примерно, двух столетий, великие цивилизации — Китай, Индия, Персия, Средний Восток, Россия были бессильны перед произволом самых кровожадных разбойников, каких только знало человечество, — монгольских степных кочевников. Имя Чингис-хана не напоминает нам почти ничего, кроме резни и разрушений. Что сделали его всадники, когда они при-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

шли в Багдад во времена высшего расцвета халифата Аббасида? Они уничтожили до основания город, сожгли незаменимую библиотеку с бесценными книгами и оставили на главной площади пирамиду из полумиллиона черепов. Северная Индия была разграблена, а Китай был пощажён только потому, что великого Хана удалось убедить, что живые китайцы будут полезнее мертвых. Таков был размах этой примитивной разрушительной силы.

Но здесь необходимо существенное примечание. Монголы не оставили творческого следа в истории человечества. Их имперская власть пришла и исчезла так же быстро, как и их совершавшие набеги орды. Их терзали междоусобные распри, и через три столетия от их набегов фактически не осталось никакого следа — ни культуры с монгольским отпечатком, ни династии, ни каких бы то ни было плодотворных достижений. И мы видим вновь, что последней жертвой абсолютного тирана оказывается сам тиран. Были державы, как бы воплощавшие зло в чистом виде, но именно поэтому они и были недолговечны.

II

После этих очень широких обобщений, когда мы уже имеем представление о природе империй, нам следует рассмотреть некоторые проблемы, которые стоят перед империями в наши дни. Мы можем, я думаю, начать с империй, последняя глава летописи которых еще не закончена. Кроме нескольких крохотных сторожевых постов, как Гонконг или Гоа, ровно ничего не осталось от западной имперской системы Азии. В последние десять или одиннадцать лет завершилась целая эпоха человеческой истории. Пришел конец европейской колонизации Азии.

Должны ли мы теперь судить о ней согласно критерию, который мы установили для благодетельных и менее благодетельных империй? Каким нам представляется пройденный путь теперь, когда мы начинаем видеть его в перспективе?

Надо принять во внимание три момента: характерные черты и качества завоевателей, степень, в которой они принесли пользу покоренным, и вопрос, выработался ли в конце концов между ними какой-то синтез? Я признаю, что на последний вопрос очень трудно ответить, потому что речь идет о системе, только накануне прекратившей свое существование. Возможно, синтез осуществится в будущем. Разумеется, по аналогии с древними империями, 150 лет, которые провели англичане в Индии, слишком короткий срок для достижения подлинного сплава культур. Тем не менее, приговор будет вынесен, потому что в двадцатом веке время измеряется более быстрыми темпами. Мы полагаем, что цивилизация осуществима за десять лет, в то время как для китайцев потребовалось более пятнадцати столетий. Революционные перемены наших представлений о пространстве соответствуют убыстренным циклам нашего времени и переменам наших представлений о времени. Трудное мы делаем сегодня, невыполнимое — завтра. Если таким образом расценивать реальную силу времени, то летопись европейского колонизаторства уже может быть подвергнута обсуждению.

Так как у меня здесь нет места проследить деятельность всех европейских колонизаторов, я буду главным образом говорить об англичанах, деятельность которых была наиболее длительной и широко распространенной. Прежде всего следует обсудить вопрос, принесли ли эти колонизаторы Азии ценности и технику и помогли ли этим поднять местный уровень жизни. И мы сразу же наталкиваемся здесь

на трудности, потому что английские завоеватели сами коренным образом менялись в процессе своих завоеваний. Когда первые английские купцы пришли в Азию, они были очень далеки от технического превосходства над людьми, с которыми им пришлось соприкоснуться. Как мы уже видели, азиатские цивилизации в начале семнадцатого века в отношении многих культурных и художественных ценностей стояли выше европейской культуры. Когда в восемнадцатом веке английский король Георг III послал лорда Макартни к великому маньчжурскому императору Чин Луну с предложением завязать торговые сношения с Великобританией, император на это ответил: «Небесная империя обладает всем в великом изобилии и не нуждается ни в чем в пределах своих границ. Поэтому нам нет никакой надобности ввозить товары чужеземных варваров в обмен на наши собственные». Он добавил, что тем не менее он удовлетворен тем, что британский король, «обитающий на краю морей», изъявил готовность засвидетельствовать своё почтение величайшему императору, который в свой черед милостиво соизволит послать английскому королю кое-какие подарки.

Таково было мнение китайского императора в восемнадцатом веке об английских купцах, которые желали явиться на его землю и утвердиться на ней в качестве торговцев. Да и оценка Чин Луном того, что тогда мог предложить Запад, не была далекой от истины. Одна из причин позорного распространения продажи англичанами опиума Китаю в начале восемнадцатого века, объясняется желанием уклониться от уплаты увесистыми слитками золота за весь тот шелк и фарфор, который европейские рынки стремились покупать.

Но в конце восемнадцатого столетия европейцы перешли в решительное наступление. Под давлением движущих сил, которые мы уже описали, — свобод-

ных политических установлений, научных открытий и прихода индустриальной революции, — произошла полная перемена в соотношении сил. Новая техника сделала крохотные европейские колонии более грозными, чем всё, что когда-либо видела Азия со времен монгольских набегов. В некотором смысле это изменение в соотношении сил, еще не означало, что европейские пришельцы приобрели более высокую цивилизацию, чем жители азиатских стран. В области церемонии, памятников, садов и храмов, красоты и богатства философской мысли, и вековых традиций — Азия сохранила свое превосходство.

Но ценности, которые выступили на первый план в девятнадцатом и двадцатом веке, были суровыми, давящими, рассудочными, научными ценностями. Материальные основы бытия, обогащенные знаниями, содействовали работе и производству; возникало применение и создание новых машин, научная пылкость побуждала изучать причины и следствия; наряду с этим появилось стремление к национальному самосознанию и политическому самовыражению, — новые факторы в истории человечества.

Оснащенный этим новым духовным оружием, натиск европейцев грянул на Азию как таран, вышибая дух из древних традиций и разрушая до основания все установления, фундамент которых дал уже трещину. Восток потряс как будто ураган, и виновники этого урагана очень часто так же мало понимали, что творят, как и бушевавшие ветры.

Говорят, что Британская империя была создана «по рассеянности», не намеренно. В этом есть доля правды: в самом деле, европейцы пришли в Азию не завоевывать, а торговать. Там, где местные условия были достаточно устойчивы и местные власти достаточно сильны — завоевания не произошло. Японцы, как мы видели, просто закрыли двери для всех купцов, когда шогуну осознали дезорганизующее

влияние европейских торговцев и миссионеров. В Китае было достаточно крепкое центральное правительство (даже во время упадка власти маньчжуров), чтобы предотвратить полную колонизацию. Но мелкие, вечно враждующие между собой княжества юго-восточной Азии и Индонезии не могли тягаться с силой вторгшихся купцов, стремившихся к концессиям и монополиям и всегда готовых принять участие в династической политике, поддерживая более уступчивого султана в борьбе против его соперников и таким образом забирая всю действенную власть из его рук.

Но самый разительный случай бессилия местной государственной власти, повлекший за собой вторжение иностранцев, имел место в самой Индии. Если бы империя Могола просуществовала до девятнадцатого века, можно с уверенностью сказать, что в Индии не было бы Британской империи. Но когда английские купцы начали съезжаться в Индию и защищать свои интересы от других купцов-конкурентов, главным образом французов, — империя Могола уже распадалась. Местные князья боролись за трон, и чужеземные купцы присоединились к борьбе, натравляя одного претендента на другого. В атмосфере смуты постепенно росла британская власть, перенимая на себя ответственность за устойчивый порядок в стране (вряд ли следует добавлять — устойчивый для торговли). Это не было планомерным, постепенным процессом завоевания, а скорее самопроизвольным ответом на разложение местной власти.

Я не хочу этим сказать, что честолюбивые британцы на местах не ускорили этого процесса. Можно было бы написать интересное исследование о последствиях слишком позднего развития телеграфной системы в Азии. В шестидесятых годах прошлого столетия энергичному молодому лейтенанту британ-

ской армии, сражавшемуся при подавлении Тайпинского восстания, в долине реки Янцзы в Китае, пришло в голову присоединить эту долину к Великобритании. Он послал в Лондон телеграмму следующего содержания: «Могу легко аннексировать весь бассейн реки Янцзы. Нужен он вам?» Лондон в ужасе телеграфировал в ответ: «Нет, сэр, не нужен! Оставьте его, сэр, забудьте о нем!»

Я часто думаю, что если бы, в ранний период оккупации Индии, такие люди, как лорд Уэсли, должны были бы телеграфировать в Лондон: «Хотите, чтобы я забрал и остальную часть Бенгалии?» — рост британского владычества в Индии мог бы принять совсем другое направление. Но так как требовалось шесть месяцев, чтобы получить ответ из Лондона, люди на местах располагали свободой действий, которая исчезла с того момента, как телеграф вступил в свои права. Это только показывает, что британские завоеватели Индии отнюдь не действовали по какому-то заранее разработанному центральному правительством на родине плану экспансии.

Тем не менее, если даже они были неумышленными колонизаторами, они всё же были колонизаторами. Как же вели они себя в этой роли? Частично они получили своё колониальное наследие благодаря торговле. Что же они с ним сделали? Были ли последствия благодетельными или губительными? К какой категории строителей империй их следует отнести?

Чтобы наглядно убедиться в силе и слабости колониальной системы, лучше всего, пожалуй, вернуться к приведенному выше сравнению по разному сложившихся под давлением Запада судеб Индии, Китая и Японии. Как мы уже видели, их исторический опыт представляет собой нечто вроде спектра всего исторического опыта Азии: Индия, без остатка по-

глошенная западной империей, Китай, разгромленный, поколебленный и разорванный, — беспризорная страна, заботиться о которой никто не считал своей прямой обязанностью (ни даже самое ее правительство) и Япония, которая отбивала решительно все бешенные атаки Запада вплоть до того времени, когда она, после 1870 года, решила, что готова модернизироваться и начать процесс индустриализации на свой собственный манер и под своим собственным руководством. Каждый из этих случаев иллюстрирует какой-то аспект западного колониализма, а среди этих аспектов есть и хорошие, и дурные.

Давайте начнем с Индии. Взяв на себя административное управление территорией колонии, англичане тем самым приняли на себя ответственность за общественный уклад страны, — прямую ответственность в Британской Индии и косвенную, но практически осуществлявшуюся ответственность — в княжествах. Во многих отношениях эта ответственность выражалась в трезвых и справедливых мерах. Англичане восстановили старую славу индийских имперских традиций мауриев, гуптов и могулов, когда во дни их величия женщина могла без всякого опасения пройти одна с мешком золота на голове из одного конца царства в другой. «Закон и порядок» — положение, которое мы считаем совершенно естественным, пока не утратим его. Восстановление и поддержание их в Индии свыше сотни лет было неисчислимым благом, особенно для крестьян, после неистового разгула могулов.

Благодаря «закону и порядку» население могло свободно вздохнуть. Англичанам пришлось распространить свою ответственность и заботу на то, чтобы накормить народные массы и предотвратить голод. Индия покрылась сетью железных дорог, построенных по последнему слову техники не только для того, чтобы способствовать торговле, но также

и для обеспечения доставки продовольствия из избыточных в нуждающиеся районы. Была введена в действие широкая система ирригации для расширения посевной площади. Поэтому, когда Индия стала самостоятельной, у нее оказалось больше орошаемых земель, нежели у любых десяти стран, взятых вместе. Самыми разнообразными путями в течение многих лет вводились новейшие технические приемы и методы, и в основе экономического развития лежали два особенно важных фактора, а именно безопасность и законность. Эти преимущества очень существенны. А они к тому же были подкреплены обстоятельством, имеющим еще большее значение.

Если вы (как я) верите, что самым ценным и в то же время самым непрочным человеческим благом является свобода, то следует признать, что британские империалисты частично занесли закваску свободы на Восток. Концепциям самоуправления и прав личности не было места в азиатских традициях. В Азии бывало мудрое правление, благожелательное правление, пышное правление, но никогда не было свободного правления. Задним числом англичане могут гордиться тем, что помогли создать в Индии умонастроение, нравы и философию, оказавшиеся в числе тех сил, которые в конце концов вытеснили оттуда их самих.

Англичане может быть и не были большими просветителями в смысле создания современной массовой системы образования. Как они могли создать это в Индии, когда вплоть до 1870 года они не создали этого у себя на родине? Правительство было по существу правительством «закона и порядка», а не правительством с тенденцией к модернизации. Но британское управление не было также и обскурантистским. Приток новых идей большей частью не находился под запретом, а получал поощрение. Индийцы могли получить английское образование. Го-

сударственные и миссионерские организации открыли в Индии ряд школ. Это было еще образованием элиты, но образованием в новой либеральной традиции.

Вы может быть склонны сомневаться в парадоксе, что империализм может принести свободу. Но ведь англичане, которые пришли в Индию торговать, а остались в ней управлять, не могли оставить все свои идеи и свою философию дома. В двадцатых годах прошлого столетия люди калибра Монро и Элфинстона уже говорили о том, что долг англичан — подготовить индийцев к самоуправлению и видели в этом единственное оправдание присутствия англичан в Индии. Первым основателем Индийского национального конгресса, созданного с целью возбудить в индийцах интерес к задачам управления государством, был английский чиновник Алан Хьюм. Независимо от того, нравилось им это или не нравилось (а некоторым из англичан это не нравилось), англичане вызвали брожение, и, по мере того, как проходили десятилетия и народные права утвердились более прочно в Англии, — брожение усилилось и распространилось в Индии, — брожение людей, которые верили в то, что они должны пользоваться правами, предоставляемыми либеральным правительством, и что среди этих неотъемлемых прав есть право не быть управляемыми чужеземцами.

Эта концепция, как я указала раньше, является, думаюется мне, новой отправной точкой в истории человечества. В прошлом было немало восстаний против завоевателей, но я думаю, что только в девятнадцатом и двадцатом веке мы начали формулировать, в рамках общепризнанного международного кодекса, принцип о неотъемлемом праве народов не входить в состав империй. И это, как мы видели, является основным пунктом западного развития политических прав в рамках национального коллек-

тива. Именно Запад распространил эти права по всему свету.

Но европейцы пришли с первоначальным намерением торговать, и многое из того зла, которое теперь им припоминают и ставят в упрек, происходило от прямолинейности, с которой они воспользовались представившимися им экономическими возможностями. Иногда причиняемое ими зло состояло в прямой, бессовестной эксплуатации. В середине девятнадцатого века на Яве несколько раз свирепствовал голод, потому что крестьян заставили выращивать экспортные культуры в ущерб пищевым культурам для местного потребления.

Иногда зло исходило от экономического развития, миновавшего местных жителей. В начале девятнадцатого века фантастически разрослось производство сырья в юго-восточной Азии. Между 1880 и 1914 годами болота нижней Ирравади были превращены в один из самых крупных в мире районов рисовых плантаций. Малайя превратилась в крупнейшего поставщика олова и каучука. Но в Бирме выгоду от промышленности и торговли получали только европейские купцы и индийские комиссионеры. Бирманские крестьяне довольно часто кончали разорением и экспроприацией имущества. В Малайе европейцы и китайцы были создателями (и поглотителями) новых богатств. Неудивительно, что малайцы так пассивно восприняли японское завоевание, неудивительно и то, что первым актом независимого бирманского правительства в 1947 году была фактически полная национализация решительно всего, с целью вырвать из рук иностранцев все народные ресурсы. Впоследствии, пересмотрев решение, эту политику видоизменили.

Может быть наиболее вредные и распространившиеся повсюду экономические беспорядки возникли не из-за прямой эксплуатации, а от непредусмот-

ренных последствий европейского вторжения. В первоначальном народном хозяйстве Азии в деревнях существовало приблизительное равновесие между сельским хозяйством и ремеслами. Местные изделия восполняли нехватки сельскохозяйственных доходов, помогали созданию класса купцов в городе, и в некоторых районах уже привели к развитию производства крупного масштаба: например, калькуттского ситца или даккского муслина и всех сортов китайского шелка и фарфора, провозившихся через Кантон. Эти центры производства мастерских и кустарей могли бы стать (как это случилось позднее в Японии) одной из баз будущей индустриализации и модернизации.

Но вся эта структура была разбита вдребезги потоком европейских изделий, хлынувшим в Азию в девятнадцатом веке. На примере Китая можно наблюдать всю полноту действия этого экономического урагана. Старое ремесленное производство было разрушено, разруха в деревнях углублялась; правительство было бессильно или неспособно бороться против иностранных торговцев и вкладчиков капитала. Они открыли фабрики в свободных портах, отторгнутых у императора, и индустриализация началась не свободно по всей стране, под покровительством местных властей, как в Англии, а в открытых по договору портах, где хозяйничали иностранцы. Со временем некоторые китайцы присоединились к ним и даже очень разбогатели. А за их спиной необъятная, умирающая китайская деревня все глубже и глубже погружалась в трясину крестьянских кабальных долгов и отчаяния.

Индия страдала не столь тяжело, потому что там была энергичная администрация, и хотя англичане не поощряли развитие местной индустрии (они ведь были вольными купцами, и Ланкаширу не нравилась идея индийских таможенных тарифов на ввоз анг-

лийских хлопчатобумажных товаров), — они все же не препятствовали этому процессу, и их методичная администрация обеспечила солидный фундамент для эксперимента индустриализации. Производство местного текстиля росло и крепло, и энергичная семья Тата ухитрилась, как ни пробовали англичане обескуражить ее, заложить основы чугуно — и сталелитейной промышленности. Как и во многих других странах, обе мировых войны ускорили нарождающуюся индустриализацию Индии и придали ей разнообразный характер.

До какой степени все это далеко от того, что можно назвать политикой национального развития, — становится очевидным, (как я уже указывала) при сравнении опыта Китая и Индии с опытом Японии. Сперва решительно закрыв доступ европейцам, и затем широким всенародным внутренним усилием усвоив их методы — японцы первые из народов Азии совершенно видоизменили свой общественный уклад и смогли померяться с Западом на своих собственных условиях. Индийцы и китайцы только теперь, на семь или восемь десятилетий позднее, по-разному пытаются разрешить огромную задачу модернизации. Другими словами, народ, менее всего соприкасавшийся с колониальной системой, быстрее всего усвоил технику колонизаторов.

Оставя в стороне вопросы добра и зла, можем ли мы сказать, что было сохранено что-то хорошее и прочное? Произошел ли какой-то синтез завоевателей и завоеванных? Можем ли мы уже вынести приговор? Один вид синтеза — проникнутое любовью и пониманием социальное слияние двух жизненных укладов на территории колонии — был исключен из-за западного предрассудка относительно цвета кожи. Однако, поскольку завоеватели в Азии не были постоянными поселенцами, этот цветной барьер не сделался постоянным камнем преткнове-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

ния и во всяком случае теперь уступает позицию за позицией.

Но, в плоскости политической, готовность британских азиатских доминионов — за исключением Бирмы — остаться в рамках необременительного сообщества Коммонвелта дает основание полагать, что, в общем итоге, колониальные годы принесли больше добра, чем зла, и что действенное содружество на равных началах между Азией и Западом может оказаться не только утопией. Если с годами это содружество будет продолжаться и станет более прочным и разносторонним, синтез, зерно которого оно в себе заключает, может быть поистине плодотворным для человеческого рода. Если народам мира необходимо чему-то выучиться в первую голову, так это умению жить и работать вместе, и вряд ли можно преувеличить важность любого практического, показательного образца, который бы указал им, как это делать.

III

Теперь мы подошли к двум единственно сохранившимся в мире большим колониальным системам — к европейскому колониализму в Африке и русскому колониализму в Европе и, может быть, частично, в Азии, хотя, как я уже вскользь говорила, положение в Азии представляется несколько более проблематичным. Что мы должны сказать о современном империализме в свете наших критериев: степени цивилизации, которую принесли с собой завоеватели, их готовности делиться ею с покоренным народом и прочности достигнутого результата, как для завоеванных, так и для завоевателей?

Можно сразу сказать, что нельзя подогнать под

одно заключение весь материк Африки. Там слишком много разных народов и различных направлений политики. Но, поскольку некоторые обобщения неизбежны, я бы сказала, что в общих чертах мы можем различать три разных подхода к колонизации Африки.

Как и в Азию, европейцы пришли во многие области Африки в качестве торговцев и остались в Африке во многих случаях по тем же причинам, по которым они остались в Азии: открывающиеся возможности экспорта товаров, развал местной власти под их нажимом и напряженная конкуренция, при которой одни стремились вытеснить других. И, как начало колонизации Африки напоминает эту же страницу истории Азии, так же схожи между собой процесс и конечный исход колонизации этих двух частей света. Думаю, что такие области как Западная Африка, части Восточной Африки и Конго, значительно выиграли от проведения принципа «закон и порядка», — от прекращения междоусобных племенных войн, от появившихся новых концепций политической свободы и управления посредством закона и от начавшегося проводиться, особенно в Западной Африке, систематического современного образования. В области экономики ход африканской колонизации также в течение значительного времени напоминал опыт Азии. Купцы отстаивали собственные интересы развития прибыльной торговли, горного дела и плантаций, но не чувствовали ответственности за развитие всего того, что лежало вне сферы их собственных нужд. Все же, как и в Азии, некоторые части материка пользовались от этого известными побочными преимуществами: строились порты, ширилась дорожная сеть, кое-где сооружались водопровод и канализация; местные жители, обладающие достаточной инициативой, могли принять кое-какое участие в новой хозяйственной систе-

ме сбыта, ограниченной рамками традиционного натурального сельского хозяйства.

Кроме того, со времени последней войны видоизменился старый экономический принцип «laissez faire». На смену ему пришло новое чувство ответственности за население колоний. Субсидии из фондов развития и социального попечения, планы ускоренного образования, новое проявление внимания к местному сельскому хозяйству — все это представляет собой новый подход, который в некоторых районах вылился почти что в революцию. Например, во французской Западной и Экваториальной Африке правительство метрополии расходует более 150 миллионов долларов в год, субсидируя местное развитие. Бельгийское правительство утвердило для Конго десятилетний план развития, ассигновав 900 млн. долларов. В среднем суммы английских субсидий достигают 70 млн. долл. в год.

Короче говоря, колонизационные методы в Африке были в некоторых районах великодушнее и конструктивнее колонизационных методов, применявшихся ранее в Азии. В Африке было приложено больше прямых усилий помочь местному населению, и меньше рассчитывали на побочное благотворное влияние служения интересам метрополии. Поэтому очень похоже на то, что некоторые части Африки построят свои международные связи послеколониального периода по индийскому образцу. Гана, как и Индия, решила остаться в составе Коммонвелта в качестве равного, независимого участника. Есть признаки того, что французские территории склоняются к тому же самому. В Конго этот процесс протекает медленнее, но все же первые выборы уже состоялись, и теперь, вероятно, это движение пойдет быстрыми темпами. Можно, пожалуй, смело сделать обобщающий вывод, что в большинстве африканских земель, лежащих между Са-

харой и границами Родезии, возможное развитие колониальной фазы выльется в независимое состояние, с сохранением дружеских связей с Европой. Если это окажется так, то не может быть лучшей базы для прочного и плодотворного содружества.

Но, к несчастью, эту мерку нельзя приложить ко всем областям Африки. В Южно-Африканском Союзе, где обширные поселения белых (не говоря уже об азиатских поселениях) создали многорасовое общество, нет таких светлых перспектив на будущее, какие я только что описала. Можно сделать ту оговорку, что там немало трудностей. Белым поселенцам принадлежит в большой мере заслуга в разработке и накоплении богатств страны — так же как китайцам в Малайе. Можно припомнить трудности, возникавшие во всех обществах смешанного типа — азиатских, африканских или европейских, из-за правила «один человек — один голос», автоматически вручающего политическую власть расовому большинству, которое может оказаться, благодаря исторической случайности, наименее подготовленным для политической ответственности. Это следует признать. И все же остается правдой, что никакое человеческое общество в наше время не может быть основано на абсолютном противоречии, которое между тем и является теперешней основой южно-африканской политики.

В настоящее время процесс экономического роста в Союзе движется вперед с головокружительной быстротой. Осуществляя ежегодно капиталовложения, составляющие более двадцати процентов государственного дохода, Южная Африка расширяет и разнообразит свое народное хозяйство во всех направлениях, хотя основным источником обогащения все же остаются золото, бриллианты и уран. Но обрабатывающая промышленность, по своему зна-

чению в народном хозяйстве, догнала горную промышленность.

Но все это богатство зиждется на труде миллионов африканцев. Триста с лишним тысяч приезжих рабочих на золотых приисках не являются единственной основной массой кадров рабочей силы. Быстрый темп роста побочной промышленности зависит от труда африканцев, и от все возрастающего квалифицированного труда туземцев. Политическая основа общества построена, однако, на том, чтобы отказать африканцу в праве играть какую-либо ответственную роль в коллективе, который целиком зависит от его труда. Я не думаю, чтобы система, основанная на таком глубоком противоречии, была долговечной. Ясно, что не может быть никакой надежды на примирение и сотрудничество между разными частями общества. Уже теперь можно предсказать в неизбежности взрыва, а не синтеза.

Но не только Союз представляет собой район смешанной миграции, где африканцы, азиаты и европейцы живут бок-о-бок. В Центрально-Африканскую Федерацию Северной и Южной Родезии и Ньясаленда, так же как и в Кению, европейцы пришли не только для торговли и развития страны, но и для того, чтобы там поселиться и создать свой дом. Роковой вопрос состоит в том, будут ли в этих районах следовать примеру Южно-Африканского Союза, или положение там будет представлять более отрадную картину.

В теории эти смешанные коллективы ставят своей целью осуществить идеал равенства всех членов многорасового общества. На практике же они столкнулись с трудностью, с которой мы уже встречались раньше — с препятствиями к сотрудничеству, неизбежно существующими, когда в обществе различные группы населения принадлежат к совершенно различным уровням культурного и экономи-

ческого развития. Иногда, как в Америке и в Австралии, пропасть оказывается слишком большой, чтобы через нее можно было перебросить мост. Кроме того, философия наших дней не налагает на людей, стоящих у власти, моральную обязанность делать все, что в их силах, чтобы перебросить через пропасть мост. Если бы Центральная и Восточная Африка были колонизированы на столетие раньше, возможно, что от африканских племен сохранились бы жалкие остатки, как от готтентотов в Южной Африке.

Но в конце девятнадцатого века мировая совесть была более бдительной. Например, истребление африканцев Бельгийского Конго королем Леопольдом превратилось в международный скандал, и бельгийское правительство вынуждено было изменить свою политику полной эксплуатации. Таким образом африканцы выжили, оставаясь все еще в примитивных, племенных условиях. Поэтому вопрос о том, как перебросить мост через пропасть, остается актуальным и для нашего века.

Эта проблема, спешу добавить, не имеет ничего общего с теорией о низших и высших расах. Она в очень большой степени связана с той стадией на пути развития человечества, которой достигла определенная группа. В Центральной Африке племенному обществу, раздираемому междоусобными войнами и набегами арабов, обращавших африканцев в рабство, пришлось встретить грудью европейский удар, нанесенный извне новыми, технически и научно обдумантыми средствами. Трудно преувеличить ту бездну веков, которая разделяла членов статического, патриархального племенного общества — и беспокойных, предприимчивых индивидуалистов-европейцев, явившихся сюда в поисках богатства, или современных коммерческих и финансовых организаций, следовавших за ними по пятам,

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

чтобы закреплять их открытия и извлекать из них выгоду. С одной стороны — небольшие племенные группы, все еще живущие в фантастическом мире колдовства и мифов, хранящие свои традиции инстинктивно и в силу обычая; с другой стороны — техника двадцатого века, «высокое давление» материализма, рационализма, автоматизации и механизации. Между современными, блистающими хромом зданиями контор, современными плавильнями, огромными машинами с одной стороны — и тростниковыми хижинами в туземных резерватах, с другой — лежат тысячелетия изменений и опыта. Можно ли за срок в несколько десятилетий перескочить через тысячелетия?

Быть может, прежде всего следует сказать (так как многие люди это отрицают), что сама цель создания многорасового общества на основе содружества и политического равенства не включает в себе ничего органически-невозможного. В Вест-Индии, например, люди различных рас пришли к созданию сплоченных политических коллективов, которые самоуправляются на основе полного и равного политического содружества. Вместе с развитием образования, с течением времени, новый и обнадеживающий синтез начинает возникать в районе Карибского моря. Поэтому нет ничего невероятного в подобной же эволюции сообществ смешанного расового состава в Африке.

Но у Вест-Индии было на это время. На протяжении трехсот лет эволюционных изменений, горя и напряжения были созданы новые формы, но они выработались не в неистовом свете современного мирового давления и гласности, а местным неторопливым путем. Это невозможно в современной Африке. Политические и расовые нервы всего мира слишком чувствительны, чтобы какая-либо местная политика осталась незамеченной. Во всяком случае,

КОЛОНИАЛИЗМ

в северной части Западной Африки победы африканского национализма каждый час переставляют время вперед. Если поставленной целью является содружество в рамках многорасового общества, то к этой цели следует стремиться не как к «далекому священному событию», а как к насущной первой необходимости нынешней политики.

Я хотела бы подчеркнуть три основных условия успеха. Первым является продолжение экономического развития, так как образование, являющееся единственным мостом, сокращающим путь через тысячелетия, — дело дорогостоящее. Пока в Центральной Африке цены на медь не падают — существуют средства для развития. В сущности очень мало мест в свободном мире, где экономический рост идет такими быстрыми шагами.

Но одни средства не обеспечивают успеха. Эти средства должны повлечь за собой составление серьезных, широких планов общего образования — планов, которые действительно открывают двери в будущее всем гражданам, независимо от их расы и происхождения. Образование должно стать центральной движущей силой политики правительства, целью, ради которой все остальные радости жизни, если нужно, должны быть отставлены в сторону. Сесил Родс однажды сказал, что его мечта — это «Равные права для всех цивилизованных людей». Но этот идеал будет звучать насмешкой до тех пор, пока все усилия не будут приложены к распространению цивилизации на всю массу граждан единственным возможным путем — путем образования.

Дело образования, предпринятое с такой энергией, создаст третье необходимое условие — надежду. Никто и не утверждает, что африканец, сидя в своем резервате, может взять на себя полное управление современным коллективом. Он одержим

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

страхом, что ни один представитель его расы, независимо от его одаренности, никогда не будет допущен до этого. Ответом на этот страх должно быть массовое образование, без всяких рогаток, закрывающих дорогу способностям подрастающих юношей, все равно — черных, коричневых или белых.

Образование может также обеспечить разумный подход к наболевшему вопросу о праве участия в выборах. Поставить право голоса в зависимость от образовательного ценза не является произвольным требованием (как произвольны все расовые разграничения); это требование дает уверенность в том, что с каждым новым оставляющим школу поколением принцип — «один человек — один голос» будет все яснее осознаваться на здоровой основе знаний и чувства ответственности. Степень явного невыполнения этих условий правительственной политикой в Центральной Африке является мерилем для опасностей, стоящих на пути у мирного развития.

Таким образом Африка представляет собой парадоксальную картину. В Африке к югу от Сахары колониальный период ввергнул спящий непробудным сном материк в пучину опасностей и возможностей двадцатого века. В большинстве стран прекращение колониального управления оставляет открытыми возможности будущего сотрудничества между людьми европейского и африканского происхождения. Но там, где европейцы являются постоянными жителями, в этой возможности отказано (как в Южной Африке), или эта возможность находится под ударом. В этих районах совершенно очевидна опасность того, что наследие колониализма выразится не в новом синтезе, а в нескончаемой борьбе и ненависти.

IV

Теперь мы подошли к вопросу о русской империи. Я уже выдвинула причины националистического порядка, на основании которых можно предположить, что советское владычество в Восточной Европе едва ли будет постоянным. Здесь мне хотелось бы присовокупить другой фактор — неспособность марксизма занять место национализма в качестве идеологического цемента.

История человеческих убеждений и верований показывает, что ни одна политическая доктрина не существует в течение неограниченного времени; самой жесткой политической доктрине повезет, если она просуществует сто лет. Доктрину переживают принципы: например, принципы свободы или самоопределения или принципы управления посредством закона; но невероятно сложные теории человеческого поведения, которые стремятся охватить все, начиная с математики и кончая огородничеством, очень редко выживают, потому что, как мы знаем из человеческого опыта, жизнь не укладывается в такие аккуратные и предопределенные формы. Также нет ничего более предельно-скучного, чем огромный аппарат торжественной болтовни предназначенный для объяснения всего.

В Америке я повстречалась недавно с некоторыми борцами за свободу из Будапешта. Они были из тех молодых студентов, протест которых дал толчок всему Октябрьскому восстанию. Однако они сказали мне, что не намеревались начать революцию. «Знаете, чего мы в сущности хотели?» — говорили они. — «Мы хотели избавиться от долгих лекционных часов принудительного внедрения марксистской идеологии!» Другими словами, целому новому поколению, которое должно было быть авангардом коммунизма, так надоел коммунизм, что это поко-

ление предпочитает рисковать жизнью, чем продолжать изучать коммунизм.

Не думаю также, что поразительные новые индустриальные достижения в Восточной Европе (фундамент которых заложен теперь) будут достаточны для противодействия духу национализма. Наоборот, европейский опыт подтвердил как раз обратное. Чем более страна развивается технически, чем более расширяется ее промышленность и благосостояние, тем больше она осознает собственную национальную сущность и все меньше проявляет готовности к тому, чтобы ею управлял кто-нибудь другой. Поэтому существует возможность, что сам процесс повышения и поощрения экономического роста в Восточной Европе усилит тенденцию народов этих стран возобновить требование той национальной свободы, которой в своей исторической жизни эти народы уже пользовались.

Советская Азия, я думаю, представляет собой другую картину. Не потому только, что многие из говорящих на тюркском языке народов Центральной Азии имели мало традиций обособленной национальной государственности до того, как царизм всосал их внутрь Российской империи. Не только потому, что советские вожди, поощряя местные языки и местную культуру, избежали прямого и резкого конфликта с национальным чувством. Основной причиной того, почему эта огромная область советской Азии имеет шанс быть превращенной в единый громадный коллектив — по своему пространству уступающий только Китаю — является то, что коммунисты выполнили условия, которые, как я уже указывала, только и могут сделать возможным переход от колониального состояния к гармоническому многогранному обществу. Вот эти условия: развитие, образование и надежда.

Даже если советские данные содержат некоторые

преувеличения, масштаб индустриализации производит впечатление. Хрущев заявил в своем докладе на двадцатом съезде партии, что, по сравнению с 1913 годом, таджикская индустрия выросла в 24 раза, киргизская индустрия — в 33 раза, а район сенсационного строительства в Казахстане — в 37 раз. В процессе этой индустриализации примитивные племена, без сомнения, были согнаны в города и на фабрики таким же беспорядочным образом и испытывали такие же страдания, как и многие вырванные из условий племенного быта сезонные рабочие Африки. Но тот, кто выжил, пускает корни в новой среде, и — что важнее всего — их труд частично направлен непосредственно на их собственное продвижение вперед, другими словами, он посвящен массовому усилению в получении образования.

Кроме старых людей, в советской Азии больше нет неграмотных. Такие республики, как Узбекистан, расходуют до 65% местного бюджета на цели образования. В Узбекистане в настоящее время пропорционально к населению больше кончающих учебные заведения, чем во Франции. Крупные города являются университетскими центрами с тысячами студентов, — и это там, где до 1914 года, не было ни одной живой души с университетским образованием. Не все студенты местного происхождения. Великороссы влились сюда как технический персонал и как переселенцы. Представители групп меньшинств со всей России раньше ссылались сюда, в эти отдаленные области. В Алма-Атинском университете представлены 34 различных национальностей. Но ни одной группе не затруднен прием в университет из-за расы или национальности. Великорусские переселенцы не получают преимущества, и студенты-туземцы не должны для поступления в университет выжидать, пока придет их черед.

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

Значит, надежда там есть — надежда на образование, на продвижение, на работу, соразмерную способностям. И тут нет цветного барьера. Из этого не следует, однако, что политическое и экономическое руководство в этих районах не остается твердо в руках великороссов. Это не означает также, что казахи и узбеки, калмыки и тюрки наслаждаются какой-либо политической свободой. Но они делят свое рабское состояние на умеренно равных началах со всеми другими народностями России, и у них есть сознание того, что, если позволят их способности, в один прекрасный день они смогут играть роль на всероссийской сцене. Великороссы, как завоеватели и колонизаторы в Центральной Азии, в силу этих причин могут достичь устойчивого синтеза правящих и управляемых.

Это не разрешает основной советской дилеммы — каким образом по мере развития образования и благосостояния, обеспечить свободу и физический и умственный простор. Но это означает, что в совместных всенародных поисках разрешения этого вопроса инородцы-граждане Советского Союза примут участие наравне со всем русским народом, и их чужеродное происхождение не послужит к этому препятствием.

Глава четвертая

КОММУНИЗМ

I

Для того, чтобы понять современный натиск коммунизма, мы должны вернуться к некоторым уже разбиравшимся выше фактам. Одним из них является процесс накопления достаточного капитала, чтобы привести в действие индустриальную революцию; другим — последствия этой революции, когда она перебросилась через Атлантический океан и охватила все народы человечества. В обоих случаях этому процессу, как мы уже видели, сопутствовало много жестокого, случайного и катастрофического; откликом этих потрясений был коммунизм — тоже жестокий, тоже катастрофический и — несмотря на все свои утверждения, о расшифровке «объективных» законов истории — в очень большой мере такой же случайный и слепой.

Капиталы или сбережения, — приведшие в движение новую систему, притекали частично от мужчин и женщин, обладавших уже некоторым богатством, — от купцов, банкиров, землевладельцев, ремесленников, у которых немного денег было отложено на черный день. Они вкладывали эти сбережения в многообещающие предприятия или теряли их в результате просчетов и крахов. Когда успех новой техники прочно утвердился, все они оказались участниками в доле нового богатства и совладельцами новых средств производства.

Но главная масса сбережений была создана (как

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

и при всех последующих индустриальных революциях) самими рабочими, людьми, потоком устремлявшимся с хуторов и полей в новые города, где они трудились в течение нечеловечески долгого рабочего дня за плату, которая только едва не давала умереть с голоду им и их семьям. Богатство, созданное их усилиями, становилось источником дальнейших капиталовложений и дальнейшего расширения производства в целях получения большего числа товаров. Однако в первые десятилетия индустриализма рабочие видели очень мало толку от нового богатства. Хозяева обогащались и вновь вкладывали это богатство в свои предприятия, а народные массы, — рабочие, у которых была семидесятичасовая рабочая неделя, пятилетние и шестилетние дети, сидевшие за ткацкими станками, и женщины, ползавшие в лохмотьях под землей, волоча корзины с углем, — тянули невольничью лямку в беспросветных условиях городской нищеты.

Теперь, когда мы читаем об условиях труда, опубликованных в официальных отчетах «синих книг», или описанных с гневным реализмом в таких романах, как «Холодный дом» или «Тяжелые времена» Дикенса, мы поражаемся, как допускались такие вещи, и как, получив огласку, они продолжали практиковаться, не подвергаясь реформам. Разве не существовало тогда людей с совестью? Не происходило ли это в христианской стране? И все же ежедневные преступления, которые, по великому слову Библии, вопиют к небу об отмщении — притеснение бедных и обсчитывание рабочих — не только допускались, но в какой-то мере были основой всей системы.

Причиной этого были не только бессердечие, скупость и алчность, — хотя, как и при всяком человеческом строе, они играли свою роль. Мы должны помнить, каким глубоко-таинственным казался весь

новый процесс индустриализации для современного ему мышления. Людям было неясно, как он возник и как вошел в полную силу. Не существовало генерального плана. Наоборот, начало было положено рядом независимых друг от друга усилий предпринимателей и капиталистов, которые все до известной степени действовали ощупью. Они гнались за прибылями, — но не принимали сознательного участия в огромной экономической и индустриальной революции. Все это происходило вокруг них без плана или руководства, и если подумать, какой странной для них была новая техника, как широко распространился осуществленный ими социальный сдвиг, то немудрено, что многие относились к новой системе почти со священным трепетом, с каким мы относимся к вещам, которые кажутся нам таинственными от начала до конца.

Существовало, разумеется, рационалистическое объяснение таинственного явления. В восемнадцатом веке получила широкое распространение идея о том, что Творец как бы завел вселенную, подобно тому, как часовщик заводит часы. Таким образом инстинкты, заложенные в человека природой, должны были гармонизировать с общим планом природы. Преследование личной выгоды, согласно этой теории, не может противоречить общественному благу. Наоборот, частная прибыль равносильна общественному благу.

От этого положения было очень легко перейти к утверждению, что вмешательство в действия «незримой руки», которая поддерживает мировую гармонию, грозит опасностью для существования всей системы. Любая проверка, попытка задержать или отклонить эту руку судьбы может нарушить ход главной движущей силы и погубить весь индустриальный эксперимент.

Это невежество помогает понять тогдашнее от-

ношение к правительственному вмешательству, которое кажется нам теперь фантастическим. Почти всеобщей была идея о том, что если правительство распространит свои функции за пределы поддержания закона и порядка, это может кончиться катастрофой и привести к гибели всю новую, непрочную индустриальную систему. Такие люди доброй воли, честные и порядочные, как англичане Ричард Кобден и Джон Брайт, были готовы почти с религиозным пылом доказывать, что вмешательство в народное хозяйство грозит пагубными последствиями. Даже попытка урегулировать длину рабочего дня или прекратить труд малолетних детей на фабриках и в рудниках может в каком-то смысле нарушить гармонию системы и привести к гибели всего народного хозяйства.

Вот где завязался страшный узел. Изменения революционного порядка вводились людьми, в большинстве своем не имевшими ни малейшего представления о конечных последствиях того, что они делали, и это в то время, когда попытки провести меры разумного контроля считались опаснее того очевидного зла, которое они предназначены были искоренить.

При любых обстоятельствах такое положение вызвало бы возмущение, правонарушения и протесты. Так оно и случилось. В Англии широкое проявление народного недовольства разгорелось (и потухло) в чартистском движении сороковых годов прошлого столетия; 1848 год был годом революции во всей Европе. Правда, главные цели этих сдвигов были политическими: положить конец династическому абсолютизму и провести закон о праве участия в выборах. Но во время каждого сдвига наиболее радикальное левое крыло требовало не просто политических перемен, но и полного изменения экономического положения и имущественных отношений,

ставших к тому времени невыносимыми. Среди всех требований и программ, выдвинутых в то время, не было ничего более убедительного, бьющего в лоб, всеобъемлющего, радикального — и в то же время непрактичного и фантастического, чем *Коммунистический Манифест* Маркса, изданный как раз тогда, когда революционная волна в Европе начала мощно вздымать гребень 1848 года.

Один из многочисленных парадоксов истории состоит в том, что коммунизм, который должен был черпать свою силу из страданий и чаяний народных масс, был созданием не какого-нибудь вождя рабочего класса, а среднебуржуазного немецкого философа еврейского происхождения. Страдания были очевидны для каждого, кто потрудился бы взглянуть вокруг, чаяния были нормальными человеческими чаяниями — жить, есть и, может быть, преуспевать в жизни. То, что слило пенящиеся водовороты ненависти и надежды в одну из величайших революционных сил всех времен, — было плодом воображения и результатом интеллектуальных формулировок одного человека. Маркс увидел мир в состоянии стремительного беспорядка раннего индустриализма и противопоставил ему порядок своей коммунистической идеи.

На этом примере мы видим с полной ясностью, что может осуществить идея, внедренная в историю. Человеческое воображение выводит из определенных условий систему представлений, в случае Маркса, из условий первых десятилетий промышленного роста. Но как только система установлена, она отрывается от всех насущных связей, с действительностью. Она существует сама по себе. Она может надолго пережить вызвавшие ее к жизни условия. Она становится творцом или разрушителем в самых разнообразных новых условиях, из которых многие были вызваны к жизни при ее по-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

мощи. Следовательно, тут возникает другой парадокс. Одна из основных идей коммунизма заключается в том, что идеи создаются средой и экономическим базисом. Но еще никогда ни одна система мысли так исчерпывающе не продемонстрировала обратное, т. е., что идеи изменяют и преобразуют экономический и социальный базис.

Эта сила идей, способная видоизменять действительность, — является одним из измерений человеческой свободы. Но, так же как и все величайшие блага, дарованные человечеству, она таит в себе противоположную опасность, — что идеи могут уподобиться тюрьмам, в которых люди сами себя изолируют от действительности, не уместящейся в их собственных predetermined концепциях. Поставленные перед выбором между своими теориями и фактами, ослепленные идеологи выбирают теории, а о фактах они не заботятся.

Коммунизму уже сто лет. Тем не менее его основные представления, касающиеся индустриального общества, не изменились, несмотря на все коренные перемены, происшедшие в индустриальном обществе. Таким образом пропасть, отделяющая коммунистический взгляд на мир от мира, какой он есть на самом деле, ширится с каждым днем. Это — пропасть, в которую может провалиться само человечество.

II

Каковы же эти представления? Может быть, прежде чем разбирать их, надо сделать поправку на одну возможность. Мыслимо ли то, что мы живем в последние десятилетия чистого, ортодоксального коммунизма? Появление на мировой арене титоизма и все современные споры о «разных дорогах

КОММУНИЗМ

к социализму», возможно, предвещают начало возникновения целого спектра коммунистических верований, близких друг к другу и в то же время разных, как христианские секты. Сегодня мы все еще можем говорить о коммунистической ортодоксальности. Но через двадцать лет сможем ли мы с такой же определенностью сказать, что такое коммунизм. Это я считаю одним из наиболее обнадеживающих признаков того, что не все мы окажемся ввергнутыми в бездну идеологического хаоса.

Но в настоящий момент мы все еще можем различать ортодоксальность, выработанную Марксом и его другом Энгельсом в период нарождающегося индустриализма. Таким образом, коммунизм пропитан вдоль и поперек отраженным влиянием ранней индустриальной Англии. Были и другие влияния — влияния немецкой философии, французской социологии и рационализма восемнадцатого века. Но прочная подоплека изучения действительности и социального опыта в большей мере определялась отношением Энгельса и Маркса к индустриальной Англии викторианского периода. Гораздо легче охватить некоторые основные факторы коммунизма, если понять, в какой степени они отражают это окружение столетней давности.

Я не питаю надежды в коротком очерке дать какое-либо представление о коммунистической теории в полном объеме. Я, очевидно, смогу только указать на один или два момента, относящиеся к последующему развитию и росту коммунизма и его превращению в мировую силу.

Отправной точкой является теория о движущих силах истории. Как мы уже видели, Маркс верил в то, что материальные условия, в которых люди зарабатывают свой хлеб, являются решающим элементом в человеческой судьбе. Все остальное — политика, философия, религия — состоит из множе-

ства отражений или проекций, лежащих в основе материальных человеческих взаимоотношений, касающихся распределения собственности, средств производства и способов обмена. В числе этих проекций находятся религия, искусство, система управления общинным племенным сельским хозяйством, иная система для рабовладельческого общества, иная — для феодализма, и еще другая — для капитализма, по мере того, как каждый производственный строй, согласно диалектике истории, уступает место своему преемнику.

Я не думаю, что нам надо углублять вопрос о диалектике, которую Маркс позаимствовал у Гегеля. В общих чертах идея эта заключается в том, что каждое состояние склонно вызывать к жизни свою противоположность, и из этого противоречия возникает новый синтез. В исторической последовательности определенная система экономических отношений, скажем, феодализм, при котором господство принадлежит землевладельцам, служит причиной возникновения противоположных и противоречивых интересов купцов, банкиров и первых промышленников. Следующая стадия развития общества уже намечена борьбой, ведущейся в предыдущей эпохе за власть, привилегии и экономическое господство, — иными словами классовой борьбой. Новый класс побеждает, и арена уготована для следующей стадии развития.

В дни, когда жил Маркс, ему казалось, что коммунизм уже шевелится во чреве раннего капитализма, и как бы мучительны и продолжительны ни были схватки, связанные с его рождением, он восторжествует, потому что представляет собой неодолимую силу определившейся истории. Но, начиная с этого момента, диалектика уже сделает свое дело, и история может прекратиться. Вся предшествующая классовая борьба, согласно определению

Маркса, велась на основе того, что привилегированные группы владели собственностью. Но если бы вся собственность стала общественной, если бы отдельные экономические классы больше не могли направлять рычаги экономической власти туда, куда им выгодно — все противоречия исчезли бы; с исчезновением противоречий исчезнут и перемены, а с исчезновением перемен исчезнет и сама история.

Следует признать, что есть нечто великолепное в этой картине человеческой судьбы, путь которой неотвратно ведет от одной ступени экономического и социального развития к другой, завершаясь предопределенным концом — бесклассовым тысячелетием. То, что большая часть человеческого рода не прошла через великий марксистский цикл от племенного строя к рабовладельческому, затем к феодальному, затем к капиталистическому, — это не должно было и не смело нарушать общую гармонию этой гигантской исторической панорамы. Одно время Маркс считал «азиатский способ производства» возможным вариантом, отступающим от общего правила, но позже эта концепция была положена под сукно.

Этот вопрос гораздо важнее, чем полагают марксисты. Ибо что такое этот «азиатский способ производства», как не тот метод широкого, централизованного, планового производства, который, как мы уже видели, лежал в основе многих великих деспотий прошлого? Таким образом напрашивается вывод, что установленные в России и Китае коллективные системы, не имеют ничего общего с марксистской диалектикой, а просто являются попыткой приспособить к современной индустриальной системе экономическую структуру стран Востока.

Но в анализе Маркса есть один, еще быстрее обнаруживающийся изъян. Нарисованная Марксом

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

картина рождающегося в борьбе социализма, и умирающего капитализма, раздираемого собственными противоречиями, была в сильной степени навеяна первой фазой накопления капитала на Западе. Из опыта пяти или шести первых десятилетий индустриализма Маркс сделал выводы, обобщив и распространив их на весь процесс развития частной промышленности. На самом же деле, начиная с середины девятнадцатого столетия, условия в западном индустриальном обществе стали меняться, и теория Маркса повисла в воздухе, далеко отстав от действительности. Нет надобности говорить, что Маркс придерживался теории, а не действительности.

Наиболее уязвимым местом теории оказалось «прогрессирующее обнищание рабочих», иными словами, утверждение о том, что, по мере развития промышленности, рабочие будут неуклонно становиться все беднее и несчастнее. Как Маркс пришел к такой мысли? По сути, нет ничего невероятного в этом заключении, выведенном из опыта первой жестокой стадии накопления капитала. Вывод этот оказался безусловно верен для позднейших времен, например, для периода первой пятилетки в России. Во время этой стадии приезжающие из деревень рабочие, непривыкшие к индустриальным условиям, темные, забитые, ютящиеся в жалких, сколоченных на скорую руку труппах, — работают за минимальную оплату, которой только-только хватает, чтобы не умереть с голоду, в то время как вся прибыль идет на то, чтобы создать больше капитала, больше машин, больше предприятий. В основанном на частной собственности обществе предприниматели совершают это перемещение средств и щедро вознаграждают себя и тех, кто их поддерживает. В коллективном обществе эти перемещения производят комиссары, которые совершенно так же забо-

тятся о себе. И в обоих случаях действительно кажется, что нищета народных масс возрастает, а из их труда выжимается капитал для грядущего благоденствия.

Далее Маркс отмечает, что конкуренция между промышленниками начинает приводить к слиянию предприятий в более крупные единицы, даже в монополии. Отсюда он делает вывод, что нищета масс будет все увеличиваться, а число людей, стоящих на вершине общественной лестницы и получающих непосредственную прибыль, будет неуклонно уменьшаться. Все большее и большее число жалких рабочих будет противопоставлено все меньшему и меньшему числу хищных монополистов. Придет день, когда массы, наконец обретя полное классовое самосознание, поймут свою силу, выгонят кучку капиталистов и передадут народу средства производства, находящиеся в частных руках привело к обогащению немногих за счет многих. У Маркса сказано прозрачно: «экспроприаторы будут экспропрированы», и наступит золотой век.

Все это, разумеется, должно совершиться автоматически. Неизбежную диалектику истории — непреклонную богиню с железным лицом — отменить нельзя. Однако Маркс счел возможным слегка подтолкнуть историю локтем. Как бы неизбежно коммунизм ни возник из капитализма, Маркс понимал, что некоторые «экспроприаторы» вероятно будут возражать против того, чтобы их уничтожили, и поэтому может оказаться необходимым немножко помочь истории. Короче говоря, перемена может быть насильственной, и в течение промежуточного периода, который плохо подгоняется под точную мерку диалектики, рабочие могут нуждаться в консолидации своих сил путем утверждения диктатуры пролетариата. Это явление, однако, будет временным, и с полным установлением коммунизма

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

(установлением общественной собственности на все средства производства) будет происходить «отмирание» не только диктатуры пролетариата, но и самого государства.

Не надо быть специалистом по государственному праву, чтобы удивиться той резвости, с которой Маркс отмахивается от опасности затянувшейся тирании. В условиях времени и пространства абсолютное правительство является обычным способом осуществления политической власти. Азия не знает другой традиции. Сама история европейской свободы пестрит рецидивами абсолютизма и недавно, в наши дни, породила самые крайние из всех известных человеку форм диктатуры. Но мы должны понять тот особый угол зрения, под которым Маркс рассматривал конституционные вопросы. В своем подходе к вопросу о правительстве он был полностью человеком викторианской эпохи. Подобно Кобдену и Брайту, он считал, что функции правительства по большей части сводятся к поддержанию законного правопорядка, и поэтому рассматривал правительство просто как «руководящий комитет буржуазии», как орудие классовых интересов и классовой защиты.

И это вполне понятно. Поддерживать закон и порядок в викторианскую эпоху очень часто действительно означало держать в крепкой узде тех, кто хотел изменить порядок и не особенно придерживался закона, плохого или хорошего, но безусловно обеспечивавшего неприкосновенность собственности. Раз государство представляется главным образом в полицейской роли защитника частной собственности и частных интересов, нет ничего нелогичного в том предположении, что оно отомрет, когда не будет частной собственности, которую надо защищать. В действительности правительство имеет тысячи других функций, и поэтому логика эта ка-

жется нам имеющей внутреннюю последовательность и внешний бред логики лунатика. Но со времен Маркса круг функций государства еще более расширился. Политические теории Маркса, как и многие из его экономических теорий, отражают условия, теперь уже устаревшие на столетие.

III

Не потребовалось многих десятилетий, чтобы стало очевидным, что с основным законом Маркса о все возрастающей нищете масс что-то было неладно. Прежде всего, система промышленности начала производить товары настолько быстрее и дешевле, что новое материальное благосостояние и впрямь начало просачиваться в массы. Между шестидесятыми годами и началом девятисотых цены понизились, реальная зарплата повысилась, и благосостояние рабочего класса заметно возросло.

Кроме того, перемены эти нельзя было приписать одному росту промышленности. Маркс отрицал влияние политических установлений. Он считал их второстепенными и неспособными изменить основную суть общества. Поэтому он совершенно неверно понял значение общего избирательного права для западного индустриального общества. Для всякой индустриальной общественной системы одно является несомненным — большинство в ней будет принадлежать рабочим. Если вы распространяете избирательное право на всех совершеннолетних, эта большая группа неминуемо скажет свое слово, и этим повлияет на ход событий. Очень не похоже на то, что рабочие будут очарованы планом неуклонного общего обнищания, и ничто не мешает им использовать правительство, на которое они начинают

иметь влияние, для целей предотвращения этой мрачной перспективы. Совсем не случайно то, что в Англии, с каждым новым расширением избирательных прав общей массы избирателей, вмешательство государства в деятельность общества становилось все более и более непосредственным. Дизраэли пришел к власти в 1874 году, провозгласив лозунг: «*Sanitas, sanitas, omnia sanitarum*», который следует переводить не как «хлеба и зрелищ», но как «канализация и жилищное строительство» — и этим открыл эпоху государства, занимающегося социальным попечением.

Раз государство обязалось служить интересам народных масс все в большей и большей мере, источники его дохода должны повышаться. Появляется прогрессивное обложение, и бремя его делается все тяжелее. Богатые становятся беднее, а бедные богаче, — более прямого противоречия аксиоме Маркса нельзя себе представить. Короче говоря, под натиском демократии политика сделала то, что она делать была не вправе: она изменила экономический фундамент общества.

Нелюбезный отказ общества следовать по пути, предначертанному Марксом, выразился не только в этом. Другое отклонение от этого пути выразилось в возрастающей мощи независимых тред-юнионов. Далеко неудовлетворенные старым Железным Законом Оплаты (гласившим, что конкуренция между рабочими всегда снижает зарплату до минимума, необходимого, чтобы рабочий класс не вымер), тред-юнионы начали упорную агитацию за повышение зарплаты, за улучшение условий труда и за сокращение рабочего дня — и в борьбе за эти цели они получили поддержку наиболее просвещенной части общественного мнения. В самом деле, христиане типа лорда Шефтсбери вели кампанию за проведение фабричных реформ даже раньше, чем тред-

юнионы приобрели достаточно влияния, чтобы самим этого добиваться.

Успешная деятельность тред-юнионов имела не только экономические последствия. К великому негодованию марксистов, некоторые из наиболее активных и «классово-сознательных» новых вождей рабочего класса сделали из своего опыта политический вывод о том, что индустриальное общество нуждается не столько в свержении, сколько в реформах. Они хотели идти вперед к такому обществу, в котором богатства будут равномерно распределены, братство станет законом жизни и резкие социальные различия будут стерты. Но они верили в то, что их идеал социалистического общества может быть достигнут при помощи мирных переговоров и избирательной урны.

Ни одна идея не приводила марксистов в большую ярость, чем эта. Нечто похожее бывает в сфере религиозных разногласий: вы можете простить человека, не разделяющего вашей веры, но нет пощады тому, кто заявляет, что верит в то же, во что верите и вы, но иначе и лучше, чем вы. Коммунисты питают особую злобу к социалистам, в сущности говорящим: «Все, что вы можете сделать, мы можем сделать лучше». Яростный спор длится еще и по сей день. «Ревизионизм» — это преступление тех социалистов, которые, подобно Тито, считают, что к созданию социалистического общества можно прийти не одним, а многими путями, причем среди них могут быть и мирные пути. По марксистской теории в чистом виде (как она трактуется сегодня Москвой и Пекином) идея о разных путях все еще предается анафеме.

Возвращаясь вновь к Закону о Возрастающей Нищете, следует сказать, что в начале двадцатого века многое в этом законе приходилось брать на веру. Никакие факты экономической жизни его не

подтверждали. Политически он потерял значение с появлением в рабочем классе осторожных реформистских антиреволюционных вождей, которые чувствовали, что им весьма выгодно поддерживать индустриальное общество. Очевидно, теорию надо было либо пояснить, либо, придумав извинение, отказать от нее.

IV

Как раз в этот момент Ленин сделал свой наиболее значительный вклад в развитие марксистского канона. Из разбросанных намеков и замечаний учителя он развил новую теорию, объясняющую упрямое нежелание европейских рабочих становиться беднее и в то же время расширяющую весь арсенал коммунистической тактики и коммунистической деятельности. Маркс всегда рассматривал свою теорию, как относящуюся ко всему человечеству, но в фокусе его внимания была Европа в период ее индустриализации. Ленин более конкретно описал метод, при помощи которого может быть достигнута мировая революция.

Коммунистический Манифест невозможно понять вне связи с условиями раннего индустриализма; так же и ленинский труд — *Империализм — высшая стадия капитализма* — не может быть выхвачен из контекста. Когда он был издан в 1916 году, главные индустриальные державы находились в состоянии войны или на волоске от нее. В Европе миллионы сражались и умирали за сохранение (как они думали) своей национальной независимости и своего национального лица. Так как между этими державами была распределена колониальная власть над всей Азией и Африкой, отзвуки борьбы доходили во все концы света. Из этого огромного водоворота вой-

ны, национализма и колониализма Ленин вывел одностороннее стандартное толкование, которое якобы объясняло все на свете и властно завладело человеческими умами, на подобие общих мест Маркса, загипнотизировавших умы сорок или пятьдесят лет тому назад.

Изложенная вкратце ленинская теория империализма сводится к следующему: так как капитализм не разделяет с рабочими своих богатств, внутренние рынки сбыта скоро достигают предела насыщения, и промышленники вынуждены искать новых рынков и новых районов для прибыльных капиталовложений. Эти рынки (в Индии, в Индонезии, в Африке) безжалостно эксплуатируются под надзором колониальных властей. Однако выжатые из колоний богатства в какой-то мере переппадают рабочим метрополии. Таким образом закон о возрастающей нищете в Европе смягчился за счет того, что стал приложим к колониальным странам. Английские рабочие, так же как и капиталисты, растолстели на прибылях, добытых в поте лица индийскими кули.

Число колониальных рынков ограничено. Промышленники вынуждены бороться за контроль над ними, и их соперничество неизбежно приводит к империалистической войне. Однако, если бы колониальные народы могли осознать свои национальные права и изгнать колониальных экспроприаторов и эксплуататоров, то их восстание начало бы подрывать капитализм в самом слабом месте его организации и могло бы повести от националистической революции к коммунистической. Между прочим, капитализму, по этой теории, не нужно осуществлять действительную политическую власть для того, чтобы именоваться «империалистическим». Самое обычное иностранное капиталовложение уже включает в себе акт эксплуатации. Таким образом в

1914 году Россия, по этой теории, была в полукониальной зависимости у западного капитала из-за масштабов иностранных капиталовложений при царизме.

Вы видите, что эта теория объясняет не только причину процветания Европы, но и многое другое. Она объясняет, почему капитализм неизбежно вызывает войны. Она объясняет, почему капиталисты вынуждены иметь колонии. Она объясняет, почему коммунистическая революция может начаться в таких индустриально-отсталых странах, как Россия или Китай, в то время как Маркс, очевидно, полагал, что первый взрыв произойдет в развитом индустриальном обществе. Из ленинского определения империализма можно было сделать вывод, что Россия была просто «слабейшим звеном» в цепи капитализма. Позднее это же объяснение могло пригодиться и для Китая.

В действительности, конечно, коммунистический захват власти в России и Китае имеет очень малое или даже совсем не имеет отношения к капитализму. В обеих странах у вождей — гениальных тактиков — хватило разума отказаться от марксистской стратегии революционного восстания, базирующейся на развитом индустриальном рабочем классе (которого не существовало) и использовать два действительно существовавших источника революционного брожения: усталость народа воевать и нужду крестьян в земле. С другой стороны, весьма характерным является тот факт, что Сталин совершенно неправильно понял урок ленинского успеха в 1917 году и почти погубил китайский коммунизм, посоветовав нанести первый удар силами почти микроскопически-малочисленного городского рабочего класса. Только тогда, когда Мао Цзе-дунь пошел с коммунизмом к крестьянам, китайский коммунизм нашел путь к победе.

Еще в 1916 году в ленинской аргументации было много слабых мест. Большинство колоний было приобретено задолго до того, как начался индустриализм, и даже там, где капитализм и колониализм возникали одновременно, как это было в Африке, соперничество великих держав после 1880 года больше относилось к вопросам престижа и стратегии, чем к поискам рынков. Хотя колониальное и морское соперничество во взаимоотношениях Англии и Германии между 1880 и 1914 годами и сыграло известную роль, первая мировая война велась главным образом (как и все европейские доиндустриальные войны) за сохранение между государствами политического равновесия, другими словами — за сохранность национального существования.

Несоответствия ленинской теории не ограничивались одной Европой. Америка, представлявшая собой в это время область наиболее «монополистического» капитализма, пережила короткую лихорадку внешних вторжений (в районе Карибских островов и Тихого океана), окончательно прекратила их, делала небольшие капиталовложения за границей и находила источники для своего возрастающего процветания в пределах своих собственных необъятных границ. В сущности, всякая индустриальная страна больше обогащалась от торговли с индустриально-развитым партнером, чем от какой бы то ни было колониальной деятельности. Для Англии Западная Европа являлась более ценным рынком, чем Азия и Африка, взятые вместе.

Несмотря на это, в двадцатых и тридцатых годах ленинская версия коммунистической веры оказывала глубокое влияние на образ мыслей и политику. Прежде всего надо заметить, что человеческий ум, особенно в эпоху торжества науки, имеет предубеждение против двух объяснений там, где достаточно одного. Марксизм-ленинизм отвечает глубокому

инстинкту: найти стандарт универсального объяснения всех вещей и в годы между двумя войнами было достаточно фактов, которые можно было подогнать под теорию без большой натяжки.

Колониальное владычество действительно существовало, и, как мы уже отметили, экономическая политика европейских держав разрушила народное хозяйство некоторых азиатских стран, а в других не смогла создать условия для динамического развития. Кругом было достаточно недовольства и разочарования для того, чтобы обвинение в эксплуатации было радостно подхвачено. Недовольство возросло, когда в 1929 году капиталистический мир пережил глубочайший кризис перепроизводства и вытекающую из него депрессию и, в смятении общей неурядицы и безработицы, почти признал, что закон возрастающей нищеты пожалуй в конце концов подтверждается.

Вдобавок, марксисты нанесли мастерской удар, отождествив «позднейший капитализм» с фашизмом и, пользуясь этим сравнением, попытались «доказать», что капиталисты непременно должны быть поджигателями войны и империалистами. На самом деле фашизм является крайней точкой национализма, а не капитализма. Первую модель фашизма выстроил Муссолини в Италии, в одной из наименее индустриализованных стран Европы. Такие зрелые капиталистические хозяйства, как Англия и Америка, — в которых, казалось, должен был существовать «позднейший капитализм», — оказались как раз невосприимчивыми к роковым недугам, якобы присущим их стадии экономического развития. Фашизм возник в Германии и в Италии, в двух странах, отличающихся не зрелой стадией развития капитализма, а ранней стадией национализма. Обе эти страны ждали дольше других стран установления общности языковых и географических границ,

общности, являющейся одним из самых крепких корней современного национализма. Беда их была не в позднем капитализме, а в запоздалом национализме. Их национальное сознание все еще было лихорадочным и неуверенным. Национальные обиды, великодержавные иллюзии, воспоминания о военных поражениях — вот какого рода болезненные явления, а не какие-либо скрытые экономические мотивы толкнули диктаторов на войну.

V

Несмотря на эти очевидные несоответствия, марксистско-ленинская теория все еще цепляется за эту шаткую опору, а именно, за события между двумя войнами. В 1945 году было сломано последнее звено, соединявшее коммунизм с действительностью, и он превратился в мировой источник почти абсолютной абсурдности. Не забудьте, что его представление о мире не изменилось. Передовые капиталистические страны все еще изображаются хищниками-империалистами, которых страх отечественного перепроизводства толкает на междоусобную борьбу за внешние рынки сбыта. Они все еще пытаются приостановить подъем местного национализма и закабалить остальной мир путем прямого господства, или при помощи жестокого экономического контроля, осуществляемого посредством своих капиталовложений. Они все еще замышляют войну против миролюбивых стражей нового социалистического строя — России и Китая, хотя еще не прошло и двух десятилетий с тех пор, как они сражались на стороне России.

Таковы основные темы коммунистической пропаганды. Это — фантастический мир, в котором, оче-

видно, обитают коммунистические вожди и на основании которого они делают выводы относительно своей политики. Есть нечто отрезвляющее в мысли, что несмотря на всю свою силу и хитрость, такие люди, как Хрущев и Чжоу Энь-лай могут до такой степени отрешиться от действительности, что, будь они обыкновенными смертными, они вероятно попали бы в психиатрическую больницу.

Учтите действительное, фактическое положение в современном мире. Западные индустриальные державы не испытали мучительных судорог перепроизводства. Бывали легкие остановки, и это слегка отражалось на экономической жизни за границей: но в общем прилив продукции в зрелых индустриальных коллективах фактически превысил ранние стадии индустриального роста. Мы не будем утверждать, что унаследованная капиталистическим хозяйством тенденция развиваться путем кризисов, чередуя недопроизводство и перепроизводство — была полностью преодолена. Возможно, что это последнее марксовское противоречие все еще осталось. Но правительства западных государств по крайней мере придерживаются теперь в своей политике методов, которые не дают этому круговороту вылиться в катастрофу. Глас народа и экономические исследования Кейнса превратили «полную занятость» в официальную политику западной демократии.

Следствием такого экономического роста внутри страны является то, что не существует крупных капиталов, конкурирующих из-за иностранных рынков сбыта и капиталовложений. Напротив, иностранные вложения Америки едва ли составляют одну пятую английских вкладов времен расцвета иностранных займов, да и Англия сама склоняется к тому, чтобы сконцентрировать свои капиталовложения у себя в стране. Нехватка капитала является главной заботой современного мира, а не борьба капитали-

стов за капиталовложения за границей. Даже там, где находятся крупнейшие западные капиталовложения — из которых, разумеется, главные связаны с нефтью — ни одна западная держава не имеет нефтеносных территорий под своим собственным колониальным контролем. Наоборот, западная политика на Среднем Востоке лучше всего может быть понята, как попытка арьергардного маневрирования с целью обеспечить себе хотя бы минимальные гарантии в отношении уже сделанных капиталовложений.

Нигде так не велика пропасть между картиной мира, которую рисуют коммунисты, и действительной жизнью, как в их политическом анализе империализма. Сейчас за пределами Африки остались только следы от западного колониального владычества — крошечные вклинения, как Гонконг, Гоа или Макао. В самой Африке достижение свободы Ганой является только первым актом разыгрывающейся драмы получения Африкой независимости. За исключением Южно-Африканского Союза, даже коллективы со смешанным расовым составом подвигаются, хотя и неуверенно, к цели окончательного освобождения африканского большинства. В арабском мире только Алжир (тоже многорасовое общество) все еще непосредственно управляется из Европы. Однако вспомним, что еще в 1945 году фактически вся Азия, Африка и Средний Восток находились под западным колониальным управлением.

Землетрясение, катаклизм в мировом масштабе, — вот что представляет собой исчезновение такого огромного доминиона. Мирный характер этого гигантского перехода власти, закрывает людям глаза на революционный характер этих событий. Поэтому крики коммунистов об империализме и колониализме носят характер дикой фантазии. Закон возрастающего империализма — если можно так пере-

фразировать настойчивую пропаганду коммунистов, — так же смехотворен, как и их старый закон возрастающей нищеты.

Все же это ставит мир перед тревожной проблемой. Можно с полным правом утверждать, что коммунисты, используя империализм в качестве дубины, чтобы бить ею по Западу, поступают весьма цинично. Они думают, что националистические режимы, возникающие после длительного периода колониального владычества, по всей вероятности, являются слабыми, несплоченными и шаткими. Опыт Индонезии и Бирмы не способствовал изменению этого суждения. Коммунисты надеются, что в новой неустановившейся обстановке им удастся добиться успеха и в непродолжительном времени установить свой режим вместо националистического, слишком скоропалительно сменившего старый имперский режим. Для них является прямой выгодой форсировать вопрос о независимости и продолжать расписывать яркими красками хищный западный империализм, всегда готовый вновь наброситься и захватить прежнюю власть. Таким образом антиимпериалистическая пропаганда является простым оружием для установления окончательного коммунистического господства, и националистические вожди-некоммунисты, — какой-нибудь Насер или Неру, или Нкрума, — попросту играют роль невольных предтеч полного коммунистического «освобождения».

Но возможно и то, что пропаганда коммунистов не стопроцентно цинична. Может быть коммунисты — сами жертвы своей пропаганды. Может быть они видят в отступающем Западе передовой отряд империализма не только потому, что им это удобно. Может быть они и в самом деле верят в мировой заговор империалистов. Может быть ими движет не оппортунизм, а страх, и они, преследуемые зло-

вещим призраком западной мировой угрозы и агрессии, пребывают в неизменной боевой готовности, вооруженные до зубов, мобилизовав все население, напугав до смерти почти все остальные державы и непрерывно держа весь мир на краю того страшного обрыва, с которого виден Армагеддон.

Признаки этого состояния довольно близко совпадают с признаками умопомешательства. Страх и агрессия — две стороны одной и той же медали, имя которой галлюцинация. Коммунисты может быть и боятся Запада, но они не отказались от первоначальной марксистской цели установления всемирного коммунистического строя. Как же в таком случае отличить наступательную сторону их политики от оборонительной? Как определить, не будет ли политика примирения, имеющая целью успокоить коммунистические страхи, воспринята как слабость, которой коммунисты поспешат воспользоваться для нападения? Допустим, что западная дипломатия не всегда умела выбрать удачный подход к коммунистическому феномену; но надо сказать, что жестоко ошибается тот, кто думает, что легко и просто придумать способ обращения с правителями девятистотмиллионного народа, ведущими себя так, как будто они верят в то, что люди ходят вверх ногами или что солнце ходит вокруг земли, или (что равносильно), в то, что западные державы замышляют империалистическую войну и стремятся к доминированию мирового господства.

Короче говоря, коммунизм является трагедией идей, выбивающихся из разумных и сдерживающих границ реальных фактов. Во времена Маркса весь коммунистический анализ и вся коммунистическая стратегия основывались на первой стадии капиталистического накопления, являющейся страшным периодом в любом обществе. Впоследствии, при ленинском пересмотре этих доктрин, они были подо-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

гнаны к последней стадии западного колониализма. В настоящее время обе стадии отошли в прошлое. Западный капитализм оставил далеко позади тяжелую первую главу своей летописи. Западный империализм ликвидируется гораздо быстрее (и в общем гораздо более мирным путем), чем какая-либо другая подобная форма господства в истории человечества. Но коммунизм продолжает долбить, повторяя те же самые лозунги и провозглашая те же самые мифы, как будто все течение мировых событий было остановлено в тот момент, когда Маркс, а затем и Ленин обратили свой губительный взор на западное общество. Таким образом, пропасть между идеологией и действительностью ширится с каждым часом и, как все проявления неумолимости, становится все более и более опасной. Кто знает, на какие рискованные и безумные поступки может эта не опирающаяся ни на что, кроме силы, страха, честолюбия и бредовой фантазии идеология толкнуть вождей коммунистического мира?

VI

Каким же образом философская система, доктрина, идеология, явно противоречащая действительности, ухитрилась стать величайшей революционной силой из когда-либо известных человеку? Я думаю, что ответ на этот вопрос имеет очень мало отношения к заповедям коммунизма, но зато имеет самое прямое отношение к реальному опыту советского государства. В 1914 году Россия должна была перешагнуть за «звуковой барьер» современного капитализма. Страшные лишения и неурядица раннего индустриализма все еще лежали на стране тяжелым бременем, и уровень капитального накопления был

еще недостаточен, чтобы превратить индустриализацию из тяжелого испытания (каким она была для всех, кроме кучки избранных) — в средство умножения благосостояния для всех и каждого.

То, что начало создаваться, было разрушено первой мировой войной. В 1917 году весь хрупкий костяк царской России треснул, стиснутый между умирающим и ненародившимся общественным порядком. Общее смятение дало Ленину и его напористому большевистскому меньшинству возможность захватить власть. Они оказались тогда во главе огромной страны, не имея подходящих доктрин. Маркс ожидал, что революция случится только тогда, когда созданный буржуазией индустриальный аппарат будет уже налицо в полном объеме. Но в 1918 году в России такого аппарата не существовало. Большевики пробовали было провести коммунизм в чистом виде, поставив рабочих во главе фабрик. Но из этого ничего не вышло. Чтобы сохранить какое-то слабое биение жизненного пульса страны, Ленин был вынужден восстановить принцип частной инициативы под знаком своей Новой Экономической Политики, и можно с уверенностью сказать, что если бы курс русской политики остался на той точке, где он пребывал во время неразберихи первого десятилетия, мы бы вряд ли познакомились с коммунизмом как с мировой силой.

Сталинским вкладом явилась насильственно проведенная индустриализация России. Сталин объединил две системы: индустриальный опыт и технику, выработанные частными предприятиями Запада, и традиционный «азиатский способ производства» основанный на централизованном управлении, государственном планировании и большом бюрократическом аппарате. При таком строгом политическом контроле, нет, очевидно, предела количеству сбережений, которое можно выкачать из народа. Трид-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

цатые годы были периодом кровавого гнета, страданий и нужды для миллионов русских людей. Но база для огромного индустриального аппарата была создана, — и создана как раз во время, чтобы оказать сопротивление нацистскому вторжению.

Это не было только физическим достижением. Коммунизм внес в эту задачу элемент рвения, жертвенности и почти пуританского пыла, который был характерен для взгляда ранних кальвинистов на создание богатства. В этом могучем стремлении модернизировать страну шли в дело любые ресурсы — и человеческие и материальные. Образование было сделано всеобщим; учебные программы были переработаны и приспособлены к условиям общества, стоящего на уровне современной науки; способные дети добирались до верхних ступенек лестницы образования; университет стал дверью, ведущей в новые избранные круги общества.

Для тысяч рабочих, для темных крестьян, приезжающих из сел, для сбитых с толку кочевников Узбекистана и Киргизии новый индустриальный мир был так же чужд и отвратителен, как самая жуткая трущоба Глазго или Питтсбурга. Согласно одному подсчету, на строительстве Магнитогорска было убито столько же рабочих, сколько при битве на Марне. Но для их детей открылась возможность новой жизни, и, упразднив существовавшую при царизме старую аристократическую надстройку, коммунистические вожди открыли эти возможности большему числу людей, чем это было сделано при любом предыдущем укладе жизни.

Привлекательность коммунизма заключается не столько в его диалектике или метафизике (эта сторона мало кого интересует, кроме кучки интеллигентов, увлеченных поисками новой веры), сколько в его способности стремительно проталкивать отстающие страны через страшный переломный период мо-

дернизации. Коммунизм предлагает успешную систему индустриального накопления и обеспечивает нажим и дисциплину, без которых это накопление, особенно в бедных странах, не может быть достигнуто. Коммунизм также обещает, что плоды переустройства в конечном счете вкусит «каждый по своим потребностям».

О правдивости этого последнего обещания еще нельзя судить. Те, кто держат в руках средства производства — независимо от того, капиталисты они или бюрократы — склонны награждать себя самих более щедро, чем народные массы. Нет никакого сомнения в том, что пропасть отделяющая советского комиссара от поденного рабочего куда больше, чем пропасть между средним американским директором и членом рабочего юниона. Но, в свете сравнения с бездной, разделявшей богатых и бедных в типичном доиндустриальном обществе, достижения коммунизма свидетельствуют о том, что он является орудием радикального правосудия, равно как и средством достижения технического новаторства. Мы не должны забывать, что Маркс, несмотря на весь свой научный жаргон, был пророком в библейском понимании этого слова, пришедшим «низложить сильные со престол и вознести смиренные». В страданиях и сумятице нашей, — охватившей весь современный мир экономической революции найдутся миллионы таких людей, которые будут прислушиваться к его пророческим обещаниям справедливости; людей, которые никогда не слышали о диалектике и которые понятия не имеют, что такое синтез.

Поэтому не трудно понять привлекательность коммунизма для отсталых районов мира, для стран, все еще прозябающих в нищете и в экономическом застое, терзаемых мечтой о лучшей жизни, сдерживаемых традициями доиндустриального общества и

авторитетом руководства старого покроя. В Китае, как мы уже видели, за крушением старой маньчжурской системы правления последовало сорок лет почти непрерывной войны, во время которой индустриальная перестройка общества едва ли могла проводиться по западному образцу под руководством среднего класса, уже и без того ослабленного инфляцией и связью с «колониальным» иностранным капиталом. Поэтому коммунизм получил возможность повторить большевистскую тактику. Он сделал ставку на недовольство крестьян в стране, усталой от войны и разрухи, и, придя к власти, начал с той же суровостью, как и в России, нажимать на общую модернизацию народного хозяйства.

Должны ли мы на основании всего этого предположить, что напористая сила и элементарность методов коммунизма представляют будущий идеал модернизации и что, по крайней мере за пределами старого индустриального Запада, коммунизм олицетворяет собой «провозвестие будущего»? Я считаю, что есть твердые основания верить в то, что будущее еще не предопределено. Россия и Китай — великие державы, крупнейшие державы в мире по населению; может быть вскоре они станут и по ресурсам величайшими странами мира. Коммунизм в мощной системе этих стран не повлек за собой подчинение кого-либо другого, короче говоря, не повлек за собой империализма. Но судьба Восточной Европы дает основание полагать, что для малых держав коммунизм не дает такой гарантии независимости и свободы действий.

Я не считаю, что империализм в последнее время становится более привлекательным, только потому, что называет себя «международной пролетарской солидарностью». Венгрия является трагическим доказательством того, что национальная независимость и интернациональный коммунизм еще несо-

КОММУНИЗМ

вместимы. Я считаю, что этот урок не должен пропасть даром для националистических вождей во всем мире, которые, как кажется, работают на пользу коммунизма.

Я считаю также, что коммунизм, как система, показал нам только, что способен проталкивать социальные коллективы с головокружительной скоростью через «звуковой барьер» модернизации. Но по другую сторону барьера остаются тысячи проблем, прежде всего проблема создания хозяйственной системы, достаточно гибкой и восприимчивой к колебаниям, для того чтобы обеспечить рядового обывателя именно теми вещами, которые ему хочется иметь. Для этой цели экономика рыночного сбыта является лучшим орудием, чем бюрократическое планирование. Можно поставить вопрос: отважатся ли коммунисты на рискованный шаг, а именно, поставят ли они потребителя на первый план? Риск здесь в том, что такая перемена может усилить его положение как избирателя. Какую степень свободы выбора можно допустить в экономической области, без того, чтобы не возникли щекотливые вопросы о свободе выбора политического?

Здесь мы подходим к тому, что, безусловно, было и остается до сих пор величайшим промахом и потенциальной слабостью коммунизма. Политически он не гибок. Он носит с принципом деспотической власти в мире, который сейчас насквозь проникнут мечтами, надеждами и опытом свободного управления. Нельзя уничтожить эти стремления и это брожение, как нельзя превратить империализм во что-либо иное, придумав для него новое название. И эта неспособность стать лицом к лицу с действительностью политической жизни, по моему убеждению, была основным изъяном мысли Маркса с первого момента ее зарождения.

Маркс отверг, как ненужные побрякушки, политические традиции западной жизни — правопорядок, конституционную практику, право голоса, верховную власть парламента, завоеванные в упорной борьбе права и свободы личности. Но ведь благодаря всему этому западное индустриальное общество смогло легче пройти трудные периоды раннего индустриализма, сбросило с себя тяжесть колониального прошлого и начало, — пробуя и ошибаясь, вводя новшества и экспериментируя, — превращать индустриализм в орудие благополучия все большего и большего числа своих граждан, в то же время давая им возможность пользоваться высшим благом личных прав и упорядоченной свободы.

Коммунизм совершенно неверно понимает центральную проблему власти. Полагаясь на такую ребяческую фантазию, как «отмирание государства», он допустил в условиях коммунистического государства сосредоточение в одних руках политической и экономической власти, превзойдя в этом даже те восточные тирании, которые служили ему образцом. Как и во все времена, власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютным образом, и хрущевское перечисление на 20-м партийном съезде сталинских беззаконий было только еще одним мрачным свидетельством традиционной жестокости и преступлений деспота.

И не только население внутри страны подвергается страшной опасности и наказаниям со стороны ничем не сдерживаемой власти. Правительство, которое не признает никаких ограничений своей внутренней власти, проявляет такое же самоуправство в своих внешних сношениях. Правительства СССР и Китая, несмотря на все их торжественные интернационалистические заявления, твердо стоят на принципе неограниченного суверенитета и государ-

К О М М У Н И З М

ственной власти. И они поступают так в атомном веке, когда необузданное право всех государств делать решительно все, что им захочется, может неминуемо привести к катастрофе, которая их уничтожит.

Глава пятая

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

I

Величайший парадокс этого столетия заключается в том, что мы достигли крайнего расцвета национального чувства во всем мире как раз в тот момент, когда, рассуждая здраво, нам следует оставить позади национализм. Это обстоятельство нужно подчеркнуть, потому что в этой области, вероятно, наш рассудок и наше чувство тянут в разные стороны.

Разум нам подсказывает, что мы должны были бы приветствовать создание подлинного интернационального общества, но каждый из нас в отдельности чувствует тянущую его в сторону узду сепаратизма, национализма, чувства сильной преданности, относящейся исключительно к нашему собственному коллективу и не считающейся с расширенным, увеличенным, и, допустим, более расплывчатым общечеловеческим коллективом. Чувствовать единство и тождественность с собственной группой и забывать о всяком более отдаленном родстве — таков природный инстинкт человека. Поэтому мы должны собрать весь свой запас благоразумия, трезвости и здравого смысла и взглянуть на наш мир не через дымку национальных эмоций, а увидеть его таким, какой он есть в суровой, холодной действительности.

Первое, что нужно сказать о нашем мире, это то, что, благодаря труду ученого, промышленника и

техника, это — физически единый мир, в самом реальном смысле этого слова. Мы можем объехать его, используя разные способы передвижения, быстрее, чем наши предки путешествовали, скажем, по Европе или Соединенным Штатам сто лет назад. Мы наблюдали завоевание пространства; самолет стал обыденностью, и все больше и больше людей пользуются этим видом транспорта. Но сам этот вид транспорта претерпевает радикальные перемены, и сегодняшняя скорость полета — ничто в сравнении с завтрашней сверхзвуковой скоростью. С каждым рывком вперед нового ракетного двигателя растет наше близкое физическое соседство со всем миром.

И по мере того как размеры воздушного флота увеличиваются, стоимость путешествия уменьшается. Уже сегодня по воздуху путешествуют миллионы. Завтра число этих миллионов удвоится. С одного конца земли до другого — старое, изолированное, впившееся корнями в землю человеческое существование сменяется везде и повсюду подвижностью и всеобщей досягаемостью.

Нас всех объединяет также взаимосвязанность нашего мирового хозяйства. Едва ли мне надо напоминать, что в Гане большая работа по развитию, завершение которой мы все надеемся увидеть, включающая, кстати сказать, и постройку нового университета, находится в прямой зависимости от колебаний мирового рынка какао и от перспектив, связанных с причудами и неустойчивостью экспорта.

Это справедливо не только в отношении Ганы; это становится правдой в отношении любой страны мира. Главная задача стран, которые по причине сохранения местного натурального хозяйства все еще отрезаны от главных торговых артерий, заключается в том, чтобы индустриализироваться, расширить экспортную торговлю, короче говоря, — чтобы втя-

нуться в сеть международного хозяйства, которой мы все более или менее опутаны.

Теперь к этому новому ощущению сплоченности мы должны добавить новое и устрашающее обстоятельство. Речь идет о том, с чем никогда не должно примириться человечество и хранить страх и ужас. Этим новым фактором является мысль о том, что мы можем уничтожить самих себя окончательно и совершенно; что мы можем, развязав ядерную войну, по всей вероятности, положить конец человеческому роду.

Это — совершенно новая опасность. В прошлом войны были ужасны и опустошительны, они сметали с лица земли целые цивилизации, вели к разорению и уничтожению народов, к разрушениям, которым нет названия. Но никогда, никогда раньше даже не возникало мысли, что в результате войны от человечества не останется и следа. В настоящее время конец человеческого рода представляет собой одну из возможностей, стоящих перед нами, и поистине мелкими должны выгядеть все наши местные разногласия по сравнению с нашим основным заданием — сохранить существование человечества. Таким образом, к эпохе покоренного пространства и экономической взаимозависимости мы прибавили эпоху потенциального разрушения. Цвет кожи, раса, класс, идеология — все эти различия исчезают, когда мы все — смертные люди, стоим перед возможностью полного уничтожения.

Такова правда о нашем мире; правда, от которой не спасет никакая мысль, надежда, вера. Эта правда всегда с нами; она — насущный хлеб наших международных отношений. Разумеется, будет только благоразумно сказать, что приоритет перед всеми другими проблемами мира должна теперь получить проблема создания таких условий, которые удержат нас от рытья собственной могилы.

Признав логическими все предыдущие рассуждения, мы должны также признать, что пока что опыт человечества едва ли дает основания для ободряющих настроений. По всей пестрой истории человечества проходит одна общая черта, начиная с племенного периода и кончая настоящим временем: люди воюют друг с другом, и им свойственно воевать; это — старейшее и наиболее варварское установление человечества. Поэтому — и это еще один парадокс нашего века — мы должны покончить со старейшим установлением по причине нашего новейшего открытия.

Однако, старое коренится в наших глубочайших инстинктах; особенно убеждение, что каждая группа имеет право поступать по своему. Если вы не согласны, что этот инстинкт коренится так глубоко, я настоятельно прошу вас последить за любым ребенком в возрасте от шести месяцев до четырех лет, и вы увидите, с какой категорической решительностью он добивается того, чего он хочет. Эти удары по полу детской являются самыми первыми признаками того инстинкта, который мы несем с собой в структуру нашего взрослого коллектива — инстинкта поступать по своему там, где речь идет о том, чего нам больше всего хочется. Достигнув уровня государственной организации, за которым стоят националистические страсти (а, возможно, и страсти идеологические), мы видим, что у нас нет ни одного разумного установления, а только таран беспорядочных желаний.

В сущности, можно попробовать доказать, что национализм для общества то же самое, что эгоизм для человека. И то, и другое может уничтожить нас, но мы прибегаем к нему как к нашей последней защите. В нашем мировом коллективе мы лелеем мечту, что наша собственная группа, наша собственная нация, в конечном счете добьется своего.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Поскольку каждая из других групп полна той же решимости, конечное столкновение очевидно неизбежно. К несчастью, самое явление войны отличается какой-то первобытной, страшной простотой, и мы можем докопаться до корней этой простоты, если хорошенько расследуем человеческую природу.

Одним из обнадеживающих признаков эволюции цивилизованных обществ в течение последних двух или трех тысяч лет является то, что мы, в рамках своих отдельных стран, пришли к определенным решениям о том, как лучше всего предотвратить насилие и произвол — из которых, в конце концов, и состоит война. Мы предотвращаем это насилие внутри государства посредством двух или трех решительно-проводимых принципов. Прежде всего, мы отказываемся от права разрешать наши собственные споры силой. Что бы мы ни думали о правоте и неправоте наших разногласий, мы разрешаем их не насильственным путем, — а путем арбитража или при помощи закона.

Но все же, поскольку человеческая природа слаба, и поскольку соблазн стукнуть ближнего по голове сидит в нас очень крепко, мы также признаем необходимость полицейской силы для того, чтобы быть уверенными, что ни мы сами, и ни кто другой, преследуя свои личные цели, не возвратится к прежнему самоуправству. Независимая от личных влияний и желаний, связанная с системой судебной власти сила подкрепляет наши временами нетвердые решения не учинять расправу без суда. Она также защищает нас от всякого другого, кто может поддаться этому соблазну. Таковы основные установления для предотвращения личного произвола внутри страны, и может быть сейчас, когда мы стоим лицом к лицу с опасностью общего уничтожения, мы должны огромным усилием воображения увидеть, что война — это ведь тоже личный произвол

и насилие, — да, личное насилие, совершаемое над телом человечества.

Но как бы то ни было, система правосудия сама по себе недостаточна, чтобы устранить насилие. Мы знаем из внутригосударственного опыта, что существуют определенные условия, которые весьма благоприятствуют смутам и беспорядкам, и приводят иногда к гражданским распрям, ломающим весь уклад внутреннего мира и согласия страны. Эти условия преобладают главным образом тогда, когда ставятся препятствия законным стремлениям, когда нищета повсеместна, когда нет надежд, и когда целые слои общества сознают, что ни им, ни их детям не удастся выкарабкаться из лишений и страданий.

Я бы сказала, что за последние сто лет одним из самых больших прозрений западного свободного общества было осознание того, что надежда на мирное общество чрезвычайно слаба, если оно не является одновременно обществом справедливым и прогрессивным. Мы уже видели, что благосостояние является опорой справедливости и что те страны, в которых лучше всего поддерживается спокойствие граждан, являются как раз те, где есть немалые надежды на будущее, есть уравновешенность во всем, где родители могут рассчитывать, что жизнь их детей будет по крайней мере такой же сносной, как их собственная, а может быть и лучше. Короче говоря, внутреннее благополучие общества является крепчайшим фундаментом социального мира.

В одном отношении в этом нет, возможно, никакого нового откровения. Западная цивилизация всегда лелеяла мечту о справедливом и сострадательном общественном строе. Западные демократы и западные коммунисты, — и те и другие — были привлечены апокалипсическим видением Писания: «...и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не

будет; ибо прежнее прошло». Но при статическом натуральном хозяйстве физические средства устранения нищеты узко ограничены. Стоит только неурожая или росту населения пошатнуть равновесие между потребностями и наличными возможностями — и самые напряженные усилия частной благотворительности не смогут отвратить бедствие. Во всяком случае, благотворительность не всегда бывает чересчур активной.

С развитием науки и промышленности вступили в свои права средства борьбы с беспросветной нуждой. Бедность перестала быть фатальной. Как только экономическая жизнь пробилась через «звуковой барьер» капитального накопления, стало возможно нанести ей удар. Может быть даже и теперь мы еще не вполне осознали революционное значение этой перемены. Внутри западного демократического общества принцип народного благоденствия поставлен во главу угла, и благосостояние так широко распространено, как никогда раньше. Но мы колеблемся на грани их более широкого распространения — на весь человеческий род.

Если мы станем судить о потребности в международных установлениях на основании нашего отечественного опыта, то мы поймем, что необходимы три типа установлений: во-первых, гарантировать мирные способы разрешения споров; во-вторых, контролировать проведение в жизнь достигнутых таким образом законных мирных решений, предотвращая новые акты агрессии; и, в-третьих, обеспечить минимальные условия для экономического благополучия. То, что мы в известной мере признаем необходимость этих установлений, очевидно из того, что мы делаем робкие шаги в направлении их создания. У нас есть Организация Объединенных Наций, хотя вето великих держав категорически придерживается принципа, что «до этого пункта я

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

еще уступлю, но дальше буду делать, как хочу». Мы провели несколько ограниченных первых опытов принятия административных мер на международной основе, и мы — во всяком случае — разговариваем о разоружении, инспекции и контроле. Мы учредили ряд международных организаций, — например, Международный банк или Детский фонд, — которые свидетельствуют о том, что экономические проблемы являются общими для всего человечества, без различия национальности, культуры или расы.

Все это — вехи. Возможно, что они показывают направление наших умозаключений. Но они еще не наложили своего отпечатка на выработанную нами линию поведения, и во всяком случае они далеки от того, чтобы обеспечить те постоянные формы в пределах которых мы стремимся вести наши международные отношения. Прежде чем мы сможем решить, как быстрее всего достичь более упорядоченных условий, нам лучше сперва бросить беспристрастный взгляд на хаос, в который мы в настоящее время погружены.

II

Первым фактором, от которого нельзя никуда укрыться, является деление мира на два грандиозных военных блока, решительно не доверяющих друг другу, ожесточенно противостоящих друг другу, и старающихся правдами и неправдами получить поддержку остальной трети человечества, которая, по всей видимости, в настоящий момент хотела бы только одного: держаться подальше от конфликта. Из этих двух блоков коммунистические державы несомненно являются более захватнической и агрессивной силой. Если оперировать простыми конкретными понятиями акров присоединенных земель и

количества захваченного под свою власть населения, то распространение русской власти на Восточную Европу, а китайской — на Центральную Азию надо сравнивать с одновременным массовым отступлением Запада из своих старых колониальных владений. Никакая пропаганда в мире не может затушевать контраст между этими двумя живыми реальными силами.

Но легче устанавливать факты, чем стоящие за ними причины. До известного предела, действия России в Восточной Европе можно объяснить действительной стратегической необходимостью. В течение последних четырехсот лет Россия с упорной, однообразной регулярностью подвергалась вторжениям через ворота Восточной Европы, и оба немецких вторжения на Украину произошли на памяти мужчин и женщин, которые едва перешли за средний возраст. Стремление обеспечить некоторые новые формы безопасности в этих пограничных районах после кровопролития и резни двух великих войн не может быть сочтено неразумным или незаконным.

Здесь опять перед нами встает тот же вопрос: насколько хозяева Кремля одержимы страхом, — не только страхом естественным, но и сверхъестественным ужасом навождения своей собственной идеологии? В конце концов, было бы вполне возможной вещью навязать Восточной Европе то, что можно назвать «финским разрешением вопроса». Правительства были бы в союзе со своим русским соседом и не имели бы в своем составе враждебного России большинства. Но внутренняя автономия осталась бы нетронутой, и не делалось бы попыток навязать тотальное коммунистическое руководство, воспользовавшись для этого, как послушным орудием, коммунистической партией местного меньшинства. Такое разрешение вопроса оправдало себя

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

в Финляндии и безусловно могло быть предпринято в сотрудничестве с правительствами смешанных коалиций, учрежденных в Восточной Европе после войны. Безусловно, деятели типа Бенеша или Масарика в Чехословакии никогда бы не проводили антисоветскую политику.

И однако все эти коалиции обманом и силой были отстранены от власти, коммунистическому меньшинству на острие советских штыков была преподнесена тотальная власть, и оно принялось навязывать государствам режимы, которые сам Хрущев признал системами нечеловеческого террора.

Как должен внешний мир объяснять такую политику? Если, исходя из своих идеологических предпосылок, русские правители действительно думают, что можно доверять только коммунистам и что всякая другая форма правления фактически или потенциально находится в родстве с «западными империалистами», — то их действия по крайней мере имеют какую-то внутреннюю логику, хотя эта логика, возможно, и находится в разрыве с окружающей действительностью. Но приходится допустить и другую возможность, а именно, что они намерены установить всемирный коммунистический режим, где возможно — обманом, где необходимо — силой. Этой альтернативе следует уделить исключительное внимание, учитывая масштабы вооружений, сохраненных русскими на том же уровне со времен войны; вооружений, которые можно было бы объяснить (пользуясь русской мотивировкой необходимости обороны) — наличием у Америки атомной бомбы, но которые, с другой стороны, могут быть связаны с планами захвата и экспансии. Проблема не становится проще от возможного наличия, в одинаковой пропорции обеих этих причин.

Такова сбивающая с толку ситуация, перед которой стоят западные державы со времен Второй

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

мировой войны, и она не из тех, которые легко укладываются в современный образ мышления западных держав. Прежде всего следует запомнить, что ведущие страны Запада не воодушевлены каким-то мелькающим перед ними видением всемирного режима или бредовой идеей мирового господства. В Европе империализм умер или в полном загоне. В Америке он никогда не был в ходу. Державы в основном процветают. Они хотят торговать. Они не хотят господствовать. В сущности глубочайший инстинкт этих устойчивых, удовлетворенных держав — «сидеть дома и не подвергаться беспокойствам извне».

Я не думаю и теперь, что западные народы действительно отдадут себе отчет в том, какую огромную революцию произвел в мире их старый колониализм и новый индустриализм. Они не ожидают политических сдвигов, которые должны произойти после того, как весь имперский порядок исчезнет за одно десятилетие, а государства и вожди поведут борьбу за права наследия. Им хочется верить в мир, который движется сам по себе и оставляет их в покое.

В самом деле, если бы вы могли обещать этим западным народам чудесное исполнение двух желаний, то первым их желанием, я осмелюсь предполагать, было бы исчезновение всех коммунистов, а вторым — исчезновение всех друзей и союзников. Затем, после устранения всех внешних беспокойств, они могли бы привести себя в порядок и с пользой для себя заниматься своими собственными делами. Вы можете подумать, что в этом есть доля шаржа. Я в этом не так уверена. В одном нет сомнения: ничто на Западе не соответствует стремительной и захватнической навязчивой идее коммунистов о мировой системе под единым коммунистическим руководством.

Но западные державы не могут доводить исполнение своих желаний до безрассудного пренебрежения опасностью коммунистической экспансии. Чуть только где-нибудь вслед за концом империализма проявляется слабость и политическая неустойчивость (как в Бирме и Индонезии) — там коммунисты уже за работой, и делают неустойчивость еще более шаткой. Где берет верх неистовый национализм (как в случае с арабским национализмом Насера) — коммунисты всячески поощряют национальный фанатизм, в надежде заменить его со временем своей идеологией. Все это создает такие беспрестанные сотрясения и толчки под политической корой мира, что не нужно очень чувствительного сейсмографа, чтобы со страхом ощутить опасность близкого землетрясения. И землетрясение может принять грибовидную форму облака водородной бомбы.

Здесь мы подходим к решающему моменту. Мир может выдерживать известное количество политических беспорядков без того, чтобы они вылились в общую катастрофу. Латинской Америке — району государств, пришедших на смену старому испано-португальскому колониализму — потребовалось столетие для поисков альтернативных устойчивых методов организации, и поиски эти все еще продолжаются под аккомпанимент значительных местных волнений. Но местные партии (пока что) еще не связаны с внешними силами, и их разногласия, разумеется, протекают изолированно.

Это не единственный пример. На Балканах до 1914 года местные вожди и партии боролись за то, чтобы заполнить пустоту, оставшуюся после падения старого турецкого господства. В этом соревновании две великие европейские державы, Россия и Австро-Венгрия, примкнули к различным борющимся сторонам. Дважды удалось локализовать местные

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

вспышки. Но в 1914 году выдержка и самообладание лопнули, и балканское политическое убийство дало толчок к мобилизации за границей, а та привела к всеобщей войне. Было бы праздным занятием отрицать, что мы сейчас стоим перед сходной опасностью повсюду, где только местная неустойчивость навлекает или по крайней мере допускает вмешательство великих держав.

Я не собираюсь на кого бы то ни было возводить обвинения. Давайте станем на наиболее великодушную точку зрения относительно советской мотивировки и признаем, что проведение особых защитных мер в Восточной Европе было оправданным. Но в такой же степени мы должны признать неизбежность реакции Запада. За исключением атомной бомбы (вспомним, что Америка предложила обсуждать этот вопрос на международной основе), между 1945 и 1948 годами Запад стремительно и опрометчиво разоружался. Нужно было, чтобы произошли — гражданская война в Греции, коммунистическое насилие над Чехословакией, установление коммунистических правительств в Восточной Европе, блокада Берлина и все русские военные мероприятия, чтобы Запад только-только раскачался снова вооружаться. Потребовалось нападение Северной Кореи на Южную, чтобы Запад наконец утвердился в этом решении.

Никогда не забывайте, что эта реакция была продиктована свежими воспоминаниями о Гитлере. До 1939 года, год за годом Англия и Франция предпочитали полагаться на гитлеровские «добрые намерения», пока, наконец, едва не оказалось слишком поздно, чтобы остановить его. Этот опыт огненными буквами запечатлелся в сознании Запада, и когда, после войны, советская диктаторская власть обрушилась на Европу, стало расти общее убеждение, что ошибка допущенная с Гитлером, не должна

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

быть повторена. Западные державы, установили коллективную систему обороны, чтобы пресечь всякую возможность дальнейшего советского наступления. Таким образом, организация Северо-Атлантического союза возникла в такой же степени из-за воспоминаний о 1939 году, как и из-за угрозы настоящего времени. И союз этот не является безрассудным ответом на создавшееся положение.

Коллективная безопасность основана на идее о том, что если группа наций свяжет себя круговой порукой защищать каждую из наций от агрессии, то коллективная мощь отпугнет возможного правонарушителя. В каком-то смысле это замена международной полиции. Если бы идея коллективной безопасности осуществлялась по обе стороны Атлантического океана во время прихода к власти Гитлера, нам вероятно не пришлось бы переживать ужасов Второй мировой войны.

Как бы то ни было, этот западный отклик на русскую совокупность идеологии, оружия, захватничества и тотальной диктатуры привел к созданию двух великих противостоящих друг другу блоков силы. Это менее опасно для мировой свободы, чем существование только одного крупного блока всеподавляющей силы. Но опасность все-таки в высшей степени велика, и грозит повторением шаг за шагом пройденного, когда из-за Балкан заварилась всеобщая война.

Опасность увеличилась из-за немудрого решения Запада пытаться распространить идею коллективной безопасности на районы, где уместность этой идеи гораздо менее очевидна. В Атлантическом союзе коллективная оборона базируется на сильных, независимых, индустриализованных нациях, наученных опытом двух страшных схваток и теперь понимающих, какой ошибкой является откладывать оборону слишком надолго. Соединив вместе свою обо-

ронную мощь, они существенно ее увеличивают, и решимость так поступать они черпают непосредственно из своего собственного, совсем недавнего исторического опыта.

Но такое положение дела наблюдается исключительно в Атлантическом районе. В Азии, в Африке, на Среднем Востоке непосредственный исторический опыт большинства людей, как вождей, так и масс, связан с борьбой за национальную независимость. Народам трудно переключить свое сознание на проблемы, связанные с усилиями, как бы не впустить русских, которые хотят ворваться, тогда как все усилия самих этих народов до вчерашнего дня (а в некоторых районах это длится и по сейчас), были сосредоточены на том, чтобы заставить англичан, или французов или голландцев убраться вон. Еще в 1945 году большая часть Азии, Африки и Среднего Востока управлялась из Лондона или Парижа. Двенадцать лет — слишком короткий срок для того, чтобы совсем перевернуть наизнанку узко национальные цели; а еще труднее за такой срок изменить всю эмоциональную окраску человеческого сознания и инстинктов.

Вероятно, это просто невозможно сделать. Реакции бывших колониальных стран на внешние события некоторое время неминуемо будут напоминать подобные реакции Америки после 1775 года. Не будет ничего удивительного, если еще лет пятьдесят естественной реакцией этих районов на внешние события будет страстное желание, чтобы их оставили в покое, всепроникающий страх вторжения из старой метрополии и четко сформулированная государственная политика нейтралитета или, как теперь говорят, «невмешательства».

Их экономическое положение подкрепляет эту политическую позицию. В Европе полностью индустриализованные страны оказывают поддержку обо-

ронной мощи друг друга. В большинстве других районов дело обстоит не так. На Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии в сущности нет никакой индустриализации. Индия, гигант по населению, все еще не достигла продукции шести миллионов тонн стали в год. Африка (кроме Южно-Африканского Союза) почти совершенно доиндустриальна. Какая же оборонная мощь может получиться от сложения одних бессильных местных единиц с другими? Разумеется, не получится ничего, что могло бы противостоять хотя бы один час вторжению России, с ядерным оружием или без оно, — если предположить, что намечается прямое вторжение, во что большая часть нейтрального мира не верит или предпочитает не верить.

Правда, обещание помощи со стороны западных держав служит немалой поддержкой для местных сил, и многие нейтральные лидеры наверняка в глубине души благодарны, что их не оставили в мире одних лицом к лицу с единым, всеподавляющим блоком советской мощи. Но американский противовес России существует независимо от того, будут ли малые страны просить ее помощи или нет, опасаясь больше всего, как бы этот американский отпор не затронул их территории. Если великие державы будут драться на земле малых стран, то от последних ничего не останется. Есть африканская поговорка: «Слоны дерутся — трава полегла». Многие малые государства считают, что лучший способ избежать катастрофы — это держаться подальше от слонов.

Нельзя утверждать, что инстинктивное тяготение малых стран к нейтрализму было явно и опасно-нездоровым явлением. Политика нуждается в поддержке со стороны масс, и почти невозможно проводить политический принцип, который идет вразрез со всеми симпатиями, чувствами и желаниями местного населения. Например, трудно доказывать,

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

что Багдадский союз повысил устойчивость на Среднем Востоке. Этот пакт привел Англию обратно в место ее прежнего имперского господства, примерно, через год после ее якобы окончательного ухода. Целью этого было — отразить опасность русской интервенции, (опасность эта не особенно пугала местное население), но создание официального антисоветского блока почти что спровоцировало ответный русский удар. Когда этот удар разразился, — в форме насеровской сделки с Советами, — то арабское общественное мнение гораздо легче было настроить против старого знакомого — британского империалиста, чем заставить бить тревогу из-за нового советского империалиста, который пока что и не совершил по-настоящему никакого вторжения. Чтобы окончательно отпугнуть местное общественное мнение от политики Запада, Англия и Америка поручились за Израиль, а Израиль — это единственный враг, по отношению к которому все арабы проявляют полное единодушие.

Таким образом, Багдадский союз способствовал обострению местной напряженности, спровоцировал заинтересованность и нажим великих держав в борьбе местных соперничающих сторон и создал чисто «балканскую» неустойчивость положения. Думаю, что нет надобности напоминать о том, как часто за последние годы Средний Восток подводил мир к самому краю обрыва войны. В общем попытке распространить принцип коллективной безопасности за пределы Атлантического района, где этот принцип действенен в историческом и житейском смысле, на области, где, в целом, он действенным не является, — не содействовали ни местной устойчивости, ни местной безопасности. Возможно, что они даже сыграли совершенно обратную роль, предоставив России новые возможности проникновения

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

и оттолкнув местное националистическое общественное мнение. Однако проблема встречного удара по коммунистическому нажиму остается. Существует ли какой-нибудь выход из положения?

III

Из всех бесконечных дискуссий по вопросу о Среднем Востоке, ведущихся беспрерывно в течение последних четырех или пяти лет, можно разумеется, почерпнуть элементы последовательной стратегии. Можно ли применить их в жизни, — это другой вопрос, но голый костяк урегулирования вопроса начинает все же принимать различимые очертания. Цель этой стратегии — усилить значение уже находящихся в этом районе местных полицейских сил Организации Объединенных Наций настолько, чтобы гарантировать, что политические перемены, которые время от времени происходят в арабских странах, не приведут к войне в этом районе, и особенно — к войне с Израилем. При условии создания численно значительных международных вооруженных сил, можно было бы предложить державам прекратить всякую военную помощь местным государствам и фактически согласиться на объявление района нейтральным для предотвращения внешних вторжений.

В то же самое время, внутренняя устойчивость может быть укреплена и национализм несколько сдержан посредством проведения действительно смелой программы развития для всего района, которая обеспечит занятием голодных и безработных и отвлечет вспыльчивые головы. Необходимые для этого средства будут получены частично от доходов нефтяной промышленности, — частично путем

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

помощи извне. Все помнят страшную нищету Египта, ущемленного между ростом рождаемости и статической сельскохозяйственной системой; все помнят также знаменательную связь между Суэцким кризисом и намеренно неучтываемым заявлением западных держав о том, что они не предоставят Насеру финансовой помощи для сооружения Асуанской плотины.

Преимущества такого подхода достаточно очевидны. Он обеспечивает району некоторую степень безопасности, в то же время освобождая его от напряженности и опасностей, связанных с соперничеством великих держав. Он предоставляет финансовую и техническую помощь, нужную для того, чтобы протолкнуть безнадежно-отсталый район через трудную, критическую раннюю стадию экономического роста и индустриализации. Он создает такой вид социального уклада, при котором сомнительные пережитки старого империализма могут постепенно сходить на нет, не вызывая интервенции нового империализма.

В сущности, как формула, это приложимо и к другим областям, а не только к Среднему Востоку. Эта формула годится для всех неустойчивых районов, где политическая неопределенность, экономическая отсталость и местные чаяния являются накалипью, представляющую соблазн для внешнего мира. Если такие районы, как Юго-Восточная Азия, или Латинская Америка, или Африка к югу от Сахары, можно было бы уберечь от конкурирующих притязаний великих держав и если экономический рост этих районов можно было бы укрепить с помощью последовательно проводимых долгосрочных экономических программ на региональной основе, а внутреннюю безопасность этих районов усилить при помощи международных вооруженных сил, улаживая все угрожающие миру пограничные конфликты

(как, например, неустановленная китайско-бирманская граница в княжествах Шан) — то могла бы быть осуществлена наиболее целесообразная система безопасности из всех существующих в наше время.

Многие доказывают, что Европа, несмотря на всю свою индустриальную мощь и исконную государственность, тоже превратилась в потенциальное поле битвы между могучими силами России и Америки, и что достигнуть устойчивого положения невозможно, пока континент разделен между двумя враждебными военными коалициями. Эти опасения усугубляются двумя фактами: во-первых тем, что деление проходит через середину единой мощной страны — Германии; во-вторых, что русский деспотический контроль Восточной Европы уже породил два массовых народных мятежа. Нельзя рассчитывать на то, что в этом обширном колонизированном районе теперь прекратилась всякая оппозиция, или, что рецидив такого мятежа может всегда быть тщательно изолирован, как это было с венгерским восстанием. Как только Западная Германия опять вооружится, легко может случиться, что, при новом восстании в Восточной Германии, Западная Германия окажет помощь мятежникам, и трудно предположить, что какая-либо из великих держав оставит своего местного протеже одного перед угрозой поражения. В сущности можно утверждать, что «балканские» возможности насаждения агрессии достигают наибольшей остроты в Европе и что именно здесь должен начаться процесс высвобождения.

Существует, конечно, опасность, что вывод американских войск за Атлантический океан будет равносильно окончательному уходу, и русские, отступив только до болот Припяти, завладеют тогда всем континентом.

Теоретически возможно отразить эту опасность.

В настоящее время американские войска в Европе представляют собой не более чем «проволочное заграждение». Все армии НЭЙТО взятые вместе не могли бы остановить решительного русского продвижения к Ла-Маншу, если бы Советами был намечен такой план. Но наличие тонкого американского заслона гарантирует вступление Америки в конфликт, со всей ее ядерной ударной силой. Таким образом, громоотводом в настоящее время является не местный гарнизон НЭЙТО, а боязнь напороться на проволочное заграждение.

При этих условиях возможно также создать другой род проволочного заграждения в форме полицейских войск Организации Объединенных Наций, размещенных в стратегических пунктах Европы. Исполняя роль американского громоотвода, силы эти предохранили бы континент от возможности нового русского вторжения. Безопасность Европы держалась бы тогда, как и теперь, на шатком равновесии устрашения, но местные шансы на столкновение были бы сильно понижены.

Теория эта, я думаю, правильная. Может быть это та конечная цель, которую державы-члены НЭЙТО должны были бы себе поставить, особенно сейчас, когда развитие техники межконтинентальных снарядов заставляет каждого стратега пересмотреть коренным образом свои предпосылки. Но в качестве немедленного разрешения вопроса эта теория не вселяет больших надежд. Теперь, когда оппозиция коммунизму (даже Восточной Европы) проявляется столь открыто, можем ли мы предположить, что Россия изъявит готовность увести советские гарнизоны, которые, как подпорки, не дают правительствам сателлитов свалиться с их шатающихся стульев? Что касается позиций Запада, то будущее французской Африки могло бы быть гораздо более устойчивым, чем оно представляется в перспективе

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

сегодняшнего дня, если бы можно было ограничить французское правительство в использовании вооруженных сил.

Оставляя в стороне возможность полного увода сил великих держав, с сохранением только вооруженных сил Организации Объединенных Наций, можно еще многое сказать об ограниченных опытах высвобождения. Обширная нейтральная зона, очищенная от атомного оружия и полицейски-охраняемая международными войсками на всем протяжении существующей в настоящее время линии раздела, могла бы стать первым шагом постепенного высвобождения и сократить непосредственный риск пограничных взрывов. Это могло бы также избавить от формального признания захвата Россией Восточной Европы (при условии последовательного проведения этой меры на начальном этапе). В сущности, теперь, когда восстановление и положение Западной Европы укрепилось, можно приветствовать все, что вносит фактор движения и перемен в жизнь Европы. Это вероятно ослабит статус кво, но именно статус кво и держит половину Европы под великодержавной властью России.

Первое, что необходимо миру, это ослабить напряжение в районах, лежащих между великими державами. Заимствуя выражение из радиотехники, следует сказать, что именно в этих «путаных зонах», где соперничающие системы перекрывают друг друга, возникает путаница, неверная передача, шум от глушителей, взаимное перебивание и возрастающее напряжение, когда каждая сторона старается, чтобы ее голос, ее политика, ее сила взяли верх.

Однако напряжение в спорных районах еще не исчерпывает всей проблемы. Если возможно даже провести меры международного контроля в «переходных» зонах, лежащих между центрами великих

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

сил, то, спрашивается, что предпринять дальше? Неужели равновесие страха — это лучшее, на что мы можем надеяться? Недалек тот день, когда технический работник одного из тайных arsenалов сможет нажать кнопку, которая уничтожит континент, занимающий пол мира. Неужели мы должны жить, обладая только таким мерилом безопасности, которое покоится на уверенности, что обе стороны могут вызвать смерть в планетарном масштабе? Перспектива достаточно непривлекательная и должна побудить нас, со всей энергией и волеустремлением, заняться поисками возможного выхода.

Лично я не думаю, что программы частичного разоружения являются чем-то большим, чем одной из частных разрешений вопроса. Всякое соглашение, включающее точную, разработанную в деталях и строго-принудительную систему международного надзора, является уже ценной самоцелью. Международная инспекция Арктики, например, или международный контроль над прекращением ядерных испытаний уничтожает равнодушие великих держав к простейшим сдерживающим началам разума и человечности и — в применении к России и Китаю — наносит ущерб принципу полной засекреченности, который, даже в большей степени чем их коммунизм представляет для человечества постоянную угрозу.

Частичное разоружение ставит, однако, державы лицом к лицу с обескураживающей проблемой, которую можно назвать «закупочным списком» сравнительного разоружения. Сколько моих подводных лодок равняется двум вашим авиаматкам? В связи с введущимися в настоящее время дебатами о разоружении возник практически неразрешимый вопрос. Настойчивость России в деле запрещения ядерного оружия — призыв, который находит отклик в каждом человеческом сердце — маскирует подвох, заключающийся в том, что уничтожение

атомного оружия дает высшую власть человеку с танком; а русские (да и китайцы) имеют тысячи танков и миллионы людей. Чтобы начать войну, танк так же удобен, как и бомба, но ни с чем не сравнимый ужас перед атомным оружием (что и понятно) загипнотизировал человеческие умы. Хоть это и неразумно, но люди не объаты таким ужасом перед несметными армиями и несметным оружием. Таким образом, наводя прения на тему о том оружии, на которое больше всего полагается Запад, и отводя их от темы об оружии и людской силе, на которых прочно базируется Восток, русские получили большой козырь в психологической игре.

Конечно, можно осуждать западную стратегию за то, что она, делая упор на мощь атомного снаряда, свела на нет мощь людского состава войск. Весьма возможно, что сейчас западные державы скорее нуждаются в увеличении числа высококомобильных и высокоподготовленных полицейских частей, чем в увеличении количества бомб. Существует больше шансов на малые войны, чем на большие, а заурядные войны выигрываются людьми с заурядным оружием.

Но можно ли безоговорочно порицать Запад за то, что он демобилизовал своих военнослужащих? Что хорошего в широко-милитаризованных странах, с миллионами солдат, обузданных военной дисциплиной и миллионами штатских, проходящих военную подготовку под видом «добровольцев», на случай разрешения конфликтов других народов? Если бы на наш мир можно было взглянуть в свете разума, стало бы несомненным, что в раздувшихся китайских и советских военных кадрах заключается большая угроза, чем в американском арсенале атомного оружия, — особенно если мы вспомним, что у русских есть и то, и другое.

Положительно, трудность частичного разоруже-

ния состоит в том, что каждая сторона хочет ухитриться оставить себе оружие, наиболее отвечающее ее стратегии и темпераменту. «Закупочные списки» никогда не сходятся, как это с разочарованием обнаружил Лига Наций в тридцатых годах. Единственным выходом из тупика является смелый способ, предложенный в Плана Барука, — и, к великому несчастью, отвергнутый русскими. Заключается этот план в том, чтобы взять оружие из рук государств и передать его на хранение международному органу. За исключением оружия для полиции и милиции, необходимых для нормальной внутренней безопасности, оружие всего мира должно находиться в руках постоянных международных полицейских сил, и именно эта мера и ничто другое — должна была бы быть путеводной звездой и конечной целью всех переговоров о разоружении.

Идея может показаться фантастической, утопической, невыполнимой, немислимой. А ракетные снаряды, приводимые в действие нажатием кнопки, менее фантастичны? Что же это за мир мы создадим, если каждый инструмент, приспособление или машина наделяются мощностью в предельной степени, если изменено понятие времени и само пространство вывернуто наизнанку, а политика и человеческие установления остаются совершенно без изменения? Если под нависшей тенью атомного разрушения мы не можем придумать никаких новых идей, тогда, возможно, осталось очень немного времени для каких бы то ни было идей вообще.

В настоящее время окончательное разоружение не является целью переговоров держав. Они всячески изворачиваются, чтобы сохранить тот род оружия, который обеспечивает им достижение их собственных целей. Мы еще не вышли из века личного произвола. И все-таки, с каждым новым соскальзыванием мира ближе к краю обрыва войны, — как

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

будто слышится все больше и больше голосов, требующих положить конец этому сумасшествию и поддержать те учреждения, которые одни только и могут что-то сделать в этом направлении; более того, делаются конкретные пробные попытки создать кадры международной полиции. Не исключено и то, что могут быть созданы регулярные вооруженные силы ООН, для использования их в таких чрезвычайных положениях, которые за последние годы то и дело возникали на Среднем Востоке и могут возникнуть повсюду, где закат империй приводит район в состояние неустойчивости и неурядицы и делает беспомощным перед всевозможными местными и внешними давлениями. Мир раздирается между двумя концепциями: старой концепцией национальных интересов и полного суверенитета и новой концепцией, ошупью подвигающейся к идее мира под властью закона. Никто не решился бы предсказать, какая чаша весов перетянет. Но о силах, которые определяют выбор, можно сказать кое-что совершенно определенное.

IV

Примерно треть человечества живет в так называемых «не определивших свою политическую платформу странах». Некоторые из этих стран велики и сильны. Большинство из них малые и новые, и в мире, где промышленность и наука неуклонно повышают мощь уже и без того мощных стран и так же неуклонно увеличивают пропасть между великими и малыми, — естественно было бы предположить, что эти малые страны оказывают очень незначительное влияние на главные проблемы дня.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Однако это не так. Либеральный принцип самоопределения и демократический принцип национального равенства дал малым державам голос, которого у них за всю историю человечества не было никогда, и точку опоры в Организации Объединенных Наций, посредством которой они могут оказывать свое влияние. Не может быть сомнения в том, что великие державы стараются склонить на свою сторону колеблющееся мировое общественное мнение при публичных обсуждениях проблем, и не может быть также сомнения, что решительная кампания со стороны «неопределившихся» стран, может несколько видоизменить мировую политику. Другими словами, старая африканская пословица сюда не совсем подходит. Мы являемся свидетелями необыкновенного зрелища, когда слоны обращают некоторое внимание на траву. Трава-то оказывается существует не просто для того, чтобы ее топтали. У нее есть голос. Существует, так сказать, мнение «корней трав» и в международном и в национальном обществе.

Так как в сущности все страны-члены «неопределившейся» группы государств вышли за последние двенадцать лет из колониального состояния, то их озабоченность вопросами колониализма совершенно понятна. Но антиколониализм может быть только одной гранью многообразного, гармоничного мировоззрения. И эта грань — грань отрицательная. Она определяет очень хорошо то, чего «неопределившиеся» народы не хотят, но не делает никаких попыток взяться за более трудную проблему определения того, что они хотят взамен. Если их интересует только национальный эгоизм и право делать, что они хотят, то они готовят себе именно тот мир, который неминуемо приведет к закабалению малых народов. Если «хотение» и «желание» единственный лозунг, то у великих держав с хоте-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

нием и желанием дело обстоит гораздо лучше, чем у их малых соседей, и у них гораздо больше возможностей осуществить свои желания.

«Неопределившимся» нациям придется подумать над этой дилеммой. Они не могут диктовать великим державам ограничения, которых они сами не придерживаются. Они не могут рассчитывать на защиту закона, который они готовы нарушить всякий раз, когда он затрагивает их интересы. Нельзя, как они, иметь развал на низших ступенях власти и ожидать порядка наверху иерархической лестницы. Поэтому, пока «неопределившиеся» нации предлагают применение международных санкций ко всем, кроме самих себя, они, по сути, снова вручают власть над человечеством сильным и жестоким слонам в мире джунглей.

Существует два типа нейтралитета. Трудно определить, какой из них заслуживает эпитета «положительный», или что, по сути, должен означать этот эпитет. Но разница между ними очевидна. Существует нейтралитет, — позиция невмешательства — между военными блоками: этот нейтралитет пытается всеми средствами сглаживать конфликты между ними, предлагать решения, умерять осложнения, настаивать на законном порядке и упорно идти к конечной цели управления путем закона. Я считаю, что шведы упорно стремились использовать свою позицию невмешательства для этой цели укрепления (а не ослабления) сил разума и умиротворения в мировом обществе. Я также считаю, что едва ли можно оценить слишком высоко то влияние, которое мог бы оказать обширный нейтральный блок, если бы он следовал тому же *истинно положительному* подходу к мировому порядку. Тогда поистине слоны должны будут слушать не просто банальности и плакатные лозунги, но твердые, пронизательные, конкретные замечания о сло-

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

новых способах управлять — и часто плохо управлять — делами людей. И я думаю, что давление на них общественного мнения с целью направить по должному руслу их побуждения будет неуклонно увеличиваться.

Но существует другой тип невмешательства, который рассматривает нейтралитет как некие качели, с помощью которых, настраивая один блок против другого (то ныряя вниз с коммунистической поддержкой, то взлетая вверх с помощью Запада) можно осуществлять местные планы, интриги и цели. Но какая же безопасность может быть на качелях? Не есть ли это именно положение максимальной неустойчивости? Балансирование некоторое время может выглядеть очень эффектно, но с каждым новым кризисом общая атмосфера напряженности сгущается, стоимость изношенных нервов и истощенного терпения растет, возможность внешнего вторжения становится все заманчивее. И что останется от ничтожных местных побед, когда день расплаты принесет с собой смерть, разрушение и, вероятно, также потерю независимости? Мы наблюдали много результатов подобного нейтралитета на Среднем Востоке, и можем сказать, что он не прибавляет ничего положительного к благополучию человека.

Каждая новая «неопределившаяся» нация может таким образом выбрать один из этих двух нейтралитетов — пламенный, показательный, «положительный» тип или терпеливый, конструктивный нейтралитет, признающий права закона для себя и других, поддерживающий и финансирующий опыты международного контроля и настаивающий на таком поведении держав, все равно — больших или малых, которое единственно может обеспечить сохранение жизни на тесной планете, жильцами которой являются они все. С ростом мощи этого типа невмеша-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

тельства будут расти надежды на «спокойную землю и долгий мир». Да будет таким нейтралитет Ганы, когда эта молодая нация выступит на арену мировой политики.

V

Но великие решения все еще принимаются великими державами. Какие надежды мы можем возлагать на них? Может быть самой уместной формулировкой тех изменений, которые они должны сделать, чтобы сохранить человеческую жизнь на земле, была бы следующая: коммунистическим державам надо отказаться от своего представления о мировом порядке, а западным державам нужно выработать такое представление.

Можно сказать с категорической уверенностью, что никакой мировой строй никогда не будет исключительно коммунистическим и управляемым из Москвы. Не существует никаких «объективных» экономических законов для наступления такой развязки. Люди слишком различны и слишком независимы от внешних условий, чтобы об их поведении можно было сказать что-нибудь кроме самых общих заключений. А из этих общих правил всегда будут большие, неожиданные исключения, которые меняют судьбу и преобразуют историю и вынуждают делать совсем новые заключения о человеческой драме. Никто не мог предвидеть, никто не мог объективно, в результате дедукции, предсказать того влияния, которое оказали на все развитие истории человечества два малых народа Восточного Средиземноморья — греки и евреи. Мы не знаем сейчас, какие новые судьбы уже принимают очертания в лоне времени. Но мы твердо знаем, что они

будут отличаться, по характеру и влиянию, от наших современных предположений так же сильно, как отличается благодетельный капитализм двадцатого века от предсказанного Марксом Неизбежного Обнищания.

Кроме того, если бы даже возможность тотального коммунистического строя не исключалась а priori, мы благодаря нашему знанию истории человечества уже можем после сорока лет видеть, что музыка будет играть недолго. Титоизм прикончил навсегда ту иллюзию, что, раз государство стало коммунистическим, то оно, по жребию судьбы вечно останется сателлитом Москвы. С тех пор китайская революция с несомненностью доказала, что никакой неизбежный перст судьбы не указывает на Москву, как на центр мирового коммунизма и «Третий Рим». Пекин уже играет независимую роль. С развитием китайской индустриализации и уменьшением зависимости от советских щедрот эта независимость будет возрастать, и не существует никаких железных экономических законов, ручающихся за то, что Москва и Пекин будут всегда желать одного и того же.

У Хрущева, правда, с запинками и с неохотой, но срывалось время от времени признание, что к социализму, может быть, ведет и не одна единственная дорога. Это первый добрый знак возврата к принципу жизненной правды. Если этот новый росток мысли мог бы распуститься и развиться до допущения возможности того, что народы пойдут не одним, а многими путями не только к социализму, но и ко всей системе модернизации, то следствием этого могло бы быть ослабление коммунистического давления в неустойчивых районах и большая готовность дать другим экспериментировать по-своему. По всему свету стало бы меньше заговорщической работы по подготовке тыся-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

четлетнего царства коммунизма, немыслимость которого уже и сейчас легко доказуема и очевидна.

Во внешней активности коммунизма уже произошли кое-какие перемены. До 1955 года, например, Неру был «псом западного империализма». Затем, за одну ночь он превратился в великого национального вождя народов, не связавших себя никакими обязательствами. Пока что эти перемены бывали чисто тактическими, в то время как вся машина стратегии по достижению полной коммунизации оставалась нетронутой. Но если время укрепит и вобьет в головы коммунистов азбучную истину, что существуют разные дороги к социализму, или (в таком же смысле) к капитализму, кооперативизму, плюрализму и ко всякому другому способу организации добывания нашего насущного хлеба и если, повторяю, это случится, — то неужели слишком большим оптимизмом было бы надеяться, что коммунистическая стратегия тоже может измениться, что проповедники и активисты и энергичные дяди из Агитпропа будут отозваны, и мир освободится от излишнего балласта коммунистических интриг, которые сейчас мешают ему при решении каждой возникающей перед ним проблемы?

Может быть проповедническая стадия еще некоторое время продлится. Но каждый выигранный час покоя в нашем путаном, ищущем, полном неожиданностей мире прибавляет шанс к вероятности того, что миф о тотальном всемирном коммунистическом строе поблекнет и выцветет в свете действительности и обыденной правды.

Если коммунистам нужно отбросить свой идеал мирового порядка, то западным державам нужно приобрести таковой, — я спешу заметить, — не какой-то довольно идеализированный и неподвижный канон, а скорее чувство общности и ответственности, разделяемой со всем человечеством. Не

думаю, чтобы Запад в настоящее время обладал такими последовательными убеждениями. Европейские державы отбросили колониализм слишком недавно, чтобы ясно понимать сущность нового мира, который они помогли создать. Америка привыкла быть слишком процветающей страной, слишком счастливой, слишком защищенной, чтобы ощущать реальную и неотложную необходимость мировой политики или мировой стратегии, направленной к сохранению мира. Результатом этого пробела является то, что западная политика до сих пор сбивалась на простое реагирование на разные выходы коммунистов; она выродилась в метаниях туда и сюда, в затыкании одной дыры, когда рядом уже прорвалась другая; выродилась в политику, погрязшую в тактических трюках, лишенную широкой стратегии и никогда вполне не успевающую уладить один кризис до того, как появится на горизонте и разразится другой.

Из этой путаницы есть один только выход — широкая, гибкая политика взаимоотношений с миром, в котором все нации, как одна семья, поровну делят радость и горе, и ни одно государство, как бы сильно оно ни было, не может уйти из этой общей семьи в убежище благополучного уединения. Если это основное положение проблемы жизни коллектива будет принято, то уже не может возникнуть больших разногласий относительно принципов западной мировой политики, потому что это — принципы, уже укоренившиеся в основах западной внутренней жизни. Западные общества основывают свою свободу на законе и на отказе от личного насилия. Если они поступают так у себя дома, они должны поступать так же и за пределами своих стран, и Запад будет непрерывно, неустанно и упорно работать, в поисках не просто создания односторонней защиты национальных интересов, которая все еще состав-

ПЯТЬ ИДЕЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ МИР

ляет девять десятых дипломатии, — но в поисках самого великого из всех национальных интересов — путей к сохранению человеческой жизни на земле под защитой закона.

Даже самые горячие приверженцы западной политики не могут утверждать, что в послевоенные годы вопросами первоочередного значения на повестке дня каждого западного министра иностранных дел были абсолютно бескомпромиссные и неукоснительные меры к достижению контролируемого разоружения, а также установление международной системы правопорядка. Коммунисты получили даже возможность за десять лет до венгерской катастрофы практически монополизировать область пропаганды по разоружению, под видом сбивающих с толку шумных протестов против атомного оружия.

Запад не может себе позволить снова впасть в это кажущееся равнодушие. Каждое усилие дипломатии, каждый шаг к сплочению мирового общественного мнения, каждое мероприятие по распространению знаний и народного образования — все это должно подчеркивать готовность Запада признать основные институты законопослушного мирового общества и вести переговоры о вступлении их в силу неотступно, годами, а если потребуются, то и десятками лет. Тем временем промежуточные стадии такой программы — местные полицейские силы, создание зон, гарантированных от вторжения, отдельные опыты контроля вооружений — должны проводиться интенсивно и безотлагательно.

Эта часть западной программы зависит от соглашения с другими мировыми силами. Одностороннее разоружение не является прелюдией к всемирному порядку. Это повод к мировой анархии. Народы могут отказаться от основных мер самообороны только при изменившихся условиях, полностью га-

рантированных договоренностью, контролем и надзором. Но существует другая широкая область, в которой действия Запада зависят исключительно от его собственных решений.

Тут также путеводными знаками должны служить показатели внутренней жизни общества. Первоначальный жестокий индустриализм, в котором Маркс видел орудие роста нищеты, был преобразован гуманной и христианской традицией Запада. Процесс преобразования все еще длится, и конечно нельзя сказать, что современные многообразные народные хозяйства западных стран хотя бы отдаленно напоминают идеальный строй конечного тысячелетнего царства добра. Но они достигли большей степени социальной справедливости, они создали невиданный до сих пор минимальный и доступный каждому, уровень благосостояния, они заставили механизм индустриального общества обслуживать народные массы в такой же степени, как и привилегированное меньшинство. И если одна политика сыграла в этом роль больше, чем другая, то это соответствует принципу, что богатство, созданное общими усилиями стольких мужчин и женщин, должно быть соразмерно разделено между всеми. Это тот принцип благосостояния, который неизменно преобразил западную индустриализацию в течение последнего столетия.

В настоящий момент большая часть мира стоит на той ступени, на которой Англия стояла в сороковых годах прошлого столетия. Начинаются значительные экономические преобразования, близка первая жестокая фаза капитального накопления. В то же самое время атлантические страны, в которых современная экономическая революция началась раньше всего и при самых благоприятных условиях, теперь достигли процветания, которое делает их богатой элитой нового мирового общества. Они

приобрели это богатство не только благодаря собственному труду, но и благодаря усилиям всей взаимозависимой мировой экономики. Поденный рабочий-эмигрант банту посылает свою унцию золота в Форт Нокс. Но для большинства человечества процесс обогащения протекает медленнее, чем это бывало в Англии викторианского периода. Кули на рисовых полях может заработать 30 долларов в год. Рабочий страны Атлантического района приносит домой 750 долларов и больше.

При этих условиях, если признать факт мирового коллектива, можно сделать только одно заключение, — а именно, что перед богатыми западными народами стоит задача — повторить на международном уровне те проявления справедливости, проныцательности и великодушия, которые позволили им преобразовать индустриализм у себя на родине. Принцип остается тот же, и практика проведения этого в жизнь, в общем, тоже не изменилась: надо просто следить за тем, чтобы десятая часть создаваемых в мире богатств распределялась более равномерно между всеми трудящимися мира. Этот принцип, примененный в самых минимальных размерах может подсказать передачу одного или двух процентов возрастающего государственного дохода западных стран — странам, находящимся в стадии развития, и эта годовая сумма в размере от 5 до 10 миллиардов долларов, вложенная в фонды хозяйственного развития, действуя в качестве побудительной силы, помогла бы молодым возникающим государствам пройти через первую фазу накопления капитала и направила бы их на путь создания своих собственных средств для будущего развития.

Эта политика не только создаст экономические возможности развития, она сделает больше. В охватившей весь современный мир фазе быстрой модернизации она смягчит суровость раннего индустриа-

И Н Т Е Р Н А Ц И О Н А Л И З М

лизма и предотвратит проведение мер политического надзора, зачастую слишком крутых, чтобы могла остаться неущемленной сущность либерального общества.

Я не оспариваю явно-эгоистическую заинтересованность Запада в этом жизненном, новом, международном расширении принципа благосостояния. Без сомнения, она существует, ибо кто же более, чем преуспевающие западные народы, заинтересован в том, чтобы мировое хозяйство росло и процветало? Но я не верю, чтобы одного эгоизма было достаточно для проведения преобразования от нищеты до благосостояния в рамках экономики, и я сомневаюсь, чтобы один национальный эгоизм был в состоянии осуществить такую же революцию на международном уровне. Моя вера заключается в том, что созидающие общество силы социальной справедливости, человеческого участия и христианского сострадания, которые Маркс отбрасывал, как бесполезное буржуазное фарисейство, представляют собой, наоборот, подлинное выражение свободного духа. Пока сострадание и личная ответственность живут в человеческой душе, свобода может выжить, и действовать, и переделывать человеческие установления, как бы они ни обросли с виду человеческими предрассудками и человеческой алчностью.

Эти силы одолели цитадели эгоизма и безответственности внутри западного общества. Они теперь должны помочь расширить поле нашего зрения и включить в него весь человеческий род. Должна сознаться, что ожидаю не узко-эгоистического диктата выгоды, а именно этих созидающих сил, которые принесут лучшее, более изобильное будущее и мирный дом для всего человечества.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
<i>Глава первая</i> — Национализм	7
<i>Глава вторая</i> — Индустриализм	41
<i>Глава третья</i> — Колониализм	77
<i>Глава четвертая</i> — Коммунизм	115
<i>Глава пятая</i> — Интернационализм	151

Цена \$1.35

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА ПРЕГЕР
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

	Цена в долл.
БАРБАРА УОРД Пять идей, которые меняют мир	1.35
ТИБОР МЕРАИ Тринадцать дней	1.65
ДАВИД КОЙЛ Политическая система Соединенных Штатов и как она действует	1.35
В. В. РОСТОВ Стадии экономического роста	1.35
КОНРАД СЫРОП Весна в октябре	1.35
МИЛОВАН ДЖИЛАС Новый класс	1.35
«ГОРЬКАЯ ЖАТВА» — под ред. Эдмунда О. Стиллмана	1.65
САУЛ К. ПАДОВЕР Джефферсон — жизнь и идеи великого американца	1.35
АЛЛАН НЕВИНС и ГЕНРИ С. КОММАДЖЕР Краткая история Соединенных Штатов	1.65
✱	
А. С. ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН Весенний лист (В переплете, текст по английски и русски)	3.00